

Александр Нетылев

Незримые часы

Бывает так, что с самого рождения срок твой отмерен. Ты живешь, зная, что судьба твоя предрешена. И скоро станет неважно, кто ты — скромный студент или развращенный принц: ведь Смерть уравнивает всех. Никакое мастерство заклинателя не спасет от неосмотрительно данной клятвы. Никакая осмотрительность и ум не излечат бракованное тело.

Но что, если Судьбу можно изменить? Что, если один-единственный ход, одно-единственное "Да" позволит поменять расклад? Что если обменявшись смертями, их можно избежать?

Глава 1. Песчинка

Каждый раз, заходясь в приступе сухого кашля, Дан думал, что задохнется. К этому невозможно было привыкнуть.

Невозможно было привыкнуть, но и почти ничего нельзя было сделать.

Почти ничего. Привычным движением дрожащие пальцы высыпали таблетки на ладонь. Он знал, что эти лекарства не прибавят ему лет жизни; более того, злоупотребление ими может даже сократить её. Просто приглушить симптомы.

Даниил Беронин (для друзей Дан и ни в коем случае не Даня) с детства был очень болезненным ребенком. В дошкольном возрасте он почти не играл со сверстниками в подвижные игры; из-за этого многие считали его высокомерным воображалой, но в действительности дело было в другом. Он просто утомлялся уже через пару минут.

Страшный диагноз ему поставили в двенадцать лет. Врожденный порок сердца. За свою недолгую жизнь Дан пережил три операции, но казалось, сама Судьба была против того, чтобы хоть какая-то из них помогла. Уже пять лет он стоял в очереди на самое радикальное решение, — пересадку; — но врач честно сказал ему, чтобы не слишком рассчитывал дожить до того момента, когда подходящий донор найдется. В таких вопросах все решают деньги — большие деньги, которых у его семьи, разумеется, не было.

С того памятного разговора прошло пять лет, и все это время Дану казалось, что еще немного — и он разглядит над своей головой призрачные часы.

Часы, неумолимо отсчитывающие отмеренный ему срок.

Все чаще слушал он разговоры взрослых, и все чаще ловил скрытый посыл, в котором родители не признавались сами себе. Крамольную мысль, что единственным живым ребенком в семье была его младшая сестра Оксана, здоровая, веселая и шептунья девушка, в свои шестнадцать лет делавшая успехи в спортивном айкидо и претендовавшая на синий пояс.

От этих мыслей Дан прятался в книгах. Отличник в школе, всегда выделявшийся примерным поведением, он не сыскал любви одноклассников: «книжный червь» было самым мягким и невинным определением, что он слышал в свой адрес. Окончив же школу, юноша уехал в столицу — поступать в институт.

Зачем? Он и сам не знал. Наверное, просто не мог представить себе, как будет доживать оставшиеся годы, ничего не делая и лишь кляня жизнь. А может, вдохновлялся историями про вундеркиндов, за год освоивших полный учебный курс и успевших в юном возрасте додуматься до чего-то великого.

В конце концов, должна же жить как-то компенсировать ему то, чего недодала по здоровью?

Ведь правда?

На медицинском он учился достаточно хорошо, чтобы получать стипендию, но увы, признаков гениальности и черт нового самого молодого в истории Нобелевского лауреата не проявил. Может, лет через двадцать он и смог бы что-то полезное открыть, — но двадцати лет у него не было.

— Даня! Долго тебя ждать?!

— Сейчас, — откликнулся Дан, стараясь прогнать из голоса характерную хрипоту.

Таблетки уже начали действовать, и вскоре он наконец смог разогнуться. А еще через

минуту был готов показаться на глаза хозяйке помещения, не нарываясь на обеспокоенные вздохи и выражения сочувствия.

Очаровательная блондинка Лера встретила его милой улыбкой. Она была его однокурсницей и как раз сегодня перебиралась из общежития на съемную квартиру. Дан вызвался помочь ей перетащить вещи; хотя сегодня его сердце шалило посильнее обычного, он очень старался этого не показать.

Не хотелось ему показаться слабым в её глазах.

Лера ему искренне нравилась. В её присутствии сердце всегда начинало биться чаще, и Дан сознавал, что вообще-то для него это не очень хорошо... Но ему было все равно.

Незримые часы все равно отобьют отмеренный срок.

Впрочем, на то, чтобы стать ее парнем, Дан никогда не претендовал. Хотя он был вообще-то довольно симпатичным, несмотря на бледность, худобу и вечно растрепанные мышиноного цвета волосы, но не хотелось ему, чтобы она нянчилась с калекой. Принимать её сострадание было бы слишком унижительно.

Он просто помогал ей всегда, когда ей требовалась помощь. Будь то помощь с домашней работой, сопровождение в позднее время суток или необходимость что-то перенести.

Как сейчас.

— Спасибо большое, что помог, — сказала Лера, когда последний чемодан занял свое законное место.

— Не за что, — ответил Дан, стараясь не слишком тяжело дышать, — В смысле, если тебе что-то понадобится, всегда зови.

— Обязательно, — пообещала она.

Она, кажется, хотела было сказать что-то еще, но замолчала, услышав шаги. Еще минута, и в квартире показалось новое действующее лицо.

Высокий и мускулистый парень на пару лет старше Дана был одет в джинсы и черную футболку с ярко выведенной буквой Z во всю грудь. Темно-коричневые волосы были коротко острижены, а надбровные дуги наводили на невольные мысли о близком родстве с неандертальцами.

Которые студент, разумеется, предпочел не озвучивать.

— Это кто это еще? — осведомился парень, нахально обнимая Леру за талию.

Та, Впрочем, не возражала и охотно подалась навстречу. Присутствие третьего-лишнего мигом стало казаться до крайности неуместным.

— Сеня, это Даня, мой однокурсник, — ответила девушка, — Даня, это Сеня, мой парень.

«Не ревнуй. Ты все равно не смог бы занять его место!»

— Лучше все-таки Дан, — поправил юноша, невозмутимо (как он надеялся) протягивая руку.

Несколько секунд Сеня смотрел на нее, будто не понимал, что с ней делать, после чего ответил на рукопожатие. Дан немедленно почувствовал, будто его ладонь зажали в тиски, но постарался не выдать боли.

Вступать в состязание силы он не стал и пытаться.

— Рад познакомиться... Даня.

— Взаимно, — выдавил из себя Дан.

Наконец, его руку отпустили. Даже не сломанной.

— И часто ты приглашаешь к себе одноклассников, пока меня нет? — осведомился

Сеня, налитыми кровью глазами глядя на «соперника».

— Перестань, — откликнулась Лера, — Даня просто помог мне перенести вещи.

Она успокаивающе поглаживала парня по могучему бицепсу.

— Не стоит беспокоиться, — заверил Дан, чувствуя себя до крайности глупо, — Я уже ухожу.

По взгляду Леры он понял, что это было верное решение.

В общежитие Даниил вернулся только к вечеру. Хотел отправиться туда сразу, но кое-кому еще из его друзей понадобилась помощь, и он, как обычно, не смог отказать. О том, что он всегда готов помочь в любое время дня и ночи, прекрасно знали все его знакомые.

И, как он надеялся, хоть немного это ценили. Может быть, даже помнили.

Так что вернулся он совершенно вымотанный. Сердце бешено колотилось, и лишь приняв лекарства, он смог заняться хоть чем-нибудь. О чем-нибудь полезном речи не шло; но по крайней мере, можно было улечься на койку и почитать книжку... попроще. Из тех, что разгружают мозг и помогают расслабиться. К примеру, что-нибудь из фэнтези нулевых, что он предпочитал, несмотря на все развитие технологий, читать в бумажном виде, а не с телефона.

Так, за книгой, он и уснул. Дан редко видел сны; точнее, он знал теоретически, что на самом деле сны снятся всем и каждую ночь, но он никогда не помнил их наутро. А то, что не откладывается в памяти, по его глубокому убеждению, с точки зрения субъективного восприятия человека все равно что не происходит.

Потому что в конечном счете, воспоминания — это единственное, что остается с нами навсегда.

Однако этот сон ощущался будто наяву. Почему-то не сомневался юноша, что проснувшись, будет помнить его во всех деталях.

Казалось ему, что он бродит в густом, непроглядном тумане необычайного насыщенно-ультрамаринового цвета. В этом тумане он не мог рассмотреть даже собственных рук, но несмотря на это, сон казался весьма приятным.

Прежде всего потому что в этом сне у Дана ничего не болело. Даже фоново.

Такое действительно было возможно только во сне.

Точно так же Даниил не смог различить того, кто подошел к нему сквозь туман, но каким-то шестым чувством понял, что уже не один. Что там, за пологом тумана, кто-то наблюдает за ним.

— Скажи, — голос, произнесший это, звучал неожиданно звонко и чем-то напоминал его собственный, — Чего ты хочешь?

Что на это можно было ответить? Наверное, очень многое. Люди всегда чего-то хотят и сталкиваясь с предложением выбрать, чего они хотят больше всего, обычно задумываются. Но для него ответ был самым простым и коротким, какой только возможен на этом свете:

— Жить.

Загадочный собеседник промедлил, осмысливая ответ.

— Что тебе мешает? — спросил он наконец.

Вопрос показался издевательским. Хотя Даниил вполне допускал, что у голоса нет его медицинской карты, все равно против воли ответ прозвучал горько и саркастично:

— То, что я скоро умру.

— Почему?

Ну точно нет карты. Даже во сне всем все приходится объяснять. Объяснять не хотелось. Не хотелось, но почему-то это казалось важным.

Как будто ему обязательно нужно объяснить хотя бы в общих чертах. Как будто на этот раз его спрашивают не из вежливости.

Как будто на этот раз это что-то изменит.

— Потому что я болен. Неизлечимо.

Против ожидания, голос не спросил, чем именно, и даже не рассыпался в показных сочувствиях. И почему-то Дан почувствовал благодарность и за то, и за другое.

Вкупе с яростью от того, что собеседник спросил вместо всего этого:

— И все?

Как будто речь шла о каких-то мелочах.

— Этого мало?! — рыкнул в ответ студент.

Не без труда удерживаясь от того, чтобы сквозь туман броситься на невидимого насмешника.

Тот, однако, остался невозмутим:

— Это в самый раз. Я могу исполнить твое желание... Но ты должен будешь в ответ исполнить мое.

— Чего же ты хочешь? — подозрительно спросил Дан.

Гнев отступил; хотя бы во сне он хотел поверить в чудо. Хоть на секунду. Хотя бы до пробуждения.

Собеседник же, кажется, чуть усмехнулся, прежде чем ответить одним-единственным словом:

— Жить.

Проснувшись утром, Даниил какое-то время лежал без движения, приходя в себя. Вскочить сходу, за пять минут одеться и побежать по делам — это было не про него, такого с ним никогда не бывало. Именно поэтому на его телефоне было установлено аж четыре будильника на разное время.

Первый — чтобы проснуться. Второй — чтобы проснуться до конца. Третий — чтобы встать. Четвертый — чтобы пойти хоть позавтракать перед выходом.

Странный сон запомнился во всех подробностях, что было весьма необычно. Дан мог поклясться, что способен дословно повторить каждое слово. И опознать именно этот туман, с легкостью отличив его от тумана похожих оттенков.

Впрочем, сны всегда мало его интересовали, и в исполнение своего желания он не верил. Базовый курс психологии, которую у них читали скорее формально, позволял понимать, что сны — не более чем проявление бессознательного.

Они не влияют на реальность.

Хотя воскресный день был выходным, Даниил всегда ненавидел сидеть в четырех стенах. В таких обстоятельствах мрачные мысли навевались сами собой, и сопротивляться им было крайне сложно. Благо, чем заняться, было всегда.

Даже несмотря на то, что традиционных главных развлечений массового студенчества — литрбола и охоты за юбками — он был глубоко чужд.

Первую половину выходного дня Дан, как правило, уделял подработке. Провинциал из небогатой семьи, он жил весьма стесненно, и каждая лишняя тысяча играла серьезную роль. Вечером, по его плану, можно было и о себе подумать...

Но только в этот раз планам не суждено было сбыться.

В первый момент он даже не понял, что произошло. Едва выйдя на улицу, он ощутил, как голова раскололась от боли. Цветные пятна перед глазами ослепили его, и он почувствовал, что падает.

— Не смей подходить к моей бабе, понял, сопляк?!

Когда в глазах немного прояснилось, Даниил увидел трех обступивших его ребят. Одним был вчерашний знакомец Сеня, двух других, напоминавших хрестоматийных Толстого и Тонкого, он видел впервые в жизни.

— Тебе... не надо...

Дан пытался сказать «Тебе не надо ревновать ко мне, ты же видишь, что между мной и Лерой ничего нет». Но дыхалки не хватило.

— Ты угрожать мне вздумал, тварь?!

Сеня поднял его за грудки, саданув спиной об стену. Толстый и Тонкий присоединяться к веселью не торопились и, кажется, стояли рядом для моральной поддержки.

— Нет... — выдохнул Дан, — Дай мне сказать... Мы с ней... Просто друзья...

— Хватит отпираться, слабак, — презрительно бросил Сеня, занося кулак для удара.

Даниил понял, что словами он не спасется, хотя бы уже потому что его слов никто не желает слушать. Нечего было и думать одержать верх в этой драке.

Справиться со здоровенным амбалом он бы не смог, даже если бы двое других продолжали сохранять нейтралитет и не решили поддержать вожака.

Стараясь не привлекать внимания к своему движению, Дан достал из кармана обыкновенную авторучку в металлической оболочке. Действуя на опережение, он нанес один быстрый удар, целясь в подмышку.

Нападавший вскрикнул, — скорее от удивления, чем от боли, — и на секунду разжал захват. Быстро, отчаянно студент бросился бежать...

И когда ему в спину прилетел мощный удар кулаком, почти что ощутил, как останавливается его сердце.

— Впредь будет знать, — бесхитростно заметил Толстый, явно не успев еще понять, чему только что стал соучастником. А Даниил пояснить ему это, разумеется, уже не мог.

— Дебил ты был, Эдик, дебилем и останешься! — отчаянно взвыл Тонкий, хватаясь за голову.

— Хочешь, чтобы нам мокруху пришили?!

— Так а чё он? — как-то не вполне уверенно возразил Сеня.

И много чего еще они говорили, чего Дан уже не слышал. Сознание уносилось куда-то далеко, — за ту загадочную дверь, что была призывно распахнута для него с самого рождения.

Последняя четкая мысль была о том, что вот сейчас и пересыпалась последняя песчинка в часах, что отсчитывали отмеренное ему время.

Почему-то в этот раз туман казался еще более густым. Где-то на грани восприятия сквозь насыщенно-синюю, с фиолетовым отливом гамму виднелись неуловимые отблески багряного.

Как яркая молния зарождается в глубинах темной тучи.

— Кажется, у тебя осталось мало времени.

В этот момент голос казался звучащим совсем близко. В какие-то секунды Дан как

будто различал, — не столько даже глазами, сколько каким-то чутьем, — темный силуэт прямо перед собой.

Отгоняя мысль, что так и выглядит Смерть.

— Мне кажется, у меня его вообще нет, — криво усмехнулся он.

Странное дело, сейчас он не боялся.

Может быть, потому что слишком нереальным казалось то, что он видел.

А может, потому что простое отсутствие боли вызывало самую настоящую эйфорию. Мелькнула даже мысль, что возможно, он сейчас в больнице, и это все — галлюцинации под действием морфия.

— Пока есть, — бесстрастно ответил голос, — Человек не умирает сразу. И ему можно помочь... Если начать незамедлительно. Поэтому самое время принять решение. Тебе нужно лишь дать свое согласие.

— Согласие — на что? — спросил Дан не задумываясь.

Соглашаться неизвестно на что он не собирался ни в жизни, ни в смерти. Благо, по определенным причинам с мошенниками он сталкивался в своей жизни неоднократно и приобрел легкую паранойю на этот счет.

— Ты исполнишь мое желание, а я исполню твое, — ответил голос, — Ты продолжишь мою жизнь, а я твою.

Видя возмущение юноши, готового уже высказать все, что он думает об этой загадочности и виляниях, невидимый собеседник добавил, будто извиняясь:

— Я очень хотел все подробно объяснить тебе за несколько сеансов. Но сам видишь, времени нет. Ты должен принимать решение немедленно.

— Кто ты вообще такой? — упрямо склонил голову юноша, — Ты Смерть? Дьявол? Или, может, ты божественная сила, которой нужен Избранный герой, и ты не нашел никого лучше, чем умирающий студент-медик?

— Я совершенно точно не Смерть, — откликнулся собеседник, — Кто такой Дя Воль, вообще понятия не имею, но к божественным силам не принадлежу. Я такой же смертник, как и ты. Только причины у меня другие. И мы можем помочь друг другу. Ты сможешь жить там, где умер бы я. Я смогу жить там, где умер бы ты. Честная сделка.

— Там — это где? — не удержался Дан.

Мелькнула неуместная мысль, что нужно было меньше читать попаданческого фэнтези. Может, тогда он сейчас видел бы свет в конце туннеля, как все нормальные люди. Или апостола Петра и его коллег из других религий, как немножко менее нормальные.

— Ты можешь упрощенно назвать это другим миром, — с легким оттенком раздражения ответил голос, — Так будет проще и быстрее, чем объяснять тебе точку зрения заклинателей моего клана на этот вопрос, а у тебя нет времени. Ты вот-вот умрешь, если не дашь свое согласие. Просто скажи «я согласен».

— Если я это скажу... — медленно ответил Дан, у которого такие навязчивые требования спешить всегда вызывали подсознательный протест, — Не окажусь ли я в еще большей заднице, чем сейчас?

— Ты умираешь, — резонно ответил голос, — Как ты представляешь себе «еще большую задницу»?

Формулировка была для него непривычной, но повторил он ее с заметным удовольствием.

— А ты? — возразил Дан, — Ты сказал, что ты тоже смертник. Не попаду ли я из огня

да в полымя?

Ему показалось, что собеседник пожал плечами, хотя не видя его, сказать точно было невозможно.

— У тебя будет шанс. Воспользуешься ты им или нет, вопрос к тебе. Моя ситуация безнадежна для меня, но не для другого человека на моем месте. Так же и твоя — безнадежна для тебя, но не для заклинателя, знакомого с практиками Дыхания Жизни.

Даниил хмыкнул:

— Если ты такой крутой, то что ж за ситуация, где ты обречен, а кто-то другой нет?

Раздражение в голосе невидимого собеседника стало уже явственным:

— Мне пришлось бы объяснять тебе весь расклад, при том, что ты поди ни разу в жизни не сталкивался с Клятвой Заклинателя. У тебя нет на это времени, если мы проговорим еще минуту, мне придется искать другого кандидата для обмена. Видишь, как меняется туман? Это значит, что ты вот-вот умрешь. Так что ты не в том положении, чтобы изображать благородную даму.

«А ведь он очень молод», — вдруг понял Даниил. Весь разговор он, может быть, под влиянием стереотипов, почерпнутых из фэнтезийных книг про Избранных героев, воспринимал собеседника как нечто древнее, могущественное и мудрое (или по крайней мере претендующее на это).

А сейчас осознал, что говорит в лучшем случае с ровесником.

Между тем, окружавший их туман на протяжении разговора потихоньку менял цвет. Из ультрамаринового он становился фиолетовым, а затем — темно-красным.

Как венозная кровь.

И вот в этот момент Дану стало страшно. Почему-то только сейчас. Не тогда, когда на него напали те три отморозка: в тот момент он не успел даже толком осознать произошедшее. Не тогда, когда он засомневался в том, что все, что он видит здесь, лишь галлюцинация. Не тогда, когда безжалостный голос предложил со всех сторон сомнительно пахнущую сделку.

А именно сейчас. Когда с полной, абсолютной, невозможной в обыденной жизни ясностью он осознал, что все. Он умирает. Отпущенное ему время закончилось. Последняя песчинка в часах, отмеряющих его жизнь, безжалостно летит вниз, и когда она упадет на дно, его не станет.

Последняя песчинка...

— Ладно, — Дан постарался, чтобы его слова прозвучали спокойно и взвешенно, но против его воли голос срывался, — Я согласен. Что мне нужно делать?

«Где подписать кровью?»

— Ничего, — ответил голос, — Я все сделаю сам.

Сквозь багровый туман, освещенный сполохами дальних зарниц, проступил темный силуэт. Как ни старался, Даниил не мог разглядеть деталей, хотя сумел разобрать, что телосложением незнакомец поразительно напоминает эльфа, а необычайно длинные волосы заплетены в косу.

Неожиданно закружилась голова. Это было первое телесное ощущение, что почувствовал Дан в этом сне, и студент на секунду задумался, что из этого следует. Значит ли это, что неведомый голос начал исполнять свою часть сделки, или что сейчас его реанимируют в больнице? А может, что все это, включая нападение, лишь продолжение утреннего сна, и лишь сейчас он просыпается?

— Запомни одно название, — вдруг сказал собеседник, — Чен-Мэй-Бу. Я там оставил кое-какие книги, которые помогут тебе вникнуть в суть дела.

— Спасибо, — ответил Даниил, борясь с тошнотой. Вестибулярный аппарат вдруг вспомнил о своем существовании и поспешил напомнить хозяину.

— Я ничего не заготовил, но если захочешь узнать что-то о нашем мире, посмотри в Интернете. Объяснить, как пользоваться компьютером?..

— Ты не успеешь, — серьезно сказал собеседник.

Кажется, с искренним сожалением.

Туман вдруг расступился, но рассмотреть, с кем говорил, Дан не успел. Неведомая сила подхватила его, сжала, будто пыталась смять, — и швырнула, казалось, во все стороны одновременно. Заговорили одновременно, перебивая друг друга, множество разных голосов на тысячах разных языков, многие из которых, он готов был поклясться, не принадлежали ни одному из народов Земли. Желудок крутануло, и перед глазами закружились разноцветные искры. Все быстрее и быстрее мир крутился вокруг него. Казалось, перед глазами безумным калейдоскопом проносятся миры, жизни, судьбы.

И в этом мельтешении со странным спокойствием Даниил разобрал один-единственный образ.

Как падающая песчинка, последняя песчинка в песочных часах, вдруг останавливается на лету — и начинает лететь обратно вверх.

Глава 2. Зеркало

Книги. Аниме. Дорамы.

Все это прекрасно подходит, чтобы подготовиться к ситуациям, что с вероятностью, близкой к гарантии, не произойдут с тобой никогда в жизни. Полученные знания будут висеть мертвым грузом, не помогая в жизни, но и не мешая. Зато уж если когда-нибудь случится так, что ты совершенно случайно попадешь в другой мир, ты будешь к этому готов...

Только вот у таких методов подготовки есть один большой недостаток. Тот же самый, что и у учебников самообороны, шгудлируемых на случай нападения на улице и не подкрепленных тренировками хотя бы в спортзале.

Если такая ситуация и вправду произойдет, все полученные таким образом знания вдруг выветрятся из памяти.

Если однажды ты очнешься в другом мире, то сколько бы попаданческого фэнтези ты ни прочел, первая мысль в любом случае будет о дурке.

Очнувшись, Дан первым делом почувствовал, что чего-то не хватает. Не в обстановке: кромешная темнота, окружавшая его, элементарнейшим образом объяснялась тем, что он до сих пор не открыл глаза. И не собирался их открывать, пока не поймет, что именно в его ощущениях отличается от привычного.

А затем его вдруг осенило. Не было боли. Боли, ставшей уже настолько обыденной, что он о ней даже не задумывался. Не сказать, чтобы сейчас он чувствовал себя так уж хорошо: казалось ему, что он перетрудил все мышцы и в таком состоянии валялся обессиленный. Но, — и это было совершенно невероятно, — даже в таком состоянии сердце билось ровно и четко.

Он лежал на чем-то мягком, укрытый одеялом. Лежал он на спине, а к его руке, кажется, кто-то прикасался в районе запястья.

Пульс, что ли, прощупывали?

Дан все-таки открыл глаза. Он постарался сделать это осторожно и не слишком заметно, но его усилия пропали втуне: в следующую же секунду звонкий женский голос провозгласил:

— Молодой господин очнулся!

Странно воспринималось все это. В отличие от общения во сне, где Дан просто не осознавал, на каком языке к нему обращались и на каком он отвечал, на этот раз он четко слышал, что речь девушки не была похожа ни на русский, ни на какой-либо другой из известных ему языков. Но в то же время он понимал каждое слово, как будто говорил на этом языке с рождения.

Между тем, в ответ на возглас девушки поднялся шум, наглядно показавший, что она не была единственным человеком в помещении. Понимая, что скрываться нет никакого смысла, Дан приподнял голову, чтобы удобнее было оглядеться.

Он лежал на чем-то вроде матраса круглой формы, обитого мягкой, шелковистой темно-синей тканью. Насколько мог судить юноша, это все-таки не был шелк, а было что-то совершенно незнакомое. Впрочем, не сказать чтобы он обладал такими уж глубокими знаниями в области текстильной промышленности, чтобы опознать хотя бы редкие ткани родного мира, не говоря уж об иномирских.

Матрас был расстелен прямо на полу, а вокруг возвышались шесть деревянных столбиков, и вот как раз породу дерева Дан опознал легко: бамбук мало с чем можно спутать. Эти столбики служили опорой для навеса, с которого свисали плотные черные с золотым узором занавески; видимо, эта конструкция служила аналогом балдахина для отдыхающего. А может, это и был балдахин.

Сейчас занавески были отдернуты, и Дан мог видеть часть просторной комнаты, украшенной панелями из резного дерева. К сожалению, детально рассмотреть узоры или внимательнее изучить обстановку не удавалось из-за загораживавших обзор людей.

Всего их было четверо. Три девушки-азиатки в одинаковых розовых платьях с зелеными поясами выстроились в рядочек в трех шагах от Даниила. Все три, как на подбор, невысокие, молодые — лет шестнадцати-семнадцати на вид — и очень, очень милovidные, с лучистыми карими глазами и даже на вид мягкими темными волосами, уложенными в сложные прически.

Азиатом был и мужчина, державший его за руку, но этот отличался разительно. Крупный, плотного телосложения; на вид ему было лет пятьдесят. Сосредоточенное лицо слегка хмурилось; кажется, шум и суэта его совсем не радовали. Одет он был в просторный восточный халат бледно-фиолетового цвета, а голову украшала странная четырехугольная шапочка с какими-то висюльками по углам.

Пятый зритель несколько терялся на фоне остальных и воспринимался как-то фоново. Невысокий, худощавый, в свободном синем одеянии, на вид ему было лет двадцать с небольшим, но черты лица совершенно не запоминались: кажется, именно такие люди породили стереотип о неразличимости китайцев для европейца. Обращали на себя внимание лишь две черты. Во-первых, он был совершенно лыс: не было даже бровей. И во-вторых, он единственный в комнате был вооружен: изогнутый меч он, на корейский манер, носил в руке за ножны, не пытаясь повесить за пояс.

— Что... произошло? — спросил Дан, решив, что раз он «очнулся», а не «проснулся», значит, он не просто лег спать, а неожиданно потерял сознание, и следовательно, его недоумение не будет выглядеть подозрительно.

Лысый выступил вперед и низко поклонился:

— Молодой господин, вас нашли в вашем ритуальном зале. У вас в руках был сгоревший свиток с символикой Королевского Архива. Я взял на себя смелость запретить информировать королевский двор об этом происшествии до ваших распоряжений. Без сознания вы пробыли больше полутора суток. Что касается вашего здоровья... пусть лучше расскажет почтеннейший Хо.

Мужчина в фиолетовом кланяться не стал: он продолжал щупать руку Дана. Юноше отчаянно хотелось вырвать ее, но он прекрасно знал, насколько бесят пациенты, мешающие врачам проводить обследование, и потому терпел.

— Телесно вы полностью здоровы, — сообщил предполагаемый врач, — Ожоги на ваших руках зажили в первые часы. Однако ваше энергетическое ядро практически опустошено. Что-то высосало из вас всю накопленную вами энергию.

— Чем мне это грозит? — машинально спросил юноша.

И судя по взгляду врача, этот вопрос все-таки показался странным.

— До тех пор, пока вы не наполните свое ядро, вам будет тяжело практиковать заклинания, — напомнил он, — Кроме того, возможны вялость, приступы апатии, головокружение и спутанность сознания.

Даниил никакой апатии не чувствовал; напротив, такой жажды активности, как сейчас, он не испытывал, пожалуй, никогда в жизни. Но вот спутанность сознания — удобная штука: на нее можно многое списать, особенно когда не узнаешь окружающих людей, не помнишь собственного имени и не ориентируешься в своем доме.

— Я... мне трудно вспомнить, — признался он, — Мысли в голове путаются. Я не уверен до конца в своих воспоминаниях и не помню, что было в свитке, чем я занимался перед тем, как потерять сознание, и куда делась моя энергия.

Хотя он подозревал, что энергия либо ушла на обмен телами, либо законный хозяин тела прихватил ее с собой.

Так странно было думать об этом. Он в другом мире. В чужом теле. Эта мысль постепенно занимала свое место в голове юноши. А по ассоциации он подумал кое-о чем еще.

Он внимательно осмотрел собственную руку. Очень хотелось потребовать зеркало, но пока что Дан не мог сообразить, как это требование обосновать. Впрочем, и рука была совершенно явно чужой. Никогда у сублильного и болезненного юноши не было столь литой мускулатуры. Человек, чье тело он сейчас занимал, не походил на культуриста: он был строен и изящен. Но вместе с тем, каждая мышца его была прекрасно тренирована. Такое бывает лишь у тех, кто активно занимается чем-то, требующим комплексного приложения мышц; азиатская внешность окружающих и стереотипы западного представления просто призывали предположить, что хозяин тела владел кун-фу.

Между тем, почтеннейший Хо отпустил его запястье и, поднимаясь, ответил:

— Полагаю, воспоминания постепенно восстановятся. Я дам вам рецепт тонизирующего чая; однако в целом, моя работа здесь закончена. Главное, что вам нужно делать, это практиковать предпочитаемые вами методики наполнения энергетического ядра.

Легко сказать, особенно когда понятия не имеешь, о чем речь!

— Может быть, вы посоветуете, какая методика лучше всего подойдет в моем состоянии? — попытался закинуть удочку Дан.

В ответ Хо поклонился, сцепив руки перед собой:

— Я не смею, Ваше Высочество. Советы скромного лекаря о практиках совершенствующихся недостойны того, чтобы давать их заклинателю восьмого ранга.

«Я еще и Высочество?» — мысленно переспросил Дан.

Но вслух этого говорить, разумеется, не следовало.

— Что ж, благодарю вас, почтеннейший Хо, — сказал он вместо этого, — За все, что вы сделали для меня.

— Служить вам — мой долг, Ваше Высочество, — откликнулся лекарь, не поднимая головы.

И замолчал. Несколько секунд Дан раздумывал, сколько он может так стоять, и заподозрил, что долго.

— Полагаю, вы можете идти, — сказал юноша.

«Или мне следовало сказать об оплате его услуг?» — мысленно засомневался он, — «Только я понятия не имею, какие тут деньги и платят ли вообще принцы лекарям».

— В таком случае, я удаляюсь. Прощаюсь с Вашим Высочеством.

К выходу из комнаты почтеннейший Хо шел, пятясь назад. Открылась дверь; судя по звуку — раздвижная.

И лишь после того, как она закрылась, мужчина с мечом негромко спросил:

— Мне распорядиться?..

Судя по тому, как это было сказано, естественным ожидаемым ответом было «Да, конечно», но Дан все-таки уточнил:

— Распорядиться о чем?

Ответ заставил его ненадолго забыть о мимикрии:

— Об устранении почтеннейшего Хо.

— Устранении? — переспросил Дан, — За что? Что он сделал не так?

Здесь уже собеседник посмотрел на него с удивлением:

— Почтеннейший Хо все сделал правильно. Однако он знает о том, что случилось с вами, знает о вашей уязвимости. Почтеннейший Хо не принадлежит к дворцу Чиньжу и может рассказать о том, что вы лишились накопленной энергии. В преддверие назначения наследного принца это может быть губительно для вас.

Дан упрямо мотнул головой:

— Я не собираюсь убивать из-за того, что он «может» мне навредить.

Кажется, для местных убить врача, который явно находился в местной социальной лестнице значительно ниже принца, было нормой; однако Даниил считал иначе.

Впрочем, секундой позже он придумал убедительное объяснение своему решению:

— Если пойдет слух о том, что я убиваю людей, сделавших мне добро, кто станет делать это впредь? Не решит ли следующий врач, помощью которого мне потребуется воспользоваться, что неблагодарного пациента лучше отравить, чем лечить?

— Молодой господин, — возразил лысый, — Если кто-то из ваших врагов нанесет удар, когда вы уязвимы, то поддержка врачей не сможет помочь вам.

— А чтобы я не был уязвим, это твоя работа, — рискнул Дан, — Я хочу, чтобы ты выяснил все о происшествии в ритуальном зале. Что за свиток я взял из Королевского Архива. Чем я занимался перед тем, как потерять сознание. Действительно ли там не было никого, кроме меня.

Кажется, он не ошибся, делая предположение о роли этого человека.

— Я займусь этим немедленно, Ваше Высочество, — поклонился тот.

— Тогда иди, — сказал Дан, — И... не информируй пока королевский двор. Я хочу сперва сам во всем разобраться.

— Прощаюсь с Вашим Высочеством.

Так же, как и врач, он направился к двери, пятясь задом. Его примеру последовали две из трех девушек. А вот третья осталась, явно чего-то ожидая.

А Даниил вдруг с пугающей отчетливостью осознал, что под одеялом он полностью голый. И что из-за этого он никак не может встать с матраса под взглядом незнакомой девушки.

Девушку же это явно не смущало. Совершенно неподвижно она стояла у его постели и, кажется, чего-то ждала.

Первым нарушил молчание Дан.

— Мне нужно переодеться, — сказал он с намеком.

В ответ девушка поклонилась:

— Молодой господин, я здесь, чтобы служить вам.

Молчание затягивалось. А затем на лице азиатки мелькнуло озарение.

— Простите мне мое недомыслие, молодой господин!

И с этими словами она потянула пояс. Полы платья начали расходиться, и Дан

торопливо перевел взгляд на её лицо.

— Что ты делаешь? — спросил он, хотя в общем-то уже догадывался.

Девушка снова замерла.

— Молодой господин желает, чтобы прежде чем помогать с одеванием, я служила ему в постели. Прошу простить мою глупость: я не поняла этого сразу. Пожалуйста, не карайте мою семью за мою ошибку!

— Перестань, — поморщился Дан, — Я не собираюсь трогать твою семью...

После чего добавил — быстро, ибо боялся, что еще немного, и ему не хватит сил не передумать, особенно когда из распахнувшегося выреза платья столь соблазнительно виднеется нежная кожа.

— И я не собираюсь трогать тебя. Я не требую от тебя... служить мне в постели. И даже одевать меня не требуется. Просто дай мне мою одежду и... скажем, пойди и принеси мне зеркало.

Глаза девушки удивленно расширились; кажется, что-то в поведении Дана показалось ей крайне странным. Однако возражать она не посмела.

К счастью, потому что Дан чувствовал: еще немного, и новые, незнакомые ему позывы сильного и здорового тела возьмут верх над моральными ценностями привычного мира.

Вскоре обнаружилось, что намерение одеться самостоятельно было весьма самоуверенным. Трудности начались уже на этапе нижнего белья, в роли которого выступали не то короткие штаны, не то длинные шорты из белой ткани. Оказалось, что такой простой и естественной для современного человека вещи, как резинка, местные не знали. Никогда раньше Дану не приходилось носить трусы на шнуровке, и лишь со второй попытки узел удалось сделать таким, чтобы никуда не врезался. Сложнее оказалось с двубортной шелковой рубашкой насыщенно-синего цвета: над сложной системой из серебряных крючков, заменявшей ей пуговицы, пришлось как следует поломать голову.

Именно этим Даниил и занимался, когда вернулась служанка, с явным трудом несшая массивное зеркало в бронзовой оправе.

И увидев свое отражение, он на секунду даже забыл о смущении.

Почему-то даже успев понять, что попал в какой-то местный Китай, Даниил Беронин подсознательно рассчитывал, что увидит в зеркале свое собственное лицо. Или лицо, похожее на свое. А может, жила в нем надежда, что когда он заглянет в это зеркало, сон или галлюцинация развеется, и он снова проснется в родном городе, в родном мире, в родном теле, — пусть слабым и больным, но все же своим!

Разумеется, реальности было глубоко плевать на его надежды.

Хотя владеец тела был его явным ровесником, он был заметно выше ростом; навскидку где-то метр девяносто, — для азиата так и вовсе великан. При этом телосложение его отличалось какой-то гармоничностью: небольшие, но крепкие мышцы казались четко расположенными каждая на своих местах в соответствии с каким-то неписанным порядком, от которого так или иначе незаметно отклонялся каждый виденный им когда-либо человек.

Острые черты лица казались какими-то хищными, и небольшая ямочка на подбородке не развеивала это впечатление, а наоборот, усугубляла. Глаза же и вовсе имели странный, невозможный для нормального человека темно-вишневый оттенок, наводивший на мысли о каких-то вампирах.

И все это обрамляли длинные, заметно длиннее, чем до лопаток, прямые волосы. В целом темные, они, однако, будто отливали каким-то серебром. Не сединой, а именно

серебром.

Как это богатство будет мешаться, не только доставляя неудобства, но и создавая риск выдать себя, — именно об этом была первая разумная мысль Дана после того, как он увидел свое отражение.

— Благодарю, — обратился он к девушке, — Оставь зеркало где-нибудь в комнате. Оно понадобится мне для кое-каких практик.

Он смутно припомнил, что голос в его видении оперировал именно этим понятием.

Дан посмотрел на девушку, послушно выполнявшую его распоряжения. Затем на криво застегнутые крючки рубашки. На оставшиеся элементы одежды — широкие верхние штаны, шелковый халат и нечто вроде кафтана, — с каждым из которых наверняка были свои тонкости. Надеть это все так, чтобы прикрыть наготу, он мог. Так, чтобы выглядеть как человек, носивший это всю жизнь, — едва ли.

— Скажи свое имя, — попросил он наконец.

Как будто от этого она перестанет быть посторонним и, по сути дела, незнакомым человеком.

— Служанка Лю, господин, — поклонилась в ответ девушка.

— Я передумал, — сказал Дан, — Помоги мне одеться.

После чего, припомнив, как это показывалось в сериалах, вытянулся по стойке смирно, разведя руки в стороны.

Вот только не задумывался он прежде о том, насколько это интимный процесс. Как ни старался юноша, он не мог сохранить хладнокровие. Тепло чужого тела отзывалось жаром внутри него, от легких и умелых прикосновений девичьих рук кровь в жилах текла быстрее, а аромат чужой кожи, подчеркнутый еле уловимым запахом цветочных духов, как будто призывал оставить в родном мире все моральные нормы цивилизованного человека.

А Лю как будто не замечала его реакций... Или напротив, замечала их слишком хорошо и намеренно вела себя так, чтобы помощь в одевании превратилась в возбуждающую игру. Поправляя крючки, на которые была застегнута его рубашка, девушка как бы невзначай касалась его груди, разглаживая шелк прямо на теле. Дан четко понял, что случись с ним что-то подобное в родном мире, стало бы ему плохо уже давно, а может, уже и напугал бы он девушку, скончавшись от сердечного приступа прямо под ее руками.

Это же тело испытывало лишь удовольствие.

Закончив с рубашкой, Лю опустилась на колени. И снова Дан смутился, прекрасно понимая, что тонкая ткань местных «трусов» никак не сможет скрыть естественной реакции мужчины, никогда не знавшего женщины, на сладкую близость юной красавицы.

Кажется, «реакция» не стала сюрпризом для служанки, не удивила ее и не испугала. Напротив, прямо сквозь ткань Лю ласково провела ладошкой по самым чувствительным местам, и Дан едва сдержался, чтобы не застонать.

И судя по чуть приоткрытым губам, а также по тому, что она начала развязывать узел «трусов», для Лю это стало приглашением к действию.

— У меня сейчас нет времени, — сказал Дан то ли ей, то ли себе, — Мне нужно быть готовым к выходу уже через несколько минут.

Чувствуя на себе дыхание девушки, он из последних сил напоминал себе, что пользоваться подневольным положением служанки для удовлетворения своей похоти — это низость и по факту, насилие.

На лице Лю, впрочем, не отразилось облегчения человека, которого освободили от

неприятной обязанности. Огорчения тоже не было. Четко, уверенными движениями она надела на него широкие штаны и кафтан (у которого, скорее всего, было какое-то аутентичное восточное название, но Дан его не знал). Довершил картину иссиня-черный, расшитый серебром шелковый халат, запахнутый на правую сторону. Из-под него виднелся лишь ворот рубашки.

И будто этого было мало, Лю принялась заплетать ему волосы! Нет, конечно, Дан понимал, что с распущенными волосами такой длины он первым делом за что-нибудь зацепится. Но кто бы мог подумать, что заплетение волос — процесс настолько... волнующий? Хоть сейчас девушка и не прикасалась к его телу, но все равно...

Да еще прическу она делала явно непростую. У Даниила вертелся на языке вопрос, нельзя ли все это великолепие просто собрать в хвост, — или вовсе состричь, — но он удерживался, опасаясь, что такой вопрос может прозвучать подозрительно.

Хотя с тем, что подозрительные вопросы задавать все-таки придется, Дан успел примириться.

В итоге его волосы оказались разделены на пять длинных прядей, каждая из которых была перехвачена красным шнурком на середине и украшением в виде небольшой нефритовой змейки к кончикам. И стереотипы привычного мира категорически возражали против того, чтобы назвать это украшение заколкой, хотя по факту именно ею оно и было.

Две пряди располагались спереди, по бокам от лица. Еще три были отброшены назад и дополнительно связаны между собой у самого затылка.

В качестве завершающего штриха служанка подала ему меч в ножнах и медальон в виде деревянной таблички с вырезанным на ней символом. Символ этот не был похож ни на китайские, ни на японские иероглифы, разве что отдаленно. Он вообще не напоминал ни один из земных языков, чью письменность Дан когда-либо видел, но при этом он четко понимал его значение.

«Виноградник Неба» — вот что там было написано. Что бы это ни значило.

Клинок Дан принимал с каким-то подсознательным трепетом. С детства зачитывавшийся Говардом, Толкином и более поздними авторами того же направления, в подростковом возрасте он часто воображал себя могучим героем, с мечом в руках побеждающим целые армии врагов. То, что даже обычные физические тренировки были ему недоступны, делало мечту еще более горькой и недостижимой.

И вот, теперь он был силен и крепок, и изогнутый меч, напоминающий катану, был естественным элементом его костюма.

Только вот он понятия не имел, как им пользоваться.

— Спасибо, Лю, — сказал Дан, — Ты можешь быть свободна.

Благо, обувь здесь была, насколько он мог судить, вполне привычной, без особых хитростей в надевании, и подвергать свое самообладание дальнейшим испытаниям не требовалось.

Лишь когда служанка покинула зону видимости, юноша смог выдохнуть и оглядеться. Нужно было хоть примерно представлять, где он оказался.

Все помещение представляло собой единую комнату где-то пять на пятнадцать метров. Для разграничения служили многочисленные ширмы, которые при необходимости можно было переместить, сделав из одной комнаты хоть две, хоть четыре; сейчас они, впрочем, были сдвинуты к стенам. Украшала их ручная роспись растительной тематики: среди нарисованных на них растений Дан опознал сливу, бамбук и хризантему; четвертое

растение, красивый ярко-розовый цветок, он в такой рисовке сходу не опознал, но почему-то не сомневался, что оно растёт и в его мире, и он даже его когда-то видел.

И если ему кто-то подскажет, что это, несомненно досадливо хлопнет себя по лбу.

Стены помещения были деревянными и на вид довольно тонкими. Дан представил себе, как в таком доме раздражает шум с улицы среди ночи, и содрогнулся. Затем представил, что сделал бы принц с теми, кто вздумал бы ночью шуметь под его окном, и содрогнулся повторно.

Для освещения служили свечи, помещённые в стеклянные трубки, но сейчас они не горели, поскольку света от окон было вполне достаточно. Зато горели несколько небольших палочек, источавших запах сандалового дерева. Располагались они на низком столике, за которым, видимо, полагалось сидеть прямо на полу, — точнее, на расстеленной циновке.

А над балдахином, что накрывал его спальное ложе, красовалась большая золоченая табличка, на которой теми же символами, что и надпись на медальоне, было начертано:

«Не оглянувшись назад,
Вкуси жизни сладостный нектар,
Уйди без сожалений»

Против своей воли задержал Даниил взгляд на этой табличке. Мог ли он сказать, что ушел без сожалений? Да нет, конечно. По сути, сожаления были основным контентом его жизни до сих пор. Сожаления как о коротком сроке своей жизни, так и о том, что многие его мечты не могли осуществиться, — а попытки сделали бы эту жизнь еще короче.

Зато вот принц явно принимал совет с таблички всерьез (если, конечно, не сам его придумал). Вот уж кто без сомнений «вкушал жизни сладостный нектар». Мог ли он сказать, что оставил такую жизнь без сожалений?

И что заставило его оставить такую жизнь?

Все отчетливее Дан понимал, что за внешним блеском дворца скрывается глубокая и страшная жопа. И чем скорее он поймет, с какой стороны её ожидать, тем больше у него шансов выжить.

Если, конечно, принц не соврал, и эти шансы действительно есть.

Пройдя через раздвижные двери, Даниил ответил кивком на низкий поклон охранявшего их мужчины. Как и тот, которого он уже озадачил поисками информации, этот тоже был невысок ростом, обрит налысо и вооружен мечом, однако в отличие от него, носил доспехи из металлических пластин, напоминавших чешую.

А вот что сильно удивило, это общая пустыньность коридора. Как-то казалось Дану, что если он находится во дворце, тут должно быть побольше народу. А сейчас, кроме этого охранника, он не видел вообще никого.

— А где все? — не удержался он от вопроса.

Охранник явно решил, что вопрос адресован ему. Не поднимая головы, он громким, четким и поставленным голосом отчеканил:

— Докладываю Вашему Высочеству. Евнух Вон отправился по вашему приказанию в ритуальный зал. Евнух Чжан охраняет вход в центральное строение дворца, евнух Пак — в западное, евнух Ли — в восточное. Евнухи Пин и Ган охраняют внешние ворота. Евнухи Юн и Цзе тренируются на заднем дворе. О перемещениях дворцовых служанок мне неизвестно, но если вы прикажете, я выясню.

«Это все евнухи?» — чуть не спросил вслух Дан, зависнув на секунду от этого известия. Не вязался у него образ грозных стражей с евнухами, это уж точно.

— Не стоит, — сказал он вместо этого, — Несите службу дальше.

— Да, господин.

Дан направился дальше по пустынным коридорам, потихоньку ускоряя шаг. Все быстрее и быстрее он двигался туда, откуда чувствовался воздух свободы. Кивнув на ходу евнуху у дверей (Чжан это был, Пак или Ли? Весь вопрос в том, какое из строений было жилым), с наслаждением подставил лицо свежему ветру и лучам заходящего солнца.

Дворец представлял собой комплекс из трех деревянных зданий с прихотливо изогнутыми крышами, украшенными изваяниями каких-то монстров, напоминающих помесь рыбы и жабы. То здание, из которого только что вышел Дан, имело в высоту пять этажей, два других — по три. Со всех сторон территория была огорожена высокой стеной, к которой через равные промежутки были прицеплены листы бумаги с какими-то надписями на местном языке.

Однако читать эти надписи Дан сейчас не стал. Другая у него была цель — цель, которую он уже не мог найти в себе сил откладывать. Он шел все быстрее, пока не перешел на бег. Вдоль стены. По кругу. Все быстрее. И быстрее.

Он бежал, как не бежал никогда в жизни. Он бежал так, что побеги он так в своем теле, умер бы в тот же день.

А этому телу было легко. И даже меч в руке и три слоя одежды совершенно не мешали ему. Принц был очень силен. Сейчас Даниил бежал со скоростью, доступной не каждому легкоатлету, но при этом совершенно не чувствовал ни усталости, ни боли.

Круг. Два круга. Десять. Двадцать. Пятьдесят.

Наверное, лишь через полчаса пробежки Дан начал постепенно замедляться. Доставшееся ему тело... показало даже лучший результат, чем он мог мечтать. Полчаса быстрого бега без остановки даже профессионального спортсмена вымотали бы, а он едва вспотел. И даже пот, что интересно, не имел того отталкивающего запаха, что характерен для пота обычного человека.

Не сказать чтобы он пах розами: он просто не пах ничем.

Методом проб и ошибок Даниил нашел задний двор, где в данный момент проходил тренировочный поединок. На утопанной, покрытой песком площадке двое бритоголовых мужчин всю лупили друг друга деревянными мечами. И глядя на агрессивность их действий, ни за что не подумал бы Дан, что перед ним евнухи. Честно говоря, с любых спортивных соревнований по кендо или чему-то подобному их бы погнало сходу.

Из страха за жизнь и здоровье участников.

Положив свой меч и подобрав один из деревянных, Дан наблюдал за движениями бойцов. Он старался запомнить то, что видел, хотя и понимал, что таким образом сражаться не выучишься.

Наконец, после очередного боя, когда участники опустили клинки, Даниил окликнул их:

— Евнух Юн. Подойди.

Кто из них евнух Юн, он не знал и постарался запомнить в лицо того, кто подойдет в ответ на эту команду.

— Мне нужен спарринг-партнер. Я опасаясь, что после недавних событий мог утратить навыки. Хочу восстановить их так быстро, как это только возможно.

— Почту за честь, молодой господин, — поклонился евнух.

— Евнух Цзе, вы можете быть свободны.

Чем меньше людей увидит, насколько в действительности все плохо, тем лучше. Миг ожидания, — и вот, бойцы сошлись. Три столкновения деревянных клинков. А затем меч в руках Дана касается груди Юна. Евнух отошел назад и снова поклонился. Даниил, однако, покачал головой:

— Ты не понял мой приказ. Ты не должен льстить и поддаваться мне. Мне нужно, чтобы ты тренировался со мной в полную силу.

— Простите меня, молодой господин, — в ужасе залепетал евнух, — Я заслуживаю смерти.

— Нет, — поторопился ответить Дан, — Ты заслуживаешь того, чтобы учесть свою ошибку и больше не совершать её. «Искусство войны» гласит: тот, кто обращает внимание на мою ошибку, мой друг; тот, кто прячет её, мой враг.

И неважно, есть ли в этом мире такая книга. В его мире она была.

— Еще раз, — вновь поднял меч Даниил.

На этот раз схватка не заняла и двух ударов. Мощный удар деревянным клинком выбил воздух из груди юноши, — но будь клинок настоящим, он был бы уже мертв.

— Еще.

Снова и снова Дан получал удары, но упрямо продолжал попытки. И постепенно серии обменов ударами становились длиннее. Кажется, тело еще что-то помнило; помимо выдающихся силы, ловкости и выносливости у него сохранялись какие-то навыки на уровне рефлексов. К сожалению, без знания техники, без боевого опыта этого могло хватить только против очень неумелого противника. Но все-таки, каждый раз, когда удар евнуха удавалось отразить, каждый раз, когда его почти удавалось поразить в ответ, Дан позволял себе надежду, что опыт тела поможет ему. Что на восстановление навыков уйдут не годы, а хотя бы месяцы.

Хотя все сильнее крепло ощущение, что месяцев у него тоже нет.

В любой ситуации Шэнь Сяолун сохранял спокойный, расслабленный и немного отрешенный вид. Даже самые близкие люди редко когда могли заглянуть под эту маску; пожалуй, единственным, кто мог без труда читать его эмоции, оставался отец.

Вот и сейчас доклад доверенного слуги хозяин дворца Хуаджу слушал, не отрываясь от своего занятия. Голубоватым сиянием жизненная энергия вливалась из его ладони в росшую в его саду чахлую орхидею — тот самый розовый цветок, что совсем недавно не опознал на картине гость из другого мира. Благодаря такой подпитке орхидея вырастет пышной и прекрасной; простенький фокус для заклинателя, стоящего на пути стихии Дерева. Этим можно заниматься, уделяя цветку лишь мельчайшую частичку своего внимания.

Ведь в действительности доклад слуги был гораздо интереснее.

— И кто же сказал об этом? — осведомился Сяолун, не поворачивая головы.

— Достопочтенный Хо, молодой господин, — откликнулся юный слуга, — Лекарь с Южных Равнин.

— Странно, что Лиминь не убил его, — как-то безразлично бросил принц, наклоняясь к цветку и вдыхая его аромат.

Однако внимательный наблюдатель заметил бы, как невзначай кладет он руку на резко разболевшееся колено.

— Вы думаете, что он мог сказать это намеренно, чтобы обмануть вас? — округлил глаза слуга, — Если так, то позвольте взять воинов и допросить его...

— Не позволяю, — все так же безразлично ответил Сяолун, — Подобную информацию, естественно, нужно проверять, но с этим прекрасно справятся те, кому мы её передадим. Или ты думал, что я решу воспользоваться ею сам?

Докладчик промедлил с ответом, и принц сдержанно улыбнулся:

— Ты действительно считал, что я побегу бросать вызов Лиминю, стоит мне узнать, что он потерял накопленную энергию?

— Молодой господин, — ответил слуга, — Я лишь подумал, что если это правда, вы сможете одержать верх над ним, несмотря на...

Он осекся, ибо только теперь Шэнь Сяолун обернулся к нему. И поймав взгляд принца, слуга поспешил пасть на колени:

— Я заслуживаю смерти, Ваше Высочество!

— Заслуживаешь, — согласился Сяолун, вновь уделяя внимание цветку, — Твоей семье будет направлена компенсация в размере двухсот таэлей серебра. Твое место в моей свите займет твой младший брат; позаботься о том, чтобы передать ему все дела перед тем, как примешь яд.

— Благодарю за проявленную великую милость, Ваше Высочество! — провозгласил бывший доверенный слуга, кланяясь в ноги своему повелителю.

Человеку, службе которому он отдал всю сознательную часть своих четырнадцати лет жизни.

А Сяолун уже не обращал на него внимания: на свете было множество вещей гораздо более важных, чем жизнь слуги. Например, что будет лучше оттенять красоту благородной орхидеи в саду дворца Хуаджу: азалия или все-таки пион?

Или тот раздражающий факт, что даже дав ему в руки готовое преимущество в преддверие назначения наследного принца, младший брат все-таки смог испортить ему настроение на весь остаток дня.

Колено немилосердно болело.

Глава 3. Верблюд

Ужин в покои принца (о которых Дану пока сложно было думать как о своих) подала та же служанка Лю, и по количеству блюд юноша сперва даже засомневался, действительно ли это ужин на одного человека. Одних только видов мяса и рыбы было по четыре штуки, и это не говоря о рисе, овощах и разного рода деликатесах.

Впрочем, не деликатесам сейчас уделял Дан основное внимание, и даже не тому, как бы не слишком выдать, что он не умеет сидеть по-местному. Даже боль от ушибов по всему телу была сейчас лишь раздражающей мелочью.

Но он все яснее понимал, что не ставя себя в глупое положение, разобраться в ситуации невозможно. И поэтому, когда Лю налила ему напиток из чайничка (против ожидания оказавшийся не чаем, а легким белым вином), Дан сказал:

— Присядь. Поужинай со мной.

— Молодой господин, я не смею... — произнесла в ответ девушка, однако все-таки села напротив.

— Мне нужно поговорить с тобой, а я не люблю говорить, когда я ем, а мой собеседник нет, — ответил Даниил, — Так что можешь угощаться чем хочешь.

— Да, господин, — ответила служанка, осторожно беря рис.

Даниил дождался, когда она прожует, после чего снова заговорил:

— Мне нужно, чтобы ты ответила на несколько вопросов. Причем очень важно, чтобы ты отвечала на них, даже если они покажутся тебе глупыми. Даже если я и так знаю ответы. Даже если ответы знает любой ребенок. Даже в этих случаях ты должна отвечать, как будто для меня эти ответы будут в новинку. Справишься?

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Хорошо...

Лже-принц задумался, с чего бы начать.

— Давай начнем с небольшой проверки. Кто я? Назови мне имя, титул, статус и чем я известен.

Лю все-таки поднялась на ноги, поклонилась и в таком положении ответствовала:

— Вы Шэнь Лиминь, третий принц королевства Шэнь, заклинатель восьмого ранга, стоящий на пути стихии Воды, хозяин дворца Чиньчжу... и мой хозяин.

Дан очень постарался не выискивать намеков в последней фразе.

Очень постарался.

— Девять лет назад вы победили Шэнь Сяолуна в поединке, хотя он на тот момент был выше вас на один ранг. Также вы известны тем, что разделили ложе с более чем тремя дюжинами женщин, а в вашем личном талисмানে заключен Виноградник Неба.

Отвлечшись от мыслей о том, почему неумеренные сексуальные аппетиты вдруг ставят на одну доску с победой в поединке, Дан уцепился за знакомое название и поспешил уточнить:

— Что такое личный талисман и что представляет собой Виноградник Неба?

Кажется, этот вопрос удивил девушку кабы не сильнее, чем вопрос о его собственном имени. И при этом когда она отвечала, голос ее звучал неуверенно:

— Виноградник Неба обращает воду во вкуснейшее вино, обладающее особенно тонким ароматом, недоступным даже искуснейшим виноделам. А личный талисман — это...

предмет, который заклинатель создает на протяжении своего обучения... Он позволяет направлять энергию... Или формировать ее... Чтобы творить одно его любимое заклинание без необходимости каждый раз воссоздавать его структуру...

С каждой фразой паузы в ее речи становились все длиннее. Вскоре на глазах Лю выступили слезы, и она призналась:

— Простите, молодой господин. О совершенствовании я знаю слишком мало.

— Ладно, оставим тему магии, — махнул рукой Дан, чувствуя себя полной скотиной, мучающей бедную девушку, — И не надо так бояться сказать что-то не то. Это неофициальный разговор.

А про себя подумал, кем нужно быть, чтобы имея возможность заложить в талисман одно (прописью: ОДНО) заклинание, выбрать что-то настолько специфичное и малополезное. Конечно, он не знал, что еще умели заклинатели, но почему-то не сомневался, что там было что-то, что применимо не только чтобы изысканно нажраться.

— Назови мне имена первых двух принцев, — попросил юноша, — Чем они знамениты и где обитают.

Лю сменила тему, кажется, с облегчением.

— Первого принца зовут Шэнь Веймин. Он владеет дворцом Яньву. Он заклинатель девятого ранга, стоящий на пути стихии Огня, и прославленный воин; под его началом не только вооруженные слуги, но и столичная городская стража. В одиннадцать лет первый принц участвовал в карательном походе Его Величества против мятежного клана Фен; известен победами над Фен Хэем, Лунь Яном и Цзао Хуаном... а также над вами, мой господин.

Последние слова она произнесла очень тихо, вжав голову в плечи, будто боялась, что господин разгневется на них. Однако Дан лишь кивнул:

— С тех пор многое изменилось.

«И теперь он меня просто размажет и не заметит», — мысленно добавил он.

— А второй принц?..

— Его Высочество Шэнь Сяолун владеет дворцом Хуаджу, — с явным облегчением продолжила Лю, — Он заклинатель восьмого ранга, как и вы; стоит на пути стихии Дерева. Однако он не имеет на своем счету громких побед в поединках; напротив, он известен своей крайней осторожностью. Ходят слухи...

Она зачем-то огляделась, будто хотела убедиться, что в комнате нет никого, кроме них.

— ...ходят слухи, что он родился практически невосприимчивым к технике Дыхания Жизни, которой владеют все заклинатели клана Шэнь. Поэтому его раны заживают немногим лучше, чем у обычного человека.

— Тяжело ему, — отметил Дан.

«Сказал парень, вообще не имеющий представления, как пользоваться этой техникой», — мысленно сыронизировал он над самим собой. Однако слишком хорошо он знал, что значит родиться бракованным, неспособным к тому, что дано остальным по праву рождения. Знал — и сочувствовал новоявленному старшему брату.

И вместе с тем, опасался его.

Что такое зависть больного к здоровым, он тоже прекрасно знал.

— А мои родители? — задал следующий вопрос Дан, — Как зовут их.

Реакция была совершенно неожиданной. Мгновенно рухнув на колени, служанка припала лицом к земле, оглашая покой завываниями:

— Ваше Высочество, прошу вас, если вы разгневаны на меня за что-то, возьмите мою жизнь, только пощадите мою семью!

— Перестань! — попросил Дан, — Поднимись и смотри на меня! И тише: в этом дворце стены — одно название.

Мольба в наполненных слезами больших карих глазах девушки сделала бы честь коту из «Шрека».

— Объясни толком, что так напугало тебя в моем вопросе.

— Произносить имя Его Величества — табу для любого из подданных, — срывающимся голосом ответила Лю, — Тот, кто назовет в разговоре Его Величество как-либо, кроме «Его Величество», примет смерть от тысячи порезов, а три поколения его семьи будут уничтожены. Молодой господин, пожалуйста, если вы желаете моей смерти...

— Я сказал, перестань, — прервал её Дан, — Я уже сказал, что не желаю смерти ни тебе, ни твоей семье.

Видя, что девушку прямо трясет от страха, он подсел к ней ближе и приобнял её за плечи. Она не сопротивлялась; напротив, подалась навстречу, отчего его сердце забилося чаще.

Хоть он и был источником её страха, но в нем же она искала защиту и поддержку.

— А моя мать? — спросил он, — Её ты можешь назвать? Если это тоже табу, просто скажи об этом.

— Нет, это не табу, — все еще дрожа, поспешила заверить Лю, — Королевская супруга Лунь Сянцзян умерла шесть лет назад от истощения духовного ядра. Она принадлежала к клану Лунь, поэтому во избежание кровосмешения он не участвует в нынешнем отборе.

Чувствуя тепло и аромат ее тела, сосредоточиться на словах было непросто, но Дан очень старался ничего не упустить. К сожалению, на то, чтобы еще и не слишком выдавать свое невежество, его уже не хватало.

— Отборе? Что за отбор?

К счастью, Лю тоже едва ли могла анализировать ситуацию: слишком напугана она была.

— В прошлом короли Шэнь могли брать в свой гарем любых женщин королевства. Но король Цуйгаоцзун, ваш прадед, объявил, что во избежание вырождения духовных сил всякий наследник клана Шэнь должен быть от заклинательницы вассального клана. Поэтому одновременно с назначением наследного принца Его Величество проводит отбор невесты своего наследника из числа кандидаток, выбранных вассальными кланами. Только клан, к которому принадлежала мать наследного принца, освобожден от участия.

— Почему отбор проводит король, а не сам принц? — не удержался Дан.

Но видя, как отчаянно служанка пытается подобрать обоснование для чего-то с ее точки зрения столь само собой разумеющегося, добавил:

— Забудь, это просто мысли вслух. Расскажи мне о кланах.

— Клан Шэнь управляет королевством вот уже семьсот лет. Ему подчиняются шесть вассальных кланов: кланы Лунь, Цзао, Фен, Лаошу, Хоу и Чжи. Каждый клан владеет своей территорией в королевстве и хранит собственные традиции совершенствования.

Дан подумал, что нужно подробнее расспросить Лю о тонкостях взаимоотношений кланов. Это могло быть крайне важно.

Да только уже не лезли ему в голову политические нюансы незнакомого мира. Играла ли роль усталость, обилие новых впечатлений, шок от невероятных событий...

Или близость девушки, разжигавшая в нем страсть, какой его прежнее больное тело не знало и не могло знать. В какой-то момент юноша поймал себя на том, что мягко поглаживает ее спину, — возможно, в подсознательной надежде, что она напряжется, испугается, отшатнется, и тем напомнит ему о совести и принципах...

Но она этого не сделала.

— Еще один вопрос, — вспомнил он, стараясь отвлечься от неправильных желаний, — Очень важный вопрос. Чен-Мэй-Ву. Где это?

— Это поместье клана Шэнь во владениях клана Фен, — ответила девушка, выгибаясь навстречу его ласке, — Там останавливаются члены клана, когда приезжают с визитами к вассалам.

— Мне нужно отправиться туда, — решил Дан, — Завтра же.

Он все-таки неохотно разомкнул объятия, чувствуя, что еще немного, и принципы его падут.

Что напоминание о недопустимости окончательно утратит силу.

— Мне понадобится охрана и человек, знающий дорогу, — сказал он, стараясь не смотреть на девушку, — А также транспорт. Как я обычно путешествую?

— Господин... — в голосе Лю снова послышался страх; кажется, его действия она интерпретировала как недовольство, — Вашего коня зовут Чжуй. Обычно вы путешествуете верхом на нем. Карету вы берете лишь тогда, когда в путешествии вас сопровождает спутница.

«Она что, нарочно?» — подумал Дан. Промелькнувшие в его распаленном незнакомыми чувствами воображении картины отнюдь не способствовали самообладанию.

И ведь вариантов, что выбирать, у него не было: надежды, что он просто сядет на коня и поедет, не было ровным счетом никакой.

— Прикажи с утра приготовить карету для поездки в земли Фен, — сказал Дан.

«И это не то, что ты подумала», — думал добавить он. Но удержался, так как звучало глупо.

«Я не собираюсь пользоваться твоим телом против твоей воли», — этого он тоже не сказал. Может быть, потому что это лишь сильнее напугало бы её.

«Я уважаю твои желания и не стану тебе что-то навязывать», — почему-то этого он тоже не сказал.

— Забыл спросить, — почти насильно вернул он мысли в конструктивное русло, — Почему здесь так мало людей? Разве во дворце не должно быть больше народу?

Лю кивнула:

— По правилам, во дворце каждого из принцев должно быть девяносто слуг и тридцать служанок. Но Его Величество объявил, что вы...

Она снова затряслась.

— Простите, молодой господин, я не смею этого вам сказать.

— Да говори уже, — выдохнул Дан, — Я не разгневаюсь на то, что ты передашь слова Его Величества.

Он тут, понимаешь, отчаянно старается не думать об изящных изгибах ее тела, а она отказывается давать информацию по делу.

— Его Величество объявил... — через силу выдавила служанка, — Что третий принц Шэнь Лиминь не принимает участия в государственных делах, не приносит пользы стране и клану, ленив и нерасторопен в самосовершенствовании и все свое время и силы уделяет

разврату и удовольствиям. Поэтому Его Величество уменьшил в десять раз положенную вам свиту.

Дан хмыкнул:

— Его Величество во многом прав...

Только вот почему же тогда Лиминь решил тайне от всех сбежать из этого мира? Не вышло это с тем образом, что описала Лю. Если исключить вариант, что он просто-напросто выпил в этом мире все вино и перетрахал всех женщин, то все-таки было еще что-то, о чем не знали ни Лю, ни король.

— Ладно. Расскажи мне о тех, кто остался. Девять слуг... Они, кстати, обязательно должны быть евнухами?

— Это не предписано правилами, — ответила Лю, — Но вы никогда не терпели других мужчин на своей территории.

«Иными словами, даже служанок ревновал к каждому дереву», — мысленно поморщился Дан.

И тут же привычка к самоанализу безжалостно ткнула его в дерьмо. Отбросив самообман, он четко назвал себе причину, почему ему хотелось отпустить язвительные комментарии обо всем, что касалось Лиминя и его женщин.

Он ему завидовал.

Давно поставивший крест на возможности какой-либо половой жизни, когда любая лишняя нагрузка вызывает проблемы с сердцем; вечный «хороший друг», который всегда поможет и которому можно пожаловаться на очередного Сеню; Даниил не мог сердцем принять, что его «двойник» в этом мире привык просто принимать все это как должное. Поэтому ему хотелось видеть Лиминя более ничтожным, чем тот был на самом деле.

А может, все было проще, и он просто смотрел на Лю — и знал, что эта напуганная девчонка никогда не посмеет сказать своему принцу «Нет».

Не посмеет сказать «Нет» ему.

— Расскажи мне обо всех, кто служит во дворце Чиньжу, — попросил Дан, отгоняя последнюю мысль.

Напоминая себе о совести.

— Евнух Вон служил вам с самого детства, — сообщила Лю, — Он занимает должности вашего личного евнуха, пользуется вашим особым доверием, ведет ваши счета и занимается организацией работы прислуги. Из служанок вы оставили служанку Хао, поскольку она лучше всех готовит, а также меня и служанку Линь, поскольку накануне королевского указа мы порадовали вас, усладив ваш взор.

Что она имела в виду, Дан уточнять не стал, чтобы не будоражить фантазию. Хотя может быть, они просто станцевали красиво.

Да, наверняка именно так.

— Из остальных евнухов вы выбрали тех, кто показал лучшие результаты в боевых искусствах. Кроме того, евнух Цзе, евнух Пин и евнух Ли умеют править лошадьми, а евнуз Пак прежде был вором-карманником.

«Ну, хоть евнухов он по делу выбирал», — ворчливо подумал Дан.

— Кто-нибудь из них был в землях Фен? — задал он следующий вопрос.

Лю кивнула:

— Евнух Чжан и евнух Ган оттуда родом.

— Тогда передай им, чтобы завтра с утра ждали меня у кареты. В качестве кучера я

возьму евнуха Ли. Четвертым, для дополнительной охраны, евнуха Юна.

Давно закончился ужин. За окном уже стемнело, и лишь свечи в стеклянных колбах разгоняли мрак, создавая какой-то романтический антураж.

Когда-то ужинать при свечах с очаровательной девушкой было для Дана чем-то из области недостижимой мечты.

— Можешь идти отдыхать, — быстрее, чем следовало бы, сказал юноша, — Сегодня мне твоя помощь больше не понадобится. Спокойной ночи.

— Молодой господин, мне прислать к вам служанку Линь или служанку Хао? — спросила Лю.

Она не озвучила этого, но он понял, что она окончательно утвердилась в мысли, что сделала что-то не так.

— Нет, никого не нужно, — покачал головой Дан.

— Я сам разденусь и буду отдыхать в одиночестве.

Может быть, по уму и следовало бы не выделяться и стараться следовать привычкам Лимины, но он слишком уж боялся, что не сдержится. Даст волю своим желаниям, которым эти три юные красавицы не посмеют перечить.

Когда служанка покинула покои, Дан какое-то время просто дышал. Было что-то в этом процессе, что приковывало к себе его внимание. Не само дыхание. Как-то по-особенному дышал Лиминь. Были у его тела какие-то особые навыки, связанные с этим.

Как будто вместе с воздухом проникало в его тело нечто столь же невидимое, но не менее важное. Было ли это как-то связано с теми практиками самосовершенствования, которыми занимался заклинатель? Дан не знал ответа. Если по поводу обычаев этого мира можно было в крайнем случае справиться у той же Лю, то в случае магии ему оставалось тыкаться вслепую.

Во многом потому он и надеялся на книги, что Лиминь оставил в Чен-Мэй-Ву: ведь принц явно понимал, что человек, которому он их оставляет, не знает ничего о практиках клана Шэнь.

Интересно, что мешало ему оставить их в своем дворце?

Слегка отдышавшись, Дан кое-как разделся (это действительно оказалось гораздо проще, чем одеться) и улегся на матрас, однако сон не шел. Кровь как будто кипела внутри. Казалось, его переполняет жидкий огонь, стремящийся выплеснуться. Хотелось действовать. Хотелось куда-то бежать. С кем-то сражаться — все равно с кем; ему хотелось сражаться не за что-то, а просто дать понять Вселенной: может, я и проиграл свой единственный бой там, в своем мире, но здесь моя битва продолжается.

И я не проиграю.

Хотелось наплевать на собственное решение, на совесть и принципы, и позвать к себе служанку Лю, или служанку Линь, или служанку Хао, или всех троих. Да, все три были бы как раз в самый раз.

Никогда в жизни Даниил Беронин не чувствовал себя настолько живым, и жертвовать этим чувством казалось кошунством.

Чертыхнувшись, юноша поднялся на ноги и взял меч. В лунном свете казалось, что лезвие отликает синим; обнажив его, Дан почувствовал необъяснимое родство с этим клинком. Разумеется, бежать с кем-то сражаться он не собирался. Но по крайней мере, «с тенью» можно было отработать простейшие движения. Снова и снова рубить воображаемого противника, пока бушующие в крови гормоны не утихнут.

Все быстрее и быстрее. Только аккуратно, чтобы ничего не задеть. Шаг — подъем — рубка. Тело знало, как это правильно делать.

Может, со временем поймет и разум.

Шаг — подъем — рубка. Он двигался по повторяющейся схеме, и если в первые десять раз ничего не задел, с чего бы ему задеть на одиннадцатый?

И все-таки он задел. Каким-то образом при очередном взмахе меча Дан умудрился уронить ширму, стоявшую более чем в трех метрах от него.

И почти сразу обуревающее его пламя... пусть не успокоилось, но как будто слегка поутихло. Жажда боя, желание женщины — все это осталось, но казалось, отступило куда-то на грань сознания. На плечи как будто навалилась невидимая тяжесть.

Ему как раз хватило сил на то, чтобы вложить меч обратно в ножны, лечь на матрас и закрыть глаза.

Проснувшись на следующее утро, Даниил какое-то время прислушивался к своим ощущениям. Как будто пытался поймать реальность на обмане, обнаружить, что чудесное спасение было лишь предсмертной галлюцинацией умирающего мозга.

Лихорадочное возбуждение, охватившее его вчера, за ночь спало, сменившись унынием. Он в чужом мире. Под чужим именем. В чужом теле. А где-то там, за границей миров, в его теле живет развращенный принц Лиминь. Интересно, принц уже успел ознакомиться с ситуацией и пожалеть, что обменялся телами? Подумав об этом, Дан улыбнулся, но улыбка вышла слабой и тусклой.

Он давно уже свыкся с тем, что никогда не увидит родной городок. Он собирался учиться и пытаться что-то сделать для людей, для мира, — столько, сколько он протянет. Да и родители, провожая его на поезд в столицу, наверняка знали, что прощаются с сыном навсегда.

Но каково им было бы знать, что теперь в теле их сына ходит совершенно другой человек? Каково будет однажды услышать о том, что Дан совершил что-то из того, на что способен Лиминь, привыкший к миру, где жизнь человеческая стоит так мало? От мыслей о том, что он впустил в свой мир, в свое тело, Дана бросало в дрожь.

Может быть, следовало просто умереть?

И будто в ответ на эти слова холодная злость поднялась внутри него. Нет. «Следовало умереть» — это мысль труса и слабака. Умереть легко, а ты попробуй жить. Попробуй подняться, вырывая зубами каждую минуту оставшегося срока. Попробуй вцепиться в незримые часы, не давая упасть последней песчинке своей жизни. Попробуй сделать что-то для других, — чтобы тебя запомнили. Чтобы твоя жизнь была не напрасной.

Получится — и когда время все-таки придет, ты будешь жить вечно в памяти людей. А нет, — так ты все равно собрался умирать.

А может случиться и так, что Судьба впечатлится и даст второй шанс.

Как она дала его ему.

— Я не упущу свой шанс, — вслух сказал Дан.

Нужно лишь не прожить вторую жизнь так же бесполезно, как первую.

— Но от чего же ты бежал, Лиминь? — так же вслух продолжил он, — С какой стороны мне ждать удара?

Ответа не было. Единственной его зацепкой было назначение наследного принца. Дан не знал, как устроена система престолонаследия в этом мире, но не сомневался, что вокруг

этого мероприятия будет крутиться множество опасных интриг. Тем более что выводы о жестокости этого мира он уже сделал из слов служанки Лю и евнуха Вона. Могло ли быть так, что Лиминь просто-напросто сбежал от тех козней, что строили ему братья?

Или же интриги вокруг назначения наследного принца — сущая мелочь в сравнении с той угрозой, о которой Дан еще не знал?

В любом случае, первое, что нужно было сделать, это отправиться в Чен-Мэй-Ву. За окном давно рассвело; самое время было подняться и выйти на улицу.

Никого, кроме него, в покоях не обнаружилось. С одной стороны, это было плюсом: Дана аж передернуло от мысли, что кто-то будет стоять и смотреть, как он спит. С другой, минусом, поскольку теперь ставило его в весьма неловкое положение.

Первым его порывом было снова попробовать одеться самостоятельно, но он остановил себя. Он должен привыкать вести себя так, как вел бы себя принц Лиминь, если не хочет привлечь ненужного внимания.

Конечно, дело в этом, а не в том, что от нового опыта он испытал постыдное удовольствие.

Итак, будем рассуждать логически. Лиминь не одевается сам, его одевают служанки. Но сейчас служанок здесь нет. Тогда каковы его действия? Идею высунуться в коридор и позвать кого-нибудь оставим, как явно плебейскую. Даже если принц мог сделать это при необходимости, он не стал бы делать так каждый раз. Если проблема известна, у нее должно быть установленное решение.

Тщательно обыскав комнату, Дан наконец нашел, что искал. Шелковый шнурок, свисавший с балдахина, тянулся к стене и уходил в специально проделанное отверстие. Как предположил юноша, на другом конце шнурка должен был быть колокольчик в комнатах прислуги.

Только прежде чем тянуть за него, он все же натянул местные «труссы».

Служанкой, пришедшей на зов, оказалась не Лю: хотя все три девушки были похожи внешне, эта была чуть выше ростом, обладала более узким лицом и смуглой кожей. Однако она не уступала ей ни красотой, ни услужливостью, и Дану снова пришлось напоминать себе, как мантру, ставшие уже привычными соображения. Благо он сразу сказал ей, что не в настроении для развлечений, так что свою работу она выполнила быстро и ни на что не отвлекаясь.

Хотя его «настроение» она могла увидеть невооруженным взглядом.

Взяв меч и надев на шею талисман, Даниил вышел во двор. Карета и охрана уже ждали его, хотя когда он выбирал способ передвижения вчера, то представлял себе нечто более... основательное. Хотя бы классический европейский экипаж.

Больше всего карета напоминала деревянный ящик размером где-то три на полтора метра. Нижняя половина стенок была сплошной, верхняя — решетчатой. Сверху «ящик» был укрыт изогнутой крышей, а снизу — установлен на платформу. Эта самая платформа покоилась на двух колесах и сохраняла ровное положение только за счет специальной подставки, дававшей ей третью опору.

Две запряженные в карету лошади, одна рыжая, другая серая в яблоках, казалось, ехидно скалились, лучше людей почувствовав, насколько привычен господину такой способ передвижения.

Дан, однако, постарался сохранить видимость невозмутимости.

— Евнух Ли, евнух Ган — вы на козлах. Евнух Ли пусть правит лошадьми, а евнух Ган

показывает дорогу. Наша цель — Чен-Мэй-Ву. Евнух Чжан, евнух Юн, на вас охрана. Мне нужно, чтобы если мои братья или кто-то еще решат устроить засаду, мы узнали о ней как можно скорее.

Он надеялся, что о том, как именно организовать охрану, какие-то инструкции у них уже были, поскольку сам не имел достаточного опыта, чтобы сказать по этому поводу что-то умное.

Когда же карета тронулась, Даниил тут же мысленно проклял того, кто проектировал этот гроб на колесиках. Трясло его немилосердно, и если первоначально он рассчитывал в дороге осмотреть места, через которые они поедут, то очень скоро все его мысли сосредоточились на том, чтобы не опозориться и не вывалить свой завтрак.

И как Лиминь умудрялся в этой пыточной машине еще и трахаться?!

Всадник в простом соломенном плаще, скрадывавшем фигуру, следовал за каретой до бамбуковой рощи, возле которой дорога раздваивалась. Низко надвинув шляпу на глаза, он внимательно наблюдал, куда направится третий принц.

Если бы он направился по левой дороге, в сторону владений клана Лунь, то за ним пришлось бы последовать далее: нужно было бы убедиться, что принц не съедет с дороги и не изменит курс на земли Цзао.

Однако этого не потребовалось. Принц свернул направо, в сторону земель клана Фен. Здесь дорога пролегла через бамбуковую рощу, и свернув с проторенной колеи, карета просто не проедет через заросли.

Можно было докладывать.

Всадник остановился и, привязав лошадь, ушел подальше от дороги. Он не боялся, что лошадь украдут: тот, кто додумался бы украсть лошадь зачинателя, пусть и всего лишь третьего ранга, не заслуживал даже почтительной речи над могилой.

Если от него осталось бы, что класть в могилу.

Наконец, убедившись, что с дороги его не видно, он остановился. Извлек из-за пояса лист бумаги и быстро, убористым почерком написал на нем свои наблюдения. Принц Лиминь отправился в земли Фен, взяв с собой лишь четырех охранников и не оповещая никого официально о своем визите.

Этого достаточно, чтобы план господина мог осуществиться.

Закончив писать, всадник педантично приложил свою личную печать, поручаясь жизнью за все написанное. Затем с величайшим почтением извлек из походной сумки небольшого бумажного журавлика. Создать подобную вещь самостоятельно было бы ему не по силам, даже будь Дерево его стихией.

Привычным образом прицепив письмо, зачинатель кольнул палец иглой и окропил кровью символы на крыльях.

«Жизнь» и «Ветер».

В следующий же момент журавлик зашевелился. Подхватив письмо, он поднялся над бамбуковой рощей и устремился обратно к столице.

Неся весть о скором крахе третьего принца.

Глава 4. Серебро

"Когда из глины и грязи родились первые люди, Небожители смеялись над ними. Люди были слабы и бессильны, ползали в грязи и не смели поднять глаз на Небо. Голос их был жалким писком, а жизнь полна страха перед буйством стихии, диким зверем, заразной болезнью и всемогущим Временем.

Единственной на всех Семи Небесах, кто сочувствовал людям, была Одинокая Хэньэ, богиня Луны. Смотрела она на то, как забавлялись другие боги со своими смертными игрушками, и непереносимая печаль терзала её сердце. Казалось ей, что все бедствия мира земного терзают её собственных детей, которых у неё никогда не было.

Не смела она вступить за людей открыто и лишь проливала слезы об их несчастной судьбе. И вышло однажды так, что семь слез её упали в мир земной. Эти слезы обернулись семью самоцветами, впитавшимися в тела нашедших их людей. Семь человек, нашедших самоцветы, известны и по сей день: звали их Шэнь, Фен, Цзао, Лунь, Хоу, Чжи и Лаошу. По сей день все их потомки добавляют к своему личному имени имя великого предка.

Растворившись в телах людей, самоцветы, частички божественной сущности, исполнили сокровенное желание богини — защитить человечество от стихии, от зверя и от болезни, и лишь Время осталось им неподвластно. Хранители самоцветов стали первыми заклинателями, основателями Семи Великих Кланов, названных их именами.

Люди с радостью объединялись вокруг кланов заклинателей, почитая за благо служить им и за высшую честь — учиться у них. Однако постепенно между кланами нарастали противоречия. Все чаще сражались они не со стихией, не со зверем и не с болезнью, а друг с другом. Испугались Небожители, что не сумеют распорядиться божественной силой, обратят люди её против друг друга и станут опасны для мира земного. Стали они вести речи, прося Нефритового Императора, чтобы позволил им покарать человечество, забывшее свое место. И почти прислушался он к ним, когда древний дракон Фу Си предложил отобрать достойнейшего из людей, мудрейшего и справедливейшего, и вручить ему власть над всеми кланами, наделив правом карать и миловать, дабы было человечество едино, и царил среди него мир и порядок.

И стал он первым королем Шэнь...«

— ...короче, мы вас, конечно, завоевали, но не потому что у нас дубина крепче, а потому что так боги сказали, инфа сто процентов, — прокомментировал Дан, потирая переносицу.

Вот уже второй день он изучал книги, оставленные ему Лиминем, потихоньку формируя хотя бы общее представление о мире. К сожалению, то ли книги были так подобраны, то ли это была общая черта местной литературы, но на каждый полезный и практически применимый факт приходилось не менее десятка деталей из области философии и мифологии, — весьма любопытных, но в данный момент немного неуместных.

Так, например, книга с воодушевляющим названием «Простейшие упражнения для ступивших на Путь совершенствования» начиналась с восьмидесяти страниц рассуждений о том, что есть природа человека и почему так важно чувствовать её и быть с ней в гармонии. Рассуждения, на взгляд Дана, были чересчур абстрактными и слишком отдавали клише популярной психологии; и даже если разумное зерно в них и было, все равно, то же самое можно было бы выразить гораздо короче!

Именно в природе, по словам автора книги, и крылись корни магии. Следующий своей истинной природе человек мог творить чудеса, но конечно же, тот, чья природа была связана с чудесами (или как переиначил это Дан — кто предрасположен к ним генетически), мог добиться многократно большего. Такие люди и становились настоящими заклинателями.

Лишь дальше начиналось описание собственно упражнений — на удивление, довольно четкое и структурированное. Упражнения, описанные в книге, делились на четыре категории.

Первыми были упражнения на ощущение. Не почувствовав течение энергии, сделать с ней что-либо было невозможно. Энергия, по словам автора, была повсюду — и в живых существах, и в каждом проявлении стихий, из которых соткано мироздание. Стихий, к слову, насчитывалось пять: в отличие от привычной западной системы, местные заклинатели не включали в список Воздух, зато включали Дерево и Металл. А если еще точнее, то к удивлению Дана, воздух считался частью стихии Дерева: видимо, кто-то из основателей имел представление о том, что кислород производят деревья.

Практики, направленные на ощущение энергии, Даниил честно выполнял, но что ему действительно удалось почувствовать, а что было лишь игрой воображения, понять было сложно.

Второй категорией были упражнения на развитие духовного ядра. По мнению автора, духовное ядро внизу живота есть у каждого человека, но у большинства оно неразвито и чем-то напоминает атрофированную мышцу. Ученики заклинателей прикладывали много усилий, чтобы «научить» свое ядро перекачивать большие объемы энергии. Причем это влияло не только на магию: при развитом духовном ядре человек становился физически сильнее, быстрее, выносливее и даже красивее, он переставал болеть, а женщины вдобавок легче переносили месячные и беременность.

Можно сказать, что даже без магии каждый заклинатель был немного сверхчеловеком. Теоретически — не только в физическом плане, но и в моральном, хотя Дан испытывал известный скепсис по этому поводу.

За развитием духовного ядра следовало его наполнение. Ни один заклинатель не мог воздействовать на энергии окружающего мира напрямую: сперва их следовало впустить в себя, ассимилировать («переварить», как назвал это Дан для себя) и сохранить в ядре. И лишь затем её можно было использовать.

Здесь для только ступивших на путь было описано лишь одно упражнение — дыхание. С каждым вдохом заклинатель понемножку впускал в себя энергии мира, — если, конечно, дышать правильно.

Вот только проблема заключалась в том, что этот метод был самым медленным из всех существующих. Прочие методы не приводились в книге, но судя по упоминаниям, они включали в себя особые техники боевых искусств, поглощение эликсиров из уникальных компонентов, медитации в местах силы...

Самым же быстрым способом накопить энергию было — забрать ее у другого живого существа. Как правило, это делалось единым залпом в ходе ритуального убийства, включающего разрезание духовного ядра. Тянуть энергию по чуть-чуть можно было или в процессе пытки, или во время секса.

И как-то смутно догадался Дан, что Лиминю этого было достаточно, чтобы не искать других путей.

Наконец, четвертая категория включала в себя собственно заклинания. Заклинание

автор книги интерпретировал как воздействие своей энергией на энергии мира. Механику этого процесса он описывал через на удивление рационально поданный закон сохранения импульса. Если ударить рукой по корзине, движение руки передастся корзине, и тогда корзина тоже начнет двигаться. То же самое и с магией.

Понимая это и освоив чувствование энергий, заклинатель мог передать свою энергию в мир, — будучи вправе рассчитывать, что под влиянием этой энергии мир сделает то, чего он хочет.

Отдавая, маг приобретал.

Пока что успехи в заклинаниях у Дана были весьма и весьма скромными. Максимум, чего ему удалось добиться, это несколькими размахистыми пассами (колдовать без движений тела было невозможно вообще) сдвинуть на несколько сантиметров абрикосовую косточку. На это требовались сущие крохи энергии, но проблема была в концентрации, которую требовалось неустанно тренировать.

Зато пользоваться личным талисманом оказалось на удивление легко, и сейчас, читая книги, Даниил с удовольствием попивал колдовское вино.

Действительно обладавшее изумительным вкусом и, что интересно, почти не пьянящее, лишь придающее мыслям легкость.

Помимо магии, Дан также старался разобраться в местном общественном устройстве, — впрочем, эти два вопроса были тесно переплетены друг с другом. Официальной властью в этом мире были кланы заклинателей, образывавшие феодальную структуру. Королевскому клану подчинялись шесть вассальных кланов. Иногда выделялись еще и «младшие» кланы, но чаще статусы их представителей несильно отличались от «бродячих», внеклановых заклинателей.

В каждом клане передавались собственные традиции обучения, свои секреты и уникальные техники. Указом короля представителям вассальных кланов запрещалось изучать практики заклинателей выше седьмого ранга, а бродячим — выше третьего. Хотя не факт, что соблюдение этого запрета можно было гарантировать на практике.

Простой человек перед заклинателем был никто и звать никак: заклинатель, особенно если принадлежал к одному из кланов, мог запросто убить его на основании «Он мне не понравился».

По этой причине, в частности, принадлежать к числу слуг считалось для простолюдина прекрасной жизнью. Хоть слуги и рисковали столкнуться с гневом господина, по крайней мере, им не угрожал никто другой.

Ну, кроме его врагов, разумеется.

Такого понятия, как армия, в этом мире попросту не существовало. Не было других государств, граничащих с королевством Шэнь: лишь племена варваров, не умеющих даже выплавлять металл. Если же два клана начинали войну между собой, основная боевая задача ложилась на плечи заклинателей, сражавшихся друг с другом в поединках или стычках небольших отрядов. Кроме них, сражаться могло потребоваться от вооруженных слуг, охранявших дом господина и его имущество, или от стражников, обеспечивавших порядок на улицах и ловивших мелких преступников. Но тягаться даже с заклинателем первого ранга не могли ни те, ни другие.

Что касается наследного принца, то должность эта была назначаемой. Не существовало правила, согласно которому наследовать должен был непременно старший: король мог выбрать любого из своих сыновей. И хотя формально в назначении наследного принца

принимались в расчет самые разнообразные факторы, главным почему-то обычно становился не государственный ум, не знания экономики и политики, даже не поддержка народа или знати, а ранг заклинателя и превосходство над братьями в этом отношении. Так что несомненным фаворитом на этот раз был Веймин.

И как подсказывала книга по истории, именно поэтому первый принц имел все основания опасаться за свою жизнь.

Именно об истории королевства читал сейчас Даниил. Начав с более поздних времен, а затем вернувшись к началу, он пытался понять, в какой момент оказалось, что со сменой правителя на троне в стране не меняется ничего вообще.

Как будто время в королевстве остановилось.

От этих размышлений его оторвал негромкий скрип раздвижных дверей. Появившийся на пороге евнух Ган склонился в глубоком поклоне:

— Молодой господин, простите, что беспокою, но молодая госпожа Фен Сюин в главном зале Чен-Мэй-Ву. Она просит вас об аудиенции.

— Фен Сюин? — переспросил Дан.

От вопроса «а кто это?» он воздержался. А Ган объяснить это не догадался.

— Она не сказала, зачем пришла? — без особой надежды спросил юноша.

— Не могу знать, молодой господин.

Меньше всего ему сейчас хотелось общаться с представительницей клана. Это вам не слуги, которые смиряются с любой придурью господина. С ней любая ошибка будет на виду, а в том, что не зная ситуации, он допустит не одну ошибку, Дан даже не сомневался.

Но выбора как такового не было. Отказать в аудиенции — значит нарываться на неприятности на ровном месте. Клан Фен слыл самым слабым из всех, но это все еще был клан.

И оскорблять их было бы верхом неразумия.

Главный зал поместья Чен-Мэй-Ву именовался также и тронным, — в зависимости от того, кто из членов клана Шэнь пребывал здесь в данный момент. Трон на высоком деревянном постаменте, с которого можно было смотреть на посетителей сверху вниз, даже если ты метр с кепкой ростом, был там в любом случае. Однако официально право на тронный зал было лишь у короля. Если в поместье обитал принц, тронный зал волшебным образом превращался в главный, при полном отсутствии каких-либо отличий.

Представлял он собой длинное и довольно мрачное помещение, украшенное резным деревом и позолотой и устланное алым ковром. Трон короля, возвышавшийся в дальнем его конце, обладал собственной крышей, как будто кто-то опасался, что прямо в поместье пойдет дождик. А над крышей была подвешена золоченая табличка, на которой было начертано:

«Как Солнце в небе,

Как земля под ногами,

Король лишь один»

— Его Высочество третий принц здесь! — зычным, поставленным голосом объявил немолодой слуга в красном одеянии.

Этот человек принадлежал не к дворцу Чиньжу, а к постоянному персоналу Чен-Мэй-Ву, поэтому Дан предпочитал держаться с ним настороже. Он был обязан подчиняться всем трем принцам Шэнь, и никто не мог поручиться, как он поведет себя, если приказы принцев вступят в противоречие.

Например, если один из принцев прикажет стучать на другого.

Слуга отошел в сторону, пропуская Дана, и тот наконец-то смог увидеть свою гостью.

Фен Сюин оказалась высокой и статной шатенкой с красивым, но каким-то слишком уж надменным лицом. Кожа ее казалась смуглой, подходящей скорее испанке, чем азиатке, хотя не исключено, что такое впечатление создавалось лишь из-за недостатка освещения. Яркие губы были капризно поджаты, но все-таки было в них нечто притягательное, не позволявшее отвести от них взгляда. Как и в дерзком взгляде зеленых глаз, в которых, казалось, сверкали искры.

На голове заклинательницы красовалась диадема с нефритом, разделявшая надвое прямую челку. Позади прямые длинные волосы струились водопадом, образуя естественный плащ.

Одета она была в длинное черно-багряное платье, лиф которого был украшен бахромой в виде цветов, подчеркивавшей пышную, роскошную грудь. Довершали образ длинные висюльки золотые сережки, каждую из которых можно было использовать как импровизированный кистень, и темно-красная бархотка на шее, от которой Дан почувствовал еле уловимое течение магических энергий.

— Приветствую Ваше Высочество.

Поклон заклинательницы отличался от того, как кланялись слуги. Выставив перед собой руки, сцепленные в замок, Сюин склонила голову и изогнула одну ногу в колене, но корпус остался прямым.

Воспроизвести этот жест Дан не стал и пытаться, тем более что жесты почтения наверняка различались в зависимости от пола и ранга исполняющего. Ограничился высокомерным кивком:

— Приветствую заклинательницу Фен. Что привело вас сюда?

Благо, хоть информация о том, как нужно обращаться к людям, чтобы это не было сочтено недопустимой фамильярностью, в книгах Лимины нашлась.

— Я узнала о вашем прибытии, — медленно ответила Сюин, — И решила выразить вам свое уважение. Однако, я обескуражена тем, что вы не сочли нужным сделать это со своей стороны. Неужели клан Фен чем-то вызвал неудовольствие третьего принца?

— Ну что вы, — ответил Даниил, призывая на помощь всю свою дипломатичность.

Её оказалось немного.

— Просто этот визит неофициален: я прибыл в закрытой карете, чтобы как можно меньше людей видели меня в пути. И буду благодарен, если вы не будете привлекать к моему путешествию излишнего внимания широких масс. Я могу на это рассчитывать? Я могу доверять клану Фен?

Гипнотические зеленые глаза чуть сощурились:

— Неужели в землях нашего клана до сих пор есть что-то, что способно повлиять на расстановку сил в преддверие назначения наследного принца?

Знать бы еще, какого ответа она ждет. Вряд ли настоящий Лиминь в ответ на столь прямолинейный вопрос выдал бы свои настоящие планы. Поэтому Дан решил делать загадочный вид: так легче сблефовать.

— Полагаю, что умный человек будет искать возможности для своего возвышения где угодно, — ответил он, — Вы согласны со мной?

Фен Сюин улыбнулась: кажется, ответ ей понравился. Улыбка у нее была на удивление приятная: от этой улыбки ощущение угрозы в ее взгляде мигом почти пропало.

Почти.

— Полностью согласна, Ваше Высочество. Похоже, слухи об остроте вашего ума ни капли не преувеличивают.

— Как и о вашей красоте, — заверил в ответ Дан.

Он понятия не имел, ходят ли такие слухи, но решил, что девушке в любом случае будет приятно. Тем более что если они все-таки ходили, то были вполне заслужены.

— Правда? — Сюин снова улыбнулась, на этот раз лукаво, — Я рада, что вы находите меня красивой, мой принц. Сейчас, когда наш клан переживает столь бедственные времена, заслужить внимание принца в преддверие отбора — это истинная благодать Неба.

— В чем же бедствия вашего клана? — осведомился Дан.

Частично из искреннего интереса, а частично из желания не обсуждать скользкую тему отбора с одной из его предполагаемых участниц.

Однако судя по мелькнувшему на секунду выражению изумления и какой-то обиды в глубине зеленых глаз, сказал он что-то не то.

— Девятнадцать лет назад, — напомнила она, — По самонадеянности моего неразумного отца, да будут Светлые Небожители благосклонны к его душе, а новое её воплощение более счастливым, наш клан поднял мятеж. Вы тогда были еще юны, а я и вовсе не родилась, но Его Величество и ваш брат Веймин участвовали в его подавлении. Клан Фен тогда был разгромлен, вся мужская его часть уничтожена, а многие из знаний утрачены. От этого удара мы не оправились до сих пор.

— Я сочувствую вашей утрате, — склонил голову Дан.

Понимая, что извиняться за издевательский вопрос о том, о чем ему полагалось знать, будет крайне неуместно. А объяснять, что он ничего такого не имел в виду, — себе дороже.

— Благодарю вас, Ваше Высочество, но не стоит, — ответила девушка, — Я не испытала потери родных, ведь я родилась уже после войны. Выразить сочувствие моей бедной матери вам, возможно, стоило бы, но я боюсь, что встреча с вами пробудит в ней болезненные воспоминания. Поэтому возможно, вы поступили мудро, не явившись в наш дворец с официальным визитом. Что до меня, то я надеюсь, что прежние раздоры забыты; однако как единственная наследница клана Фен, я должна сосредоточить все свои усилия на том, чтобы вернуть клану его силу и его величие. В этом цель моего существования.

— Пусть Светлые Небожители помогут вам в этом, — ответил Дан.

Что еще было сказать? Хотя сама постановка вопроса ему не понравилась. Такие речи слишком отдавали фанатизмом и какой-то самодеструктивной жертвенностью.

«А сам-то?» — мелькнула ехидная мысль на грани сознания, — «Ворона ворона ругает, мол, черен...»

— Спасибо, Ваше Высочество.

Наследница клана Фен, кажется, смутилась. На ее щечках выступил очаровательный румянец, но какая-то рациональная часть сознания Дана почти кричала, что это наигранно.

Что сейчас будет какая-то ловушка.

После нескольких секунд молчания девушка несмело заговорила:

— Мне рассказывали, что мой покойный брат, заклинатель Фен Хэй, однажды сказал, что у противника в бою мы учимся большему, чем у тысячи учителей. Как вы полагаете, он был прав?

Ну, и что прикажете на это ответить? Дан чувствовал, что ходит по тонкому льду, но его знаний местной культуры не хватало, чтобы понять, как под него не провалиться.

— Я полагаю, что учиться даже у врагов — это крайне достойное качество, — сказал он, чувствуя, что обдумывание ответа начало затягиваться, — Оно не каждому дано, но человек, овладевший им в полной мере, может стать воистину великим.

Девушка улыбнулась: то ли ответ ей понравился, то ли она его вежливо приняла, то ли он соответствовал каким-то её планам.

— Тогда могу ли я осмелиться высказать свою просьбу, Ваше Высочество?..

«Для вас что угодно», — непременно ответил бы Дан, если бы не подозревал подвох.

— Вы можете её высказать, — ответил он, — И возможно, я помогу вам. Если смогу. И захочу.

Последнее он добавил на всякий случай.

— Здесь, в землях Фен, я неустанно практикуюсь, совершенствуя себя и свое мастерство, — ответил Сюин, — Но здесь невозможно встретить достойного противника, а без этого любое совершенствование ограничено. Поэтому я прошу об одном. Сразитесь со мной в поединке, чтобы я могла испытать на себе мастерство клана Шэнь.

Дан не нашелся даже сходу, что на это ответить. У него не было совершенно никаких идей, что говорить в таких случаях и насколько вообще её просьба естественна для общества, помешанного на совершенствовании и заклинательстве.

И видя его замешательство, Сюин поспешила уточнить:

— Разумеется, я не говорю о поединке до смерти. Всего лишь учебный поединок, где каждый из нас сможет продемонстрировать свое мастерство и научиться чему-то у противника. Если же случится чудо, и я смогу ранить вас, то сама буду ухаживать за вашими ранами. Если же вы выиграете... А я не сомневаюсь в вашей силе...

Чем больше она говорила, тем сильнее голос девушки становился каким-то мурлыкающим. В какой-то момент Дан поймал себя на мысли, что её речь звучит уже слишком интимно, чтобы произносить ее в присутствии слуг.

И первой его мыслью было — отослать их.

— ...тогда эту ночь я проведу в ваших покоях. Я дам Клятву Заклинателя, что позволю вам сделать все, что вы пожелаете, за вычетом лишения девственности.

Сюин чуть выгнулась, изящно подчеркивая великолепные изгибы своего тела. Наверное, ни один мужчина не смог бы отвести от неё взгляд, не думать о тех удовольствиях, что она обещала. Наверное, даже святому сподвижнику было бы нелегко отказать ей в её просьбе.

Вот только была одна маленькая деталь, о которую Дан запнулся. А несколькими секундами позже на помощь здравому смыслу подтянулись и принципы.

Хоть и поздно, но они все-таки подогнали ему ответ, который можно было озвучить:

— Разве подобает столь прекрасной, умной и сильной женщине платить собой за чужие услуги? И разве подобает благородному принцу принимать подобную плату?

Сюин замерла. Кажется, такой ответ её слегка разозлил и сильно ошарашил.

Но было в глубине зеленых глаз и что-то третье, что Даниил никак не мог прочитать.

— Не стоит равнять меня с певичками из веселых кварталов, мой принц, — ответила она, — Я не предлагаю вам купить меня. Но разве не вправе каждый из нас обладать тем, чего достоин? Разве не высшее счастье для любой женщины — принадлежать мужчине, что силен и надежен? Я не сомневаюсь в вашей силе, в вашем могуществе. Лишь поэтому я говорю, что была бы счастлива провести эту ночь со столь могущественным заклинателем, показавшим свою силу.

Её слова звучали искренне. Но даже если она верила в то, что говорила, она определенно не говорила всего.

— И чем это отличается от того, что я взял бы вас силой? — парировал Дан.

На секунду она задумалась.

— Возможно, тем, что это мой выбор, — здесь ответ Сюин звучал не вполне уверенно.

Видно было, что этот вопрос она не просчитала.

— В таком случае, позвольте мне озвучить свой, — хмыкнул юноша, мысленно стараясь заставить кипящую кровь успокоиться, — Для меня женщина — не трофей. И я не считаю достойным принять ваше предложение, хоть оно и лестно для меня. В то же время, я не смогу сражаться с вами на других условиях и не думать при этом о том, что мог бы получить; ведь не буду скрывать, что ваша красота взволновала мое сердце.

«Скорее другие органы», — мысленно прокомментировал он. Но все же продолжил:

— Поэтому будет лучше, если мы с вами откажемся от этого поединка. Не говоря уж о том, что я рассчитывал, что о моем пребывании в землях Фен не станет широко известно, а поединок магов всегда привлекает внимание.

Сюин выслушала его речь очень внимательно. Она не была с ней согласна, это было заметно невооруженным взглядом. Но спорить она не стала.

Лишь хмыкнула:

— Не пожалейте о сделанном выборе, мой принц. Скоро состоится отбор. Если я стану женой вашего брата, то с мечтой обладать мною вы сможете расстаться навсегда.

Ну, и что на это можно было ответить? Сказать, что у него нет такой мечты? Что-то подсказывало, что это не самый лучший вариант.

Оставалось вспомнить спартанцев и выразиться лаконично:

— Если.

Светская беседа продлилась еще четверть часа, и к концу этого времени Дан почувствовал себя совершенно выжатым. Кто бы мог подумать, что на обыкновенный разговор может уходить столько сил. Оказывается, может: когда каждую секунду отчаянно стараешься не выдать, что не имеешь представления, о чем идет речь.

Хотя насколько он мог судить, в его мире хватало людей, которых это ничуть не волновало.

Когда же за красоткой закрылись двери поместья, Даниил какое-то время смотрел ей вслед. После чего негромко сказал:

— Евнух Ган. Передай остальным: пусть потихоньку готовятся к отбытию. Спокойно, без суеты, чтобы не казалось, что мы делаем это в спешке. Но к завтрашнему утру мы уже должны быть на пути в столицу.

— Да, молодой господин, — поклонился тот.

Дан не знал, в чем именно заключался подвох, но не сомневался в том, что какой-то подвох был. Он не был настолько самоуверен, чтобы считать, что вообще нигде не ошибся. А учитывая, что как выяснилось, у мятежного клана были все основания не любить правящий...

Оставаться в землях Фен могло быть опасно.

Эти нехитрые соображения Даниил повторял себе снова и снова, как будто за счет этого он мог вычленил в них что-то новое. И лишь повторив их в пятый раз, студент заставил себя взглянуть на истинную причину.

Задело его что-то в её словах. Что-то в них было, что не давало ему успокоиться.

«Разве не вправе каждый из нас обладать тем, чего достоин?»

Такое простое и кажущееся очевидным заявление. Вот только...

Вот только чем он обладал в своем мире? Чего он был достоин?

Выходило, что ничего. В своем мире Дан всю жизнь делал что-то для других, не прося ничего для себя. Не прося — и не получая. Все его друзья прекрасно знали, что на него можно рассчитывать, что в любое время дня и ночи он откликнется на их просьбы и никогда даже не подумает отказать или потребовать ответной услуги. Знали — и пользовались этим. Как говорится, помоги человеку, и он непременно вспомнит об этом, когда ему снова понадобится помощь.

Он никогда не роптал на это. Никогда не винил их в этом.

Но сейчас, живя в шкуре Лиминя, который, похоже, не позволял пользоваться собой никому и никогда, он ощущал это все острее.

«Интересно», — вдруг подумалось Дану, — «Если Лиминь просчитался, и мое тело там, в моем мире, все-таки умерло, Лера придет на мои похороны?»

Или даже так.

«Хоть кто-нибудь, кроме родных, на них придет?»

Хотя он убеждал себя, что даже если бы у него было мастерство заклинателя, которая так хотела увидеть Сюин, он не принял бы предложенную ей сделку, сам факт того, что она предложила её, слишком наглядно проводил границу между тем, как воспринимали люди Шэнь Лиминя и Даниила Беронина.

И все сложнее было ему считать, что это сравнение в его пользу. Что его идеалы, его моральные принципы действительно чего-то стоят.

Дан тряхнул головой, возвращаясь в реальность. Благо, к тому моменту ноги уже принесли его в кабинет, куда по его приказу доставили книги, оставленные Лиминем. Почему принц счел невозможным перевезти их во дворец Чиньжу, Дан так и не понял, но предполагал, что причина была, и лезть со своим видением, не зная её, несколько неосмотрительно. А значит, оставшееся время пребывания в Чен-Мэй-Ву следовало употребить на то, чтобы как можно больше узнать об этом мире.

Хотя пару книг он собирался все-таки вывезти под халатом, — те, что содержали описания техник, которые ему было пока не под силу воспроизвести.

Одна посвящена практикам магии Воды, другая — магии Истины.

Благо, разговор напомнил еще об одной оговорке принца, и Дан подозревал, что именно в магии Истины кроется следующая ниточка, что может привести его к разгадке.

В это самое время в сад дворца Фенгон, резиденции клана Фен, стремительным шагом вошла его насравненная наследница. Матриарх клана, Фен Цзиньхуа, женщина немолодая, но еще сохранявшая остатки былой красоты, в данный момент любовалась цветами, но при появлении дочери обернулась.

— Оставьте нас, — коротко приказала она слугам и охране, — И позаботьтесь, чтобы нас никто не подслушал.

В изящной дамской руке будто сам собой появился спрятанный доселе в рукаве бумажный талисман-оберег, символы на котором предохраняли окружающую территорию от любых заклинаний, позволявших взгляду или слуху проникнуть сквозь пространство и время.

И лишь наполнив его до краев своей энергией, Цзиньхуа заговорила:

— Ты вернулась быстро. Все прошло как надо?

— Да, матушка, — ответила Сюин, — Сведения подтвердились. Его Высочество Шэнь Лиминь утратил свою энергию и сейчас практически неспособен творить мощных заклинаний.

— Ты уверена в этом? — матриарх подалась вперед, ловя каждое слово, — Он пытался что-то сотворить при тебе?

Сюин улыбнулась довольной улыбкой вечной победительницы:

— Нет, в том-то и дело. Мы обе прекрасно знаем, кто такой принц Лиминь. Он никогда не упускал возможности заполучить понравившуюся женщину в свою постель. Меня же он вождедел лет с тринадцати. Но при этом сейчас, когда ему представилась возможность завоевать меня, он не воспользовался ей. Причина этому может быть лишь одна.

Цзиньхуа задумчиво кивнула:

— Третий принц отказался от поединка, потому что побоялся, что о его бессилии станет известно. Что ж... Значит, слова второго принца были правдой. Как необычно для него.

Она отвернулась, как будто её вдруг очень сильно заинтересовало молодое дерево гинкго. На какое-то время в саду воцарилось молчание; Сюин по опыту знала, что прерывать мать, когда она в серьезных раздумьях, недопустимо даже для неё, единственной дочери.

А также что сейчас она получит четкие и подробные инструкции, что делать дальше.

— Ты немедленно отправишься в столицу, — сказала наконец матриарх, — Ты прибудешь открыто, как кандидатка на отбор, со всей подобающей роскошью и блеском одного из Шести Кланов; так, чтобы Его Величество увидел в тебе прекраснейшую из возможных невест для будущего наследного принца. Однако помимо Его Величества, у тебя будет еще одна цель. Шэнь Веймин, первый принц. Во-первых, он должен в тебя влюбиться. И во-вторых, ты должна обещать ему всестороннюю поддержку от имени нашего клана.

— Именно ему? — уточнила на всякий случай Сюин, — Не Сяолуну?

Она прекрасно знала, что её мать так и не простила первому принцу смерти Хэя восемнадцать лет назад, поэтому такой выбор показался ей весьма и весьма парадоксальным.

Цзиньхуа, однако, лишь поморщилась:

— Второй принц умен и хитер, но его ум и хитрость не подкреплены реальной силой. Человек, ни разу в жизни не одержавший славной победы над достойным противником, не может быть мужем моей дочери, даже если он и станет королем.

— Да, матушка, — поклонилась Сюин.

Действительно, слабый муж был худшим унижением, какому могла подвергнуться благородная дама. Блистательный воин Шэнь Веймин превосходил младших принцев во всем.

А с тем, что он убийца её брата, она как-нибудь примирится.

— Что касается третьего принца, — продолжила матриарх, — Я даю тебе разрешение действовать против него на свое усмотрение. Сейчас, когда он слаб, перед тобой открываются отличные возможности вывести его из игры. Но помни: в любом случае ты должна действовать в союзе с первым или вторым принцем. Пусть всю ответственность за ваши общие действия понесут они. Клан Фен должен быть вне подозрений.

— Я справлюсь, матушка, — заверила Сюин, — Они меня любят. Я даю слово.

Глава 5. Пламя

То ли к ужасной тряске местных карет все-таки можно было привыкнуть, то ли играло роль опасение, что клан Фен устроит засаду или провокацию на обратном пути, но по дороге в столицу Дан сумел даже немного осмотреть пейзажи королевства Шэнь. Не сказать чтобы он увидел так уж много, но какое-то впечатление о своей «новой родине» составил.

Странным было это впечатление. Города и деревни казались на удивление чистенькими; ничего общего с «навозными веками», какими часто представляют времена до изобретения современных очистных сооружений. Хотя лошади оставляли на улицах определенные «следы» своего пребывания, их хотя бы старались убирать. Расписные деревянные домики с прихотливо изогнутыми крышами, величественные пагоды и яркие цвета одежд многочисленных прохожих радовали глаз.

Но вместе с тем, было что-то на грани восприятия, что вызывало у него внутренний протест. Что-то в том, как держались люди, как они смотрели, как кланялись проезжающей карете с охраной из евнухов. Они даже не знали, что едет принц, но понимая, что там скорее всего заклинитель, было достаточно, чтобы смотреть с безмолвным раболепием.

Привыкший к хотя бы декларируемому равенству всех людей, Дан чувствовал себя очень дискомфортно из-за этого.

Столица, носившая гордое, но немного трудное для произношения имя Тьянконджичен, делилась официально на две части, а по факту скорее на три. Внутренний город формально находился под личным присмотром короля. Там жили лишь зажиточные горожане, чьего дохода хватало, чтобы вкладывать немалые деньги во внешний лоск. По закону тот, кто вышел бы на улицу в грязных одеждах (степень «грязности» определялась умозрительно), был бы повинен в оскорблении взора Его Величества, что каралось смертью. Презентабельными должны были выглядеть и дома, и улицы; дворники работали днем и ночью, а основным средством передвижения служил экологически чистый паланкин.

Во Внешнем городе обитал народ попроще. Большую его часть составляли простые работяги, ремесленники, небогатые торговцы — и попросту нищие. Местные дома тоже были раскрашены в яркие цвета, но местами краска облупилась; обновлялась она явно не так уж часто, и дожди и ветры потихоньку сводили на нет попытки горожан придать своему жилищу подобающий облик.

Еще одной частью был пригород. Формально его жители не считались горожанами, и даже беднейший из жителей Внешнего города презрительно смотрел сверху вниз на «деревенщину». Однако их поселения жались к городской черте настолько тесно, что со стороны понять, где заканчивается город и начинается деревня, было невозможно в принципе.

Дворец короля располагался в самом центре Внутреннего города, а дворцы принцев — на границах между Внутренним и Внешним. Столетия назад, до того, как Тьянконджичен разросся, они венчали собой три угла городской стены. С тех пор площадь города увеличилась в разы, но старая стена все еще служила четким разделителем территории зажиточных слоев и простонародья.

А также прекрасным способом оградить царственный взор принцев от облупившихся бедняцких жилищ.

Формально проходить из Внешнего города во Внутренний полагалось через серебряные

ворота, охраняемые многочисленным отрядом стражи. На практике, однако, ими практически никто не пользовался: за те столетия, что стена не выполняла своей оборонительной функции, в ней накопилось множество дыр, проемов и целых обвалившихся секций. Житель Внешнего города мог попасть во Внутренний без особых проблем, — но там его остановил бы первый же разъезд стражи.

Даниил и его свита разъездов стражи могли не опасаться. Даже явись они сюда в обносках, снятых с бездомного бродяги, не родился еще такой стражник, что посмел бы остановить принца.

Первыми, кого встретил Дан, войдя во дворец Чиньжу, были стоявший на страже евнух Пин и невозмутимый евнух Вон, которому явно доложили обо всем заранее.

— Приветствую Ваше Высочество, — поклонился он, — Надеюсь, ваше путешествие было успешным.

— Весьма, — загадочным тоном ответил Дан, предпочитая не вдаваться в подробности, — За время моего отсутствия ничего не случилось?

— Все было спокойно, — заверил Вон, — Ничего, что заслуживало бы вашего внимания.

Не понравилась Дану эта формулировка, но он решил разбираться по порядку.

— Распорядись сейчас насчет ужина. А за ужином расскажешь мне, что удалось узнать по моему поручению.

На стол снова накрыли в его покоях. Вообще-то, как уже знал Дан, во дворце была своя большая трапезная, но использовалась она только для официальных мероприятий. Вот если бы он созвал гостей из числа представителей кланов, богачей или королевских чиновников, тогда другой вопрос, а так...

Помимо Даниила и евнуха Вона, на ужине присутствовала только служанка Лю, прислуживавшая за столом. И что-то в ней не понравилось юноше. Какая-то странная отстраненность, которой в прошлый раз не было. Слегка мутным был ее взгляд, а движения механическими. Не чувствовалось в ней жизни, которой дышал каждый её жест до его отъезда в земли Фен.

— Молодой господин, — голос евнуха Вона оторвал Дана от наблюдений за девушкой, — По вашему приказу я разузнал о происшедшем. Никто посторонний не входил на территорию дворца. Вооруженные слуги были на своих местах; прием эликсира, лишаящего потребности в сне, также никто не пропускал.

Наконец-то Дан получил ответ, каким образом евнухи ухитрились вдевятиером охранять дворец без необходимости сменяться на ночь. Интересно, почему он сам не принимал этот эликсир... Впрочем, скорее всего, у него были побочки такие, что лучше не надо.

Здоровье простых слуг принца Лиминя явно волновало в последнюю очередь. По крайней мере, пока они могли выполнять свои обязанности.

— Не были потревожены и обереги на стенах, — продолжал тем временем Вон, — В тот день вы уединились в ритуальном зале, наказав никому не прерывать ваши практики. Вероятно, утрата вами вашей энергии — действительно побочный эффект практик, и ничего более.

— Вероятно... — задумчиво ответил юноша, — Что по поводу свитка из Королевского Архива?

Евнух вздохнул:

— Я связывался с Королевским Архивом, Ваше Высочество. К сожалению, их ответ

однозначен: в последние годы вы не брали оттуда ни свитка, ни книги, ни иного документа.

— Официально, по крайней мере, — предположил Даниил.

Вон кивнул:

— Один из смотрителей Королевского Архива — мой хороший друг. Он рассказал мне, что на двенадцатый день сезона Колошения Хлебов в их рядах происходили проверки благонадежности, вызванные исчезновением некоего свитка из запретной секции.

Судя по пометке в книгах, оставленных Лиминем, между двенадцатым днем сезона Колошения Хлебов и тем днем, когда принц эти книги оставил (десятый день сезона Малой Жары), прошло чуть меньше двух недель. К сожалению, выяснить, как давно Лиминь их оставил, Дан пока не успел.

— Разумеется, я не заявляю, что вы похитили свиток из Архива, — поспешил заверить Вон, по-своему интерпретировав его молчание, — Вполне вероятно, что вы уже отыскали вора и планировали вернуть свиток обратно.

Дан удержался от ехидной усмешки.

— Несомненно, — с серьезным лицом ухватился он за предложенную версию, — Именно так все и было.

По крайней мере, именно так он скажет, если кто-то свитком заинтересуется.

— Но меня больше волнует другое, — продолжил он, — Что было в этом свитке? Об этом твой друг из Архива что-нибудь сказал?

Евнух Вон покачал головой:

— Нет, Ваше Высочество. Он ничего об этом не знает. В свитки из запретной секции не допускается заглядывать под страхом смерти никому, кроме Его Величества.

Дан хмыкнул:

— В таком случае, хорошо, что я не помню содержания свитка. Мое незнание будет лучшим доказательством, что я не нарушал запрет.

На самом деле, он был почти уверен, что знает, что было в этом свитке. Доказательства были лишь косвенными, но если подумать — что за тайные знания может держать под рукой заклинатель, когда творит редкое и почти никому в этом мире неизвестное колдовство?

Но если так, то чего же принц боялся столь сильно, что чтобы сбежать от этого рискнул даже обокрасть Королевский Архив? Прекрасно зная, что если кто-нибудь уличит его в этом, то одного этого хватит на смертную казнь, будь он хоть трижды принцем?

В одном, впрочем, Даниил теперь был уверен точно. Король не должен узнать, что он не Лиминь. В общем-то, юноша надеялся, что не узнает вообще никто. Но в случае конкретно короля это был вопрос жизни и смерти.

Ведь заклинание из своего свитка тот узнает наверняка.

— Оставь пока это дело, — сказал Дан, чуть подумав, — Сейчас это не ключевой вопрос. На носу назначение наследного принца, и чувствую я, что избежать крутящихся вокруг него интриг мне не удастся. Недавно я имел беседу с наследницей клана Фен, и я почти уверен, что она что-то задумала.

В этот самый момент рука служанки Лю, подливавшей ему вино из небольшого чайничка, дрогнула, и вино пролилось на скатерть.

Евнух Вон аж подкинулся, готовый то ли накричать на нерадивую подчиненную, то ли вовсе ее ударить, но Дан предостерегающим жестом остановил его.

— Простите меня, молодой господин, — чуть не плача сказала она.

— Ничего страшного, — откликнулся юноша, — Евнух Вон, полагаю, сейчас мы

закончили. К завтрашнему дню подготовь все, что тебе известно о делах клана Фен и их контактах с моими братьями. Сейчас можешь быть свободен.

Переведя взгляд на служанку Лю, он добавил:

— А ты присядь.

Вся бледная, являющая собой наглядную иллюстрацию к выражению «Ни жив, ни мертв», девушка опустила на освободившееся место.

Даниил дождался, пока за Воном закроются двери, после чего заглянул в глаза Лю и, стараясь сделать свои интонации максимально дружелюбными и успокаивающими, спросил:

— Что случилось?

— Я допустила ошибку, — ответила девушка.

Он, однако, покачал головой:

— Я не о том. Ты думаешь о чем-то своем, и это явно что-то плохое. У тебя что-то случилось; я хочу знать, что.

В его голосе не было и тени сомнений в своей правоте.

Ведь он слишком хорошо помнил, как сам скрывал свои проблемы от людей, которым, как он был полностью убежден, нет до них никакого дела. Так ли это было в действительности? Даниил так и не знал ответа.

Но он знал, что сейчас до проблем служанки ему дело БЫЛО.

— Я...

Лю запнулась, как будто не знала, что сказать.

А потом вдруг резко пала ниц:

— Ваше Высочество, я заслуживаю смерти!

— Опять! — не выдержав, простонал Дан.

Ему казалось, что еще несколько дней пребывания в образе принца Лиминя, и эта фраза навечно застрянет у него в ушах.

— Так, — он махнул рукой, прерывая её причитания, — Давай договоримся. Чего ты заслуживаешь, решаю я и только я. Отныне эта фраза для тебя под запретом. И если я спрашиваю тебя, что случилось, я хочу услышать объяснения по фактам, а не... её.

Он чуть запнулся, не зная краткого и лаконичного определения для таких фраз.

— Я спрашиваю еще раз. Что случилось?

Какое-то время служанка Лю молчала, опустив голову. Затем очень тихо начала говорить:

— Молодой господин, за время вашего отсутствия я самовольно покинула дворец. Прошу вас, накажите меня.

— Ты из-за этого так боишься? — понял Дан, — Не думаешь же ты, что я убью тебя за такую мелочь? Успокойся. Если покинув дворец, ты не отправилась напрямик к Веймину или Сяолуну, то все нормально.

Глаза девушки удивленно расширились.

— Я бы никогда! — воскликнула она, — Молодой господин, вы ведь знаете, что я бы никогда не предала вас! Клянусь всеми Светлыми Небожителями, это правда! Даже если мне придется претерпеть пытки и умереть...

— Успокойся, — повторил Дан, — Это была шутка. Я лишь пытаюсь сказать, что тебе нечего бояться, и ты можешь рассказать мне без утайки о своем выходе за пределы дворца. Я ведь верно понимаю, что сам факт — это еще не вся причина для твоих волнений?

Лю отвела взгляд.

— Верно, — сказала она.

Кажется, она все еще не была уверена, что нужно рассказывать. Что её проблемы, проблемы простой служанки, будут иметь значение хоть для кого-то, кроме неё.

Даниил знал это ощущение, и именно поэтому отставать он не собирался.

— Рассказывай. Это приказ.

— Я просто хотела повидаться с родными, — заверила служанка, — Мой отец держит гончарную лавку во Внешнем городе. Матушка и младший брат с сестренкой помогают ему...

Почему-то первая мысль Дана была о том, что возможно, дело просто в том, что порядочная и благообразная китайская семья без одобрения относится к тому, что их дочь и сестра пошла в услужение к такому человеку, как Лиминь. Однако озвучивать свою мысль он не спешил: а ну как вопреки стереотипу, здесь это не считается позором семьи, и тогда придется еще убеждать ее, что он сам её таковым не считает?

Или же настоящая проблема гораздо серьезнее, чем чьи-то уничижительные слова.

— Там был полный разгром, мой господин, — девушка говорила все быстрее, кажется, ей давно хотелось рассказать кому-то, — Горшки побиты, мебель поломана. Отец баюкает поврежденную руку. У матушки разбита губа...

— Что там произошло? — спросил Дан, несколько потерявший нить повествования.

— Мой брат... — Лю запнулась, но все же продолжила, — Куан пристрастился к азартным играм. Он задолжал бандитам, и несколько дней назад они приходили требовать долг. Вы не подумайте!

Она вдруг спохватилась.

— Жалования, что вы мне платите, всегда было достаточно. Но в этот раз их главарь сказал, что выплату придется увеличить. А как её увеличить, если отец работать не может, а товар весь побит? Если же не выплатят, он обещал, что заберет в рабство мою сестру...

— Я понял, — остановил её Дан, чувствуя, как внутри разгорается уже знакомое пламя.

— Вы обращались в полицию? — задал он вопрос, совершенно естественный для современного человека из его мира, — Я имею в виду, в городскую стражу?

Лю мотнула головой:

— Как я могла так поступить с вами?

И прежде чем Дан успел расписаться в своем непонимании, пояснила:

— Городская стража подчиняется принцу Веймину. Если бы человек, служащий во дворце Чиньжу, обратился к ней, это стало бы ударом по вашему престижу. Тот предатель, что пошел бы на это, заслуживал бы самой страшной кары.

«Да не плевать на мой престиж?!» — хотел было воскликнуть Даниил, не в силах осмыслить, что из-за него люди рискуют собой и своими близкими.

Но в следующий момент понял, что он уже не имеет права плевать на него.

— Спасибо, — с искренней благодарностью сказал он, — Я ценю твою преданность. Но все же, раз уж ты не могла рассказать страже, ты должна была рассказать хотя бы мне. И впредь всегда рассказывай, если тебе понадобится помощь. Поняла?

— Да, господин, — склонила голову служанка.

— Сейчас позови евнуха Вона и евнуха Пака, — решил Дан, — И еще одно. Подбери мне костюм, в котором я смогу сойти за простолюдина или хотя бы бродячего заклинателя.

Костюм простолюдина больше всего напоминал тунику или айкидоги (привычку вслед

за широкими отечественными массаами называть костюм для боевых искусств «кимоно» Оксана из брата в детстве буквально выбила). Включал он в себя лишь широкие штаны, запашную куртку и широкий пояс. Надевать это было гораздо проще, чем одежды принца, и Дан даже смог проделать это без посторонней помощи.

Его костюм был темно-синим, кобальтового оттенка. Приметную прическу (волосы длиннее, чем до плеч, были в этом мире характерной приметой заклинателя) прикрыла коническая шляпа; если держать голову склоненной, то не будут заметны и характерные вишневыe глаза клана Шэнь.

Именно в таком виде, в сопровождении пары евнухов, Дан пришел знакомиться с «малым бизнесом» города Тьянконджичен.

Гончарная лавка почтенного Энлея оказалась приземистым двухэтажным строением. Верхний этаж, как подозревал Даниил, был отведен под жилые помещения, внизу же располагались и мастерская, и прилавки с готовой продукцией.

Ну, точнее, это явно предполагалось. Черепки, оставшиеся от «готовой продукции», уже смели в сторону, но об деревянные обломки, оставшиеся от прилавков, все еще можно было запросто споткнуться.

Хозяин помещения сидел прямо на полу, в глубине комнаты. Увидев вошедших, он совсем недружелюбно гаркнул:

— Мы закрыты! Приходите потом!

В ответ на это евнух Вон схватился за меч:

— Как смеешь ты говорить в таком тоне с...

Дан, однако, предостерегающе поднял руку.

— Без имен. Мы тут инкогнито, помнишь?

После чего взглянул прямо в глаза торговцу. Вряд ли тот знал в лицо третьего принца, но уж характерную особую примету распознал сходу.

И сходу же бухнулся на колени.

— Ваше Высочество! Простите мне мою грубость!

— Я же просил, — недовольно поморщился Дан.

Сам почтенный Энлей был невысоким, сухопарым и немного сгорбленным стариком с седыми усами. Недавний «визит вежливости» отразился на нем в виде россыпи желтеющих синяков на лице и отсутствия одного из передних зубов. А также, разумеется, лубков на правой руке, боль в которой заставила его страдальчески поморщиться, но не прекратить кланяться.

— Встаньте, — приказал Даниил, подставляя старику плечо для опоры. Тот от перспективы прикоснуться к принцу аж оторопел, но спорить не посмел. Дан же тем временем обратился к своему спутнику:

— Евнух Вон, оцени ущерб и подсчитай необходимую сумму для восстановления. Позаботься, чтобы средства были выделены из запасов дворца Чиньжу. Потом представишь мне отчет о расходах.

— Да, господин, — склонил голову евнух.

Если он и был удивлен, то не подал виду. Торговец столь вышколен не был.

— Мы не смеем... — начал было он, но Дан оборвал его:

— Это ради служанки Лю. Кстати, позвольте осмотреть вашу руку?

Как будто он решился бы не позволить. Сняв лубки и прощупав пострадавшую конечность, Дан недовольно поморщился. Видно было, что этот человек не мог позволить

себе хорошего врача. В лучшем случае обратился к кому подешевле, в худшем — попросил оказать помощь кого-то из домочадцев. А тут закрытый перелом, и если оставить как есть, кость срастет неправильно, и о тонком ремесле можно будет забыть.

Сам Дан тоже был всего лишь студентом, но он все же полагал, что и он сможет сложить сломанную кость лучше, чем безвестный лекарь. Чем и собирался заняться.

— Позвольте, я помогу, — сказал он, — А вы пока расскажите мне о тех бандитах, что сделали это.

— Отец ничего не знает, — послышалось справа.

Дерзкого вида подросток с упрямым лицом и черными кудрями до плеч, одетый в почти такой же, как у самого Дана, наряд, стоял, скрестив руки на груди, на лестнице на верхний этаж. За его спиной испуганно жались высокая и худая старуха с разбитой губой и девочка лет десяти с большими карими глазами.

При взгляде на последнюю Даниил чуть не забыл, что собирался сказать. Когда Лю упоминала свою сестренку, которую бандиты хотели забрать в рабство, она ничего не сказала о ее возрасте. И какая-то, темная часть его даже относилась к их инициативе с пониманием, хоть и соглашалась, что их нужно остановить.

Сейчас, от мысли о том, что рабыней хотят сделать маленькую девочку, в шоке была даже темная часть.

И все сомнения в дальнейшем шаге, все естественные мысли цивилизованного человека рассеялись как дым.

Дан почувствовал лихорадочную решимость.

— Куан, я полагаю? — задал риторический вопрос он, — Подойди. Не бойся: я пришел как друг. И расскажи мне все, что знаешь, об этих бандитах.

Мальчишка явно очень старался показаться смелым. Смотрел, не отрываясь, в глаза. Спустился, стараясь двигаться с достоинством. Да только губа у него дрожала, когда он начал рассказывать:

— Их главаря зовут Нёнмин, но он требует от всех называть его Сангуном. Под его началом двенадцать человек, и двое даже раньше служили в городской страже. Они держат три квартала Внешнего Города, собирают дань с лавок и публичных домов. Они всегда ходят в яркой одежде, их легко узнать на улице...

Это все настолько напоминало «лихие девяностые» отечественного разлива, что Дан чуть не забыл, что находится в другом мире.

— Так если ты знал, что это бандиты, чего сел с ними играть? — не удержался юноша.

Куан отвернулся, кажется, не имея достойного ответа, и Дан решил не давить на него по этому поводу.

— Ты знаешь, где их искать? — спросил он вместо этого.

— Я встретил их в трактире тетушки Сиен, — сообщил Куан, — Но это лишь одно из мест, где они находят жертв.

— Евнух Пак, — не оборачиваясь, сказал Даниил, — Тряхни старых знакомых в криминальном мире. Заплати им, если потребуется, но мне нужно знать, где собирается банда Сангуна. Идеально, если они скажут точно, где он сейчас.

Если они так любят привлекать к себе внимание, то должны быть на виду. Кто-то наверняка должен был слышать. Остается лишь надеяться, что скупщики краденного и им подобные не считают «западлом» работу со слугой принца.

— Ты знаешь, чем они вооружены? — решил получить еще хоть какую-то информацию

юноша.

— Я видел только троих, — признался Куан, — У одного топор, у другого кистень, у третьего мечелом. У самого Сангуна меч.

Дан хмыкнул. Он всегда полагал, что меч — оружие дворянское, и слышать о том, что мечом вооружен уличный бандит, было довольно странно. Впрочем... как говорили на его родине, хороший понт дороже денег.

— Не беспокойся. Тебе больше не придется платить им.

Наложив по новой лубки, он критически осмотрел свое творение. Если он нигде не напортачил, то по крайней мере, перелом должен зажить без осложнений. Вопрос только в том, сколько времени на это уйдет.

И как перенесет это время человек, зарабатывающий на жизнь работой руками.

Какое-то время Даниил колебался. До сих пор его успехи в заклинаниях были более чем скромными. По местным меркам он не тянул даже на первый ранг. И все-таки, ему хотелось попробовать сделать все, что он может, даже если шансы невелики.

Ему этого хотелось. И может быть, поэтому он вдруг поверил, что у него это получится.

— Не двигайтесь минутку, пожалуйста, — попросил он.

Так. Теперь поднять ладонь перед лицом; приложить большой палец к сгибу среднего. Обильно выдохнуть воздух на собственные пальцы, «заряжая» их собственным дыханием. Технику Дыхания Жизни, которой некогда хвалился Лиминь и которая, судя по словам принца, могла вылечить даже врожденный порок сердца, Дан выполнял в полном соответствии с инструкциями в оставленных ему книгах.

Вопрос был лишь в концентрации, — но странное дело, владевшее им лихорадочное воодушевление не сбивало концентрацию, а очень даже наоборот.

Как будто сейчас его тело, разум и желания действовали в унисон.

Почувствовав тепло в кончиках пальцев, Дан начал выписывать ладонью размашистые круги. Это было необходимо: никакая магия не могла твориться без движений. Именно движение позволяло заклинателю взаимодействовать с энергиями мира.

Судя по записям Лиминя, у заклинателя его ранга эффект должен был проявиться на третьем или даже втором круге, но Дан описал восемь, прежде чем вокруг его пальцев загорелось неяркое зеленоватое сияние.

Это сияние и звалось Дыханием Жизни.

Направив высвобожденную магию в сломанную руку старика, Дан почти физически ощутил, как его энергия пронизывает тело, наполняет его, укрепляет и оздоравливает. Считанные секунды длился контакт, а затем голова вдруг закружилась, и юноша вынужден был ухватиться за стену, чтобы не упасть.

Сияние постепенно гасло. Но не впусую.

Он это чувствовал.

— Это не исцелит вас на месте, — сообщил Дан, — Но значительно ускорит выздоровление. Через несколько дней нужно будет снять лубки и осмотреть руку.

— Милость ваша безгранична, Ваше Высочество! — воскликнул старик.

Даниилу стало как-то даже неудобно от направленных на него неуместно-восторженных взглядов. Как странно. Эти люди жили в мире, где магия была обыденностью. Их дочь и сестра каждый день прислуживала заклинателю.

Но несмотря на это, то, что магию могли использовать, чтобы им помочь, было для них таким же невероятным чудом, как и для жителя его мира.

Наверняка реши он использовать магию, чтобы покарать их за непочтительность, это не вызвало бы такого удивления.

— Евнух Вон, — сказал Даниил, разворачиваясь, чтобы уйти, — Подготовь боевую группу. Когда евнух Пак получит искомую информацию, направь кого-нибудь в городскую стражу. Пусть передаст им, что Сангун — мой. А сейчас нам нужно вернуться в ритуальный зал.

Против его воли губы тронула жестокая улыбка.

— Нужно кое-что захватить.

Шум в таверне был слышен еще с улицы. Судя по словам информатора, банда Сангуна изволила праздновать предстоящую свадьбу своего заслуженного «бойца». Громогласные тосты и пьяные песни наглядно свидетельствовали о том, что празднование было в самом разгаре: хозяин таверны поил их бесплатно, предпочитая убытки разгрому, который могли учинить разгневанные бандиты.

Что ж. Тем проще. Если они пьяны, их реакция будет медленнее, а действия менее слаженными. Так что и численным преимуществом воспользоваться им будет сложнее.

— Евнух Ли, евнух Пин, встаньте с боков от черного хода и рубите тех, кто попытается сбежать, — распорядился Дан, — Остальные — заходим и действуем по плану.

«Остальных» было шесть человек, включая его. В центре и впереди держался евнух Вон, несший в руке раскрытый пергаментный свиток. Сам Даниил шел чуть слева, не спеша привлекать внимание и провоцировать противников выводить его из строя первым.

Забавно, но если в дворянских домах принято было сидеть на полу, то простолюдины прекрасно знали о таком инновационном изобретении человечества, как стул. Возможно, правда, что это была вынужденная мера, вызванная общей загрязненностью пола: хотя в таверне явно иногда убирались, но явно реже, чем требовало количество посетителей в уличной обуви.

В данный момент почти все посетители расселись вокруг трех столов, сдвинутых вместе в центре зала. Дюжина вооруженных людей были одеты с кричащей, безвкусной роскошью, и найдя среди них того, кто превосходил в ней остальных, Дан решил, что это и есть искомый главарь.

Был это человек даже не толстый, а откровенно жирный. Халат из оранжевого шелка, явно пошитый на кого-то раза в полтора меньше, не сходиллся на его животе, открывая бирюзовый кафтан и золотую цепь, снова напомнившую о «братках» родного мира. Золотыми были и массивные серьги в ушах. Довершали образ черные волосы до плеч и бородка наподобие эспоньолки, а также сидевшая у него на коленях хорошенькая подавальщица.

Определив цель, Даниил кивнул Вону, командуя начинать. И зычным, поставленным голосом главный слуга провозгласил:

— Нёнмин!

Тут же стало тихо. Оторвавшись от явств, напитков, бесед и песен, бандиты как по команде обернулись к вошедшим. А Вон между тем продолжал, демонстративно зачитывая со свитка:

— Ты перешел границы допустимого, и должен понести наказание. Третий принц Шэнь Лиминь приказывает тебе принять смерть. Исполни приказ добровольно, и тогда твои люди будут пощажены, при условии, что навсегда прекратят преступную деятельность.

Договорив и спрятав свиток, внух обнажил меч. То же самое сделали и остальные, включая Дана.

Толстяк перевел на них налитые кровью глаза и громогласно расхохотался:

— Принц? Не смешите меня! Принцы сидят в своих дворцах, и до нас им дела нет. Возьмите его, парни, и отучите как следует от вранья!

Если кто-то из бандитов и не разделял его уверенность, то явно предпочел держать свое мнение при себе. Один за другим поднявшись из-за стола, они торопливо похватали оружие.

Слуги дворца Чиньжу встречали их, стоя на месте и прикрывая друг друга. Наверное, очень любопытно было посмотреть на то, как организованный отряд держит оборону от превосходящих сил противника, но Дану было не до того.

В тот момент, когда один из бандитов бросился на него, его восприятие будто сузилось. Он все еще видел, как справа от него сражаются его соратники, но сейчас он смотрел только на одного отдельно взятого противника. Весь заросший, косматый, напоминавший обезьяну мужчина в безрукавке был вооружен навязным кистенем. К счастью, спасла быстрая реакция заклинателя: вовремя заметив направление удара, Даниил отклонился в сторону, и железное яблоко просвистело у него над головой.

Бандит начал отводить оружие на новый замах, и Дан не упустил свой шанс.

Говорят, что убить тяжело. Говорят, что первое убийство — это одно из самых тяжелых, шокирующих и травмирующих переживаний, с которыми может столкнуться человек. Что оно навсегда делит жизнь на «до» и «после». Что после него ты уже никогда не будешь таким, как прежде. Что впервые лишив жизни другого человека, ты убиваешь вместе с ним частицу себя.

Даниил ничего подобного не почувствовал. Может быть, мешал захлестывавший его сознание адреналин. Или наоборот, то, что отправляясь за Нёнмином, он заранее знал, что придется убивать, и успел к тому подготовиться. Или же воспоминание о том разгроме, что учинили эти бандиты, об ужасе в глазах десятилетней девочки и о тихой безнадежности красавицы Лю.

А может быть, все проще. Может быть, под налетом цивилизации, под наносными принципами простого студента, будущего врача, верного друга и надежного помощника всегда скрывался человек, готовый убивать.

Бандит с кистенем рухнул на пол, сиюсь обеими руками удержать выпадающие кишки, а Дан уже развивал успех, нанося новый удар. Его следующий противник был вооружен топориком на короткой ручке, — скорее всего, не боевым, а плотницким. Защищаться от меча таким оружием сложно, а сократить дистанцию и перейти в наступление Дан ему не позволил, непрестанно нанося удары и выжимая максимум из преимущества в силе и скорости. Четыре взмаха — и с тихим чавканьем клинок вонзился в плоть.

Всего пара секунд ушла на то, чтобы вырвать клинок из груди поверженного противника, но этого хватило, чтобы откуда-то слева прилетел удар по голове стальной дубинкой-мечеломом, какие стояли на вооружении городской стражи. Обычный человек наверняка уже утратил бы боеспособность, но тело заклинателя оказалось крепче. Хотя голова раскололась от боли, Даниил обернулся к бандиту и кровожадно улыбнулся.

— Это и вправду принц! — воскликнул кто-то.

Ведь от удара шляпа, скрывавшая его лицо, упала на землю бесформенной грудой соломы, и теперь все желающие могли увидеть наглядное подтверждение словам Вона.

Впрочем, дожидаться, как они поступят в связи с этим, Дан не стал. Пользуясь

замешательством врага, он нанес резкий колющий удар мечом в живот.

И хоть и попытался тот защититься дубинкой, но тело Лиминя оказалось быстрее.

К тому моменту вооруженные слуги дворца Чиньжу одерживали убедительную победу, а после раскрытия его личности боевой дух бандитов рухнул окончательно. Кто-то уже попытался смыться через черный ход, но звон металла и крики умирающих дали понять оставшимся, что Ли и Пин тоже не дремлют.

Так и не вступивший в бой Нёнмин затравленно оглянулся. Было в нем что-то от дикого зверя, обложенного со всех сторон охотничьими псами. Вот только не был этот зверь тем грозным тигром, каким себя видел.

Дан понятия не имел, бывает ли такое, чтобы с собаками охотились на хряка, но именно хряка главарь разбойников напоминал сейчас больше всего.

В одной руке Нёнмин держал изогнутый меч, украшенный позолотой. В другую так и вцепилась испуганная подавальщица.

И именно её он решил использовать как свою защиту.

— Не подходите! — закричал главарь, закрываясь заложницей и приставляя меч к её горлу.

— Не подходите, или я убью её!

И на что он рассчитывал? Неужели живя в этом мире, не понимал, насколько мало для заклинателя значит жизнь простолюдинки? Или просто это был жест отчаяния, понимание, что ничего более надежного он сделать все равно не может?

Для Дана, впрочем, жизнь простолюдинки значила многое. Но ему и не требовалось подходить. Он просто направил остатки энергии в личный талисман.

Закричал Нёнмин от адской боли, когда влага в его глазах превратилась в вино. Выпустив меч и заложницу, он обеими руками схватился за лицо, отшатываясь назад.

И в тот же момент евнухи перешли в наступление.

Минуту спустя толстяк был скручен и поставлен на колени перед Даном. Слепленный заклинанием, бандит даже не видел, что его истративший едва накопленные крохи энергии противник был бледен и едва держался на ногах.

— Пощады! — закричал поверженный главарь, которого уже никто не будет звать гордым именем Сангун, — Пощады, благородный принц!

— Интересно, — задумчиво протянул Дан, — Кто-то из тех, кого избил твои головорезы, просил пощады? И как ты поступал в таких случаях? Или, может, ты отпустил бы ту девочку, что хотел взять в рабство, если бы она попросила пощады?

— Господин! — взвыл Нёнмин, — Все, что вы знаете обо мне, неправда! Меня оклеветали! Враги! Завистники! Я никому ничего плохого не делал!

Почему-то от этой картины Даниил чувствовал ужасную гадливость. Не ненависть, не гнев, а именно гадливость. Будто по его руке ползал таракан.

— Ваше Высочество, умоляю, — явно понимая, что его словам не верят, главарь решил сменить тактику, — Пощадите меня, и обещаю, я буду преданно служить вам! Я клянусь! Сделайте меня евнухом, если хотите, только пощадите мою жизнь!

— Принимать на службу такого, как ты? — фыркнул Дан, — Это не только глупо, это еще и плевок в лицо каждому из тех, кто служит мне сейчас.

— Я отдам все золото! — выдал решающий аргумент Нёнмин, — Все свои богатства! Только пощадите!

Подходя к нему, Дан чуть улыбался. Но нехорошая это была улыбка.

К этому человеку он не испытывал милосердия.

— Полагаю, ты отдашь мне кое-что, что в моем нынешнем положении гораздо нужнее.

Сказав это, заклинатель протянул руку, и евнух Вон вложил в неё волнистый ритуальный нож.

Явившись во дворец Чиньжу, Дан официально разрешил своим вооруженным слугам отметить победу в главной трапезной. Самому ему, как считалось, присоединиться к ним не пристало, — да и, как он сильно подозревал, присутствие начальства способно испортить любой праздник.

Так что Даниил вернулся в свои покои. Какая-то часть его досадовала, как будто нашептывая, что он заслужил присоединиться к общему веселью, но почему-то эта досада воспринималась как-то фоново. Может быть, из-за поглощенной им жизненной энергии главаря бандитов: она будто плясала в его ядре, не позволяя впасть в уныние.

А может быть, он просто в кои-то веки был собой доволен.

Служанка Лю явилась по первому звонку колокольчика. Она явно старалась вести себя деловито, но в карих глазах плескалась безумная надежда.

Ведь она знала, зачем покинул дворец ее господин.

— Присядь.

Дан кивнул на место рядом с собой. Сейчас он сидел не за столиком, и ничего их не разделяло.

И казалось ему, что даже на относительном расстоянии он может почувствовать тепло её тела.

— Все закончилось, — сказал Даниил, когда девушка уселась, — Вся банда уничтожена. Долги твоего брата списаны. Твоей сестре ничего не угрожает, отец скоро поправится, и даже лавка его не разорится. Я обо всем позаботился.

Глаза девушки, казалось, засветились от облегчения — и безумного восторга.

— Спасибо! Спасибо, молодой господин!

Она попыталась поклониться в пол, но уже ожидавший этого Дан удержал её за плечи.

— Не нужно кланяться, — хрипло сказал он.

Хрипло, потому что прикосновение снова с новой силой разожгло в нем желания, к которым он, казалось, успел привыкнуть.

— Я благодарна вам, господин, — заверила Лю, — И я...

— И ты не ожидала, что я сделаю это, — закончил за неё Дан, — Выслушай меня, пожалуйста. Ты не смогла обратиться в стражу, потому что служишь мне. Но служба не должна только забирать. Пока ты со мной, я буду заботиться о тебе и нести перед тобой ответственность. Ты понимаешь меня?

Лю задумалась, а затем пару раз быстро кивнула.

— Хорошо, — улыбнулся Дан, — Тогда я надеюсь, что если когда-нибудь тебе снова потребуется моя помощь, ты не будешь ничего скрывать, а расскажешь все прямо и без утайки.

Девушка снова кивнула, и Дан почувствовал, как её тело расслабляется в его объятиях.

А еще он вдруг почувствовал, что те доводы, что он приводил себе с самого своего появления в этом мире, уже практически не имеют силы. Что слова самому себе о том, как следует ему поступать, попытки подавлять себя — нелепы и глупы. Что никому не нужны эти попытки, кроме шаблонов родного мира.

«В конце концов, имею я право и на свои желанья?» — мелькнула в голове на удивление осознанная мысль.

Его ладони скользнули по плечам Лю, мягко поглаживая, лаская. Склонившись к ней, Дан с наслаждением вдохнул аромат её цветочных духов — и приправленный им ни с чем несравнимый аромат женской кожи. Аромат, сводивший с ума.

— Если ты сейчас отвернешься, я не разгневаюсь на тебя, — тихо прошептал он.

В ответ служанка чуть улыбнулась и прикрыла глаза.

Её губы были необычайно нежными, мягкими и податливыми, и казалось, от одного прикосновения к ним кружилась голова. Не открывая глаз, Лю отвечала на поцелуй, — и чувствуя это, Дан вовсе забыл о своих сомнениях. Как и тогда, перед боем, он почувствовал, как пламя разгорается внутри него.

Только теперь это было пламя желанья.

Оторвавшись от губ девушки, он уже не сдерживаясь стал целовать ее чуть ниже ушка, — а затем спустился к изящной девичьей шейке. Его руки будто сами собой обвили ее спину, заключая в крепкие объятия.

— Иди ко мне, — прошептал он.

Вслепую нащупав узел её пояса, Дан распахнул полы платья, торопясь добраться до сокрытых под ним тайн. Казалось, жар ее тела сейчас сведет его с ума.

Лю негромко застонала, когда Даниил стал целовать ее ключицы. Тихо сползло на пол платье служанки, обнажая хрупкие девичьи плечи. Он ласкал её, и она откликалась на ласку.

Как он надеялся, искренне.

Под платьем обнаружили короткие штаны, не особенно отличавшиеся от мужских, а также бинты, стягивавшие грудь. Чтобы размотать их, пришлось ненадолго отстраниться, и девушка воспользовалась этим, чтобы развязать его пояс и распахнуть куртку. Ласково провела она ладонью по его торсу, и почему-то подумалось Дану, что без подобных прикосновений его прежняя жизнь была пугающе пустой.

Когда же бинты упали на пол, он не сдержал вздоха восхищения. Грудь служанки была небольших размеров, но до того прекрасной, до того мягкой, до того нежной, что накрыв её ладонью, первые секунды Дан просто наслаждался ощущением прикосновения. Он чувствовал, как часто бьется её сердце, и почему-то подумалось, что прикасаясь к нему, она чувствует то же самое.

Высвобожденная из плена тугих бинтов, девичья грудь откликалась на ласку легко и охотно. Дан гладил её и массировал, целовал и смаковал, и вкус её тела все больше распял его мужское естество. Запрокинув голову, Лю уже стонала в голос; её тонкие руки скользили по его спине с кажущейся хаотичностью.

Казалось, Дан сам не уловил момента, когда уложил служанку на свою постель. Лишь отметил этот факт, когда сквозь сладостный дурман проникла мысль, что нужно ненадолго от нее оторваться, чтобы избавиться от последней преграды — смешных не то штанов, не то шорт, заменявших в этом мире нижнее белье. Чувствуя его желание, Лю чуть развела ноги, раскрывая ему самое потаенное место своего тела.

Те секунды, что ушли у него, чтобы избавиться от собственных штанов, казались вечностью, — вечностью, отделявшей его от того, чтобы раствориться в удовольствиях, что обещало её тело. В сладкой нежности и жаркой страсти, в ласке поцелуев и почти болезненном наслаждении, в столах экстаза и нелепости тех слов, которыми он тихим шепотом благодарил свою первую женщину.

В то самое время, когда гость из другого мира постигал новые для себя аспекты жизни, во дворец Яньву явился высокопоставленный гость. Редко случалось нынче такое, чтобы принцы навещали друг друга на чужой территории: в преддверие назначения наследника каждый слишком сильно опасался подвоха от двух других. Однако на этот раз Сяолун решился на подобный шаг, хоть и знал, что в случае открытой схватки первому принцу он не соперник.

— Приветствую старшего брата, — церемонно поклонился второй принц.

— Оставь формальности, — махнул рукой Веймин, — И проходи внутрь, не изображай просителя.

В отличие от младших братьев, волосы старшего были практически полностью серебряными, — следствие особенного пристрастия к некоторым из практик клана Шэнь. А вот красноватый оттенок темных глаз, также характерный для заклинателей их рода, едва угадывался.

Что до Сяолуна, то у него и вовсе обе черты были проявлены едва заметно. Злые языки рассказывали, что это от того, что в нем меньше проявлена кровь предков Шэнь, но к тем, кто говорил подобное, этот незлобивый в целом человек был безжалостен. Другие объясняли это знаменитой осторожностью второго принца, и на эту версию он ничего не возражал.

— Рассказывай, — сказал Веймин, когда они оба расселись в его покоях, и служанка налила вино в их бокалы, — Зачем ты пришел.

— Дорогой старший брат полагает, что я не мог просто решить навестить его? — осведомился Сяолун.

Ответ первого принца был лаконичен:

— Да.

Оба, как по команде, усмехнулись шутке, известной обоим и неизвестной никому другому, после чего второй принц пригубил вино и начал:

— Ты слышал о том, что учудил сегодня младший брат?

— Об этом я никак не мог не услышать, — покачал головой Веймин, — Учитывая, что Лиминь специально отправил человека сообщить мне об этом.

Сяолун сделал вид, что очень удивлен:

— Серьезно?.. — переспросил он, — Что он сказал?

— Что Сангун — это его дело, — ответил первый принц, — Не знаю уж, с чего его заинтересовал простой бандит.

— Ты понимаешь, что это вызов? — спросил Сяолун, против обыкновения эмоционально, — Вызов тебе, вторжение на твою территорию?

Веймин пожал плечами:

— Мы с Лиминем уже сражались однажды. Мы оба знаем, кто из нас сильнее, и хоть моя стихия и уязвима перед его, это не компенсирует разницы в мастерстве и боевом опыте.

— А известно ли тебе, — продолжил второй принц, — Что младший брат не просто убил Сангуна? Прямо в таверне, на территории, патрулируемой твоими стражниками, он провел ритуальное убийство и поглотил духовные силы жертвы.

Лицо старшего презрительно скривилось:

— Сколько духовных сил в простолоудине? Да еще и столь дрянном?

Сяолун кивнул:

— Поэтому я и полагаю, что Сангун был лишь первой жертвой. Младший брат объявил

тебе войну и теперь копит силы. Ему потребуется их много; а много сил — это много жертв.

— Тебе что-то известно? — прямо спросил первый принц, никогда не любивший виляний и хождений вокруг да около.

Зато второй их просто обожал.

— Мне известно больше, чем ты можешь себе представить, дорогой старший брат. И если я прав, то очень скоро ты получишь подтверждение моим словам.

Разумеется, второй принц не рассчитывал, что первый поверит ему сходу.

Сейчас достаточно было посеять зерна подозрений.

На следующее утро пробуждение вышло особенно приятным. Служанка Лю, вчера так и заснувшая в его объятиях, позаботилась об этом.

Как раз в тот краткий период между выходом из царства снов и окончательным пробуждением, когда весь мир вокруг кажется неясным и немного нереальным, Дан почувствовал, как шаловливый язычок девушки касается самых чувствительных мест его тела. Её губы невесомо порхали, лаская, дразня, распаяя — и ублажая. Сладкая истома разливалась по его телу от каждого ее прикосновения, и сказать ей остановиться было решительно невозможно.

Не успевшая проснуться совесть что-то сонно пробормотала про то, что принуждать подневольную девушку делать минет — это неправильно и мерзко, после чего перевернулась на другой бок и нагло захрапела.

Тем более что Лю вовсе не казалась принуждаемой. Напротив, в каждом прикосновении её губ ощущалась невероятная чувственность, страсть, с которой она принимала его. И даже если это было лишь игрой, притворством, — в эту игру хотелось поверить.

И Дан поверил. Прикрыв глаза, он окончательно расслабился и закайфовал, растворяясь в приятных ощущениях и бесстыже наслаждаясь старательной лаской юной красавицы. Сейчас ему было хорошо, как, пожалуй, никогда прежде. Хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Он не выдержал и застонал от наслаждения. Чувствуя его отклик, Лю стала действовать активнее. Её язычок выписывал прихотливые узоры, все больше распаяя его.

— Я скоро...

Что именно «скоро», Дан не сказал. Может быть, потому что от подкативших болезненно-сладких ощущений у него перехватило дыхание. А может, потому что те примитивные и пошлые слова, что только и существовали в привычной речи для подобного, разрушили бы атмосферу чувственности и страсти, что наполняла покои этим прекрасным утром.

Он не сказал, но она поняла и так. И не отстранилась. С видом искренней страсти, искреннего желания она принимала его семя. Впервые в жизни Дан почувствовал, что кто-то может желать сделать приятное ему.

И потому чуть приподнявшись, он страстно, горячо поцеловал её в губы. Безмолвно благодаря её за все то удовольствие, что она ему доставила, — и так же безмолвно давая понять, что для него в этом было нечто большее, чем просто услуга служанки господину.

Даже если это «нечто большее» и было ложью.

— Ты прекрасна, — прошептал он, когда поцелуй прервался.

Он очень боялся, что услышит в ответ что-то вроде «служу Вашему Высочеству». Подобные слова разрушили бы все волшебство этого утра.

Но Лю этого не сказала. Лишь молча потерлась щекой о его плечо.

И как он только мог при первой встрече счесть трех служанок дворца Чиньжу похожими между собой? Сейчас он смотрел на красавицу Лю и видел каждую мелочь, каждую деталь, отличавшую ее от других. Он видел, что ее прямые длинные волосы не только мягкие, как шелк, но и чуть светлее, чем у Линь и Хао. Он видел, что её правый глаз чуть косит, — но странное дело, для него это не было недостатком, а лишь добавляло

изюминки. Он видел, что оттенок ее губ поразительно напоминает спелую клубнику, — и как он знал теперь, на вкус они не менее сладкие.

И многое другое он теперь видел, но так ли важно это было сейчас?

Хорошо выспавшаяся совесть ехидно отмечала, что то, что он делал с бедной девушкой этой ночью и утром, в цивилизованном обществе классифицируется как злоупотребление положением и сексуальное домогательство, а кто-то может и без обвиняков назвать это изнасилованием.

— Скажи, — к собственному удивлению подал голос Дан, — Только честно. Ты бы хотела, чтобы эта ночь повторялась в будущем? Не «согласишься, если я прикажу», а именно — хотела бы?

Кажется, Лю этот вопрос удивил не меньше.

— Да, господин, — ответила она, — Конечно.

Ну и что он рассчитывал узнать? Даниил ведь прекрасно знал, что даже в его мире женщины почти никогда не говорят мужчинам честно о том, понравился ли им секс с ними. Простой боязни обидеть и поссориться оказывается достаточно, чтобы побудить их лгать и притворяться. Чего же ожидать от служанки, уверенной, что за недостаточно лестный ответ она может поплатиться своей жизнью и жизнями своей семьи?

Разве что надеяться, что она не такая великая актриса, чтобы ничем не выдать своих истинных чувств. Но ведь и сам Даниил был отнюдь не Кэлом Лайтманом, читающим людей как раскрытую книгу. Да и мог ли он быть уверен в своей объективности?

Ведь слишком свежи были воспоминания о том, что значит — следовать своим желаниям и не оглядываться ни на кого. Познав это однажды, Даниил уже не был уверен, что сможет вернуться к прежней роли «удобного друга».

И не был уверен, что хочет этого.

— Выслушай мой приказ, — медленно заговорил Дан, — Он может быть весьма непривычным и странным, но ты должна исполнить его. Полностью и без обмана.

— Да, молодой господин, — подхватила Лю.

С досадой Дан подумал, что буквально на глазах пропала из ее тела расслабленность прошедшей ночи.

— Первое, — сказал он, — Когда мы наедине, не называй меня молодым господином или тем более вашим высочеством. Обращайся просто по имени. И на «ты». После того, что было ночью, ты для меня не просто служанка.

У девушки отвисла челюсть и округлились глаза. Лицо ее выражало такую крайнюю степень офигения, что Дан невольно улыбнулся.

— Второе, — продолжил он невозмутимо, — Не кланяйся мне, кроме как когда это предписано протоколом официальных мероприятий. Не падай ниц. От раболепных фраз вроде «я заслуживаю смерти» тоже воздерживайся. Нет, не заслуживаешь, и убивать твою семью за какую-то ошибку или непочтительность я тоже не собираюсь. Запомни это крепко. Пока понятно?

— Да, ваше... Лиминь, — девушка покраснела до самых кончиков ушей, как будто сказала что-то невероятно смущающее. И выглядело это до того мило, что Дан почувствовал, что такими темпами рискует не успеть договорить к моменту, когда возбуждение вновь превратит его во влекомое желаниями животное.

— Я постараюсь, — потупила взгляд она.

— Третье, — продолжил Дан, — Если когда-нибудь ты почувствуешь, что делить со

мною тебе неприятно. Или ты не хочешь конкретно того, чего захочу от тебя я. Или просто захочешь, чтобы я оставил тебя в покое. Ты должна будешь сказать мне об этом прямо и открыто. Без лести. Я в свою очередь, если хочешь, дам Клятву Заклинателя, что не стану мстить тебе или наказывать за это.

— Госпо... Лиминь, — служанка слегка запнулась, — Я никогда не потребую от... тебя дать Клятву Заклинателя. Я верю... тебе. Но я не понимаю, почему я должна желать, чтобы ты оставил меня в покое. Ведь ты заботишься обо мне. Ты помог моей семье, спас мою сестру и исцелил моего отца. Этой ночью ты следил за тем, чтобы мне тоже было приятно. Ты защищаешь меня, и я чувствую себя в безопасности под твоим покровительством. Разве могу я желать чего-то большего?

— Очень... практичный подход, — не придумал более умного ответа Дан.

«А как же чувства?» — хотел спросить он. Но знали ли вообще в этом мире про романтическую концепцию любви? Да и понимание из его мира, — таким ли правильным оно было? Ведь спроси десять человек, мечтающих о любви, и каждый опишет её по-своему.

Лю, по крайней мере, точно знает, чего хочет. И кто ей может это дать.

— Просто помни, что отказ мне не навредит тебе и не лишит всего этого, — мотнул головой он, — Даже если ты не будешь ублажать меня по ночам, я все равно буду защищать тебя и твою семью.

Она в ответ молча кивнула. Поверила ли она ему? Или нужно все-таки разбираться с Клятвой Заклинателя, даже если вслух она уверяет, что этого не потребуется? Или дать клятву тому, кто этого не хочет, вообще нельзя?

Даниил снова мотнул головой, — и решил, что забираться глубже в дебри этих рассуждений не только не конструктивно, но и ведет к вывиху мозга.

— Так скажи мне, Лю, — сказал он вместо этого, приобнимая девушку за талию, — Ты хочешь, чтобы сейчас мы немного подзадержались с одеванием?..

В ответ служанка улыбнулась — и коротко сказала:

— Да... Лиминь.

«Путь Истины — величайший и сложнейший из всех путей, что проходит заклинатель. Техники этого пути не слишком требовательны к энергии, однако они требуют глубокого понимания себя и потому недоступны новичкам. Честность с собой — величайшая добродетель пути. Кто лжет себе, не вправе требовать честности от мира.

Простонародье полагает, что заклинателя Истины невозможно обмануть; любая ложь открыта ему. Хотя такие техники действительно существуют, они не являются ни распространенными, ни ключевыми. Суть магии Истины — не в том, чтобы определять истину, а в том, чтобы создавать её.

Известнейшим и самым распространенным примером подобной техники является Клятва Заклинателя. Этой техникой в обязательном порядке владеют главы и наследники всех Великих Кланов; важнейшие договора между кланами скрепляются ею. Сущность её заключается в том, что даже если клятва произнесена с намерением обмануть, после исполнения всех положенных обрядов её становится невозможно нарушить. Таким образом, магия обращает ложь в истину.

Возможности магии Истины ограничивают три фундаментальных закона, которые невозможно нарушить никаким образом.

Первый из них — закон Согласия. Никакая техника никакого пути не может вмешаться

в разум и душу того, кто не дал на это прямого согласия. Это не вопрос духовных сил или ранга заклинателя: последний крестьянин подвержен этому закону настолько же, как сам Нефритовый Император.

Второй — закон Слова. Истиной становится сказанное, а не услышанное и уж тем более не понятое. Нарушить дух клятвы можно, лишь не нарушив слово.

Третий закон — закон Цепей. Чем больше клятв связывает человека одновременно, тем меньше он владеет своей судьбой и тем больше его судьба находится в руках Неба. Так было с несчастным Хоу Бингвеном, который...»

Даниил поморщился и быстро проглядел текст легенды, изобиловавшей невероятными совпадениями, трагическими случайностями и запутанными родственными связями и оттого напоминавшей какой-то мексиканский сериал. Если вкратце, то Хоу Бингвен был великим заклинателем Огня, ввязавшимся в кучу дуэлей из-за привычки давать необдуманные клятвы, победившим многих врагов и заслужившим вендетту со стороны клана Лаошу. В ответ Лаошу Ше нанес удар по его супруге и нерожденному ребенку. Бингвен выследил и убил Ше, но тут оказалось, что тот был бастардом его матери, и связанный клятвой никому не прощать зла, причиненного его семье, Бингвен бросился на меч. Хеппи-энд. История, может, и была любопытна сама по себе, но очень плохо раскрывала, как на практике проявлялся третий закон. Если первые два были четкими и понятными и даже навели его на интересную мысль, возможно ведущую к следующему кусочку головоломки, то третий был как будто намеренно описан максимально туманно и невнятно. Как будто цель неведомого заклинателя, формулировавшего законы, была в том, чтобы любыми способами подвести их под магическое число «три».

Дан устало повел плечами, досадуя на невозможность откинуться на спинку: сложно сделать это, сидя на полу. В тот же момент ему на плечи легли нежные руки Лю, умело массируя затекшие мышцы. Раздражение быстро спало, сменившись приятной расслабленностью.

И подумалось ему, что едва ли эта девушка сама понимает, насколько ее присутствие и безмолвная поддержка помогали ему сохранять силы и не терять энтузиазма в попытках освоиться в своей новой жизни.

Не удержавшись, Дан повернул голову и слегка поцеловал тонкое запястье служанки. Даже если она лишь исполняла свой долг, он был ей за это благодарен.

Время от времени девушка рассеянно прикасалась к своей груди: более свободные ощущения были ей непривычны. Все дело в том, что когда она одевалась, Дан поймал себя на том, что ему почти физически больно смотреть, как это нежное тело стягивают тугие бинты. И после некоторых расспросов о специфике женского белья в этом мире он приказал подготовить первый подарок для новоявленной фаворитки.

Тугие и неудобные бинты были в этом мире дешевым и распространенным вариантом белья для женщины-простолоудинки. Однако Дан счел, что раз уж он принц, его любовница может позволить себе хотя бы под форменным платьем одеваться дороже, красивее и удобнее. Пофантазировав немного на тему того, как выглядела бы Лю в кружевном бюстгалтере, юноша вынужден был с сожалением признать, что не сможет объяснить задумку служанке Линь, занимавшейся шитьем и вышиванием во дворце Чиньчжу. Пришлось ограничиться тем, что обычно носят под одеждой заклинательницы и богатые дамы — чем-то вроде фартука из шелкового полотна на завязках.

Да и помимо того, узнав о таком ценном умении служанки Линь, Дан поспешил дать

несколько поручений уже для своей пользы. В частности, на внутренней стороне его нижних штанов (как выяснилось, называемых сяку) теперь красовался потайной кармашек с парой полезных мелочей на случай неприятностей.

В том, что рано или поздно неприятности возникнут, он не сомневался.

Изучение магии пока практически не давало результатов. Удерживать необходимую концентрацию для сколько-нибудь осмысленной работы с водой было тяжело, а магия Истины и вовсе отличалась специфичностью и запутанными описаниями, из-за которых немало времени уходило уже на то, чтобы понять назначение очередной техники. Чуть лучше давались немагические науки — экономика, политика, история. Они в целом мало отличались от привычных, а по экономике необходимость начинать с азов даже не вызывала подозрений: принц Лиминь интересовался ею преступно мало для того, кто претендовал на статус наследного принца.

Но главной его целью были поиски информации о своей теории. К сожалению, пролистав книгу по магии Истины, он так и не нашел ответа на тот вопрос, что возник у него при чтении трех законов.

Который мог прекрасно объяснить, почему Лиминь оставил на него такую жизнь.

Отложив книгу, Дан как раз думал, что из оставшихся дел приоритетнее, когда ответ пришел сам собой.

Через тонкие стены местных дворцов громогласный оклик был слышен прямо с улицы: — Третий принц Шэнь Лиминь! Выйди и получи королевский приказ!

Даниил искоса глянул на Лю, пытаясь прочесть ее реакцию и понять, насколько такая ситуация типична. Типичной она не была: служанку известие явно изрядно удивило. Но и обеспокоенной она не выглядела.

То ли в королевском приказе самом по себе не было ничего страшного, то ли она просто настолько верила в своего молодого господина.

Поднявшись, позволив служанке аккуратно поправить на нем одежду и подхватив на всякий случай меч, Дан вышел на улицу. Треть бумажных талисманов на стенах дворца угрожающе мерцали голубоватым светом, свидетельствуя о наличии на территории посторонних.

Все эти талисманы, как он теперь знал, сделал лично Лиминь, вложив в них некоторое количество своей энергии. Каждый из них представлял собой просто лист бумаги с каллиграфически написанными на нем ключевыми словами заклинаний: как понял Дан из книг Лиминя, местная письменность, непохожая ни на буквы, ни на иероглифы, пошла от движений, выполняемых заклинателями, поэтому каллиграфия была эффективным способом создавать слабые, но долговременные чары. Пока что, однако, кроме личного талисмана единственными заготовленными принцем талисманами, которые ему удалось найти, была защитная система дворца.

Делилась она на три части: три вида талисманов, чередующиеся на стенах. Талисманы первого вида светились сейчас: их назначение состояло в том, чтобы сигнализировать о появлении незваных гостей на территории. При этом если бы хозяин дворца не узнал вскоре об этих гостях, к свечению добавился бы звук горна или даже телепатический посыл. Как именно заклинание определяло, знает он о них или нет, Дан не понял.

Талисманы второго вида защищали дворец от духов и демонов. Через стену, помеченную таким талисманом, нельзя было пройти ни в бестелесной форме, ни в стихийной, какую могли принимать могущественные заклинатели. Нельзя было и

телепортироваться, и даже перелететь с помощью соответствующих заклинаний. Однако демон все еще мог проникнуть через защиту, спрятавшись в зачарованном предмете или одержимом человеке.

Наконец, третий вид талисманов служил, чтобы рассеивать заклинания посторонних. Единственным, кто мог без помех колдовать на территории дворца, был его хозяин; по этой причине принцы почти не навещали друг друга, опасаясь, что в случае открытого конфликта на чужой территории окажутся беззащитными. По желанию создатель талисмана мог подавить его действие — или напротив, заставить реагировать на уже сотворенные заклинания. К сожалению, недостатком их была одноразовость: если первым двум талисманам хватало энергии на какое-то время работы, то рассеивающий уничтожался сразу же, как только срабатывал, независимо от того, насколько мощным был его эффект.

По этой причине Дан склонен был считать, что пока он не научится создавать талисманы самостоятельно, нападений на дворец лучше не допускать.

Источник шума обнаружился прямо перед воротами дворца. Первым, что увидел Дан, была здоровенная, раза в три больше, чем у него, карета, обитая синим расписным шелком. Странно, но никакой лошади или даже более экзотического тяглового животного поблизости не было.

Зато были пять человек, выстроившихся бок о бок, будто готовые плечом к плечу встречать нападения из ворот дворца. Четверо из них явно принадлежали к числу вооруженных слуг, как и евнухи Чиньжу; хотя их одеяния насыщенно-пурпурного цвета выглядели гораздо дороже и роскошнее, а головы венчали массивные круглые шапки. А вот пятый...

При одном лишь взгляде на него Дан ощутил безотчетный страх, все его инстинкты завопили об опасности. В первый раз в жизни он видел перед собой по-настоящему опытного и могущественного заклинателя — и каким-то шестым чувством понял это сразу же.

Сравнивать этого человека с Фен Сюин было все равно что сравнивать матерого тигра-людоеда с ласковой сибирской кошечкой.

Сам по себе гость был высоким и жилистым мужчиной лет сорока-пятидесяти на вид. Тронутые сединой темные волосы до лопаток были распущены, но каким-то образом совершенно не мешали своему обладателю. Будто даже у волос был инстинкт самосохранения, призывающий к покорности и послушанию.

Одет мужчина был в черный кафтан без украшений. Пышные усы и небольшая бородка смотрелись бы немного нелепо на чьем-то другом лице, но взгляд темных глаз отбивал всякое желание смеяться. Это был холодный, безразличный взгляд человека, который знает, что может убить тебя в любой момент, — и знает, что если понадобится, он сделает это без малейших сомнений.

Даниил подумал, что даже если этот человек пришел огласить приказ за что-нибудь наградить его, с таким взглядом это все равно будет звучать как приказ о казни.

— Принц Шэнь Лиминь, — голос звучал торжественно, да и поклон был выполнен с подобающим изяществом, но на лице застыла печать высокомерной скуки, — Его Величество повелевает вам немедленно явиться во дворец и предстать перед его троном.

«Тебя папа ищет, вспоминай, где накосячил», — мысленно перевел Дан.

Пока вроде не вспоминалось. Ничего, что не было бы позволено принцу, он вроде бы не делал. Или изменения его поступков оказалось достаточно, чтобы король даже без личного

общения заподозрил, что в теле сына скрывается совсем другой человек? На всякий случай нужно быть осторожнее.

Но, разумеется, о том, чтобы открыто нарушить приказ, не могло быть и речи.

— Благодарю за извещение, — склонил голову юноша, — Я немедленно подготовлюсь к визиту во дворец.

«Вали отсюда и дай мне обсудить ситуацию хотя бы с евнухом Воном», — мысленно добавил он.

Гость, однако, покачал головой:

— Его Величество велел мне доставить вас немедленно. Прошу вас сесть в карету, Ваше Высочество.

Теперь ситуация стала еще больше походить на арест, но Дан постарался сохранить хотя бы внешнюю невозмутимость.

— Его Величество не велел вам сказать, в чем причина подобной спешки? — осведомился он.

Мужчина в черном покачал головой:

— Мне этого неизвестно. Садитесь в карету, принц.

«Зовут-то тебя как?» — хотел было спросить Дан... но удержался.

Хотя ему было интересно, кто может позволить себе общаться в приказной форме с членами королевской семьи, но что-то подсказывало, что сейчас любое неосторожное слово может быть фатальным.

— Служанка Лю, — Дан обернулся к девушке и улыбнулся ей на прощание. Странно, но ее волнение за него смотрелось искренним.

— Сообщи евнуху Вону, что я отбыл во дворец по королевскому приказу. Передай, пусть к моему возвращению составит список доходов дворца Чиньжу посезонно за последние полгода, с указанием источников.

Надо же было разобраться, чем он вообще зарабатывает, на какие средства содержится дворец, прислуга и обеспечивается подобающая роскошь. Если это, конечно, не только отцовские деньги.

Провожаемый изучающим взглядом человека в черном, Даниил сел в карету. Тот в свою очередь сел напротив, и Дан подумал, что под этим взглядом рискует вообще не доехать до места... Когда карета вдруг оторвалась от земли.

Юноша не удержался и выглянул в окно. Да, все правильно, воображение не играло с ним злых шуток. Карета, присланная королем, — летала!

В первый момент чисто рефлекторно Дан прислушался к шумам снаружи, будто надеялся услышать звук лопастей вертолета или турбин самолета. Будто сейчас должно было оказаться, что под видом средневековой китайской кареты ему прислали вполне привычную современную технику.

Затем, спохватившись, он сосредоточился на токах энергий. Чувствовать их удавалось все лучше, а здесь они и вовсе были настолько мощными, что что-то ощутил бы и обычный человек. Энергия, вложенная в создание кареты, просто подавляла. У заклинателя такого уровня, каким был Лиминь, на создание подобной конструкции ушло бы не менее пяти лет каждодневной работы. И это при условии знания методики, что тоже нетривиально: при всей своей неопытности Дан сразу понял, что заклятья, поднимавшие в воздух диковинный транспорт, были гораздо сложнее всего, что он видел доселе.

Забыв на секунду о том, что Лиминь наверняка был в этой карете не в первый раз, Дан

чуть поерзал, смещая центр тяжести и прислушиваясь к амортизации. Пока что таким образом изучить механизм полета ему было проще, чем разбираться в энергетической структуре. По всему входило, что то неведомое нечто (центр антигравитации? Магическое ядро?), которое поднимало карету в воздух, располагалось в четырех точках по углам.

В результате она держалась весьма устойчиво. Но если бы Дан сейчас задействовал бумажный талисман рассеивания чар, чтобы разрушить энергетическую структуру в одном из углов, тот начал бы провисать под действием гравитации. А если бы у него нашлось два талисмана, карета опрокинулась бы набок.

С высоты каретного полета яркие разноцветные крыши Внутреннего Города производили потрясное впечатление. Для Дана подобные картины были в новинку: в родном мире у него никогда не было ни денег, ни здоровья, чтобы летать отдыхать в дальние страны или развлекаться вертолетными прогулками. И сообразив, какое впечатление он производит сейчас, юноша поспешил отвернуться от окна.

Для него полеты были в новинку, но Лиминь наверняка к ним привык.

Лиминь вообще много к чему привык, что ему в родном мире было недоступно.

Десять минут спустя Дан входил во дворец, украдкой оглядываясь. Против ожиданий, здесь не было такой уж бросающейся в глаза роскоши. Деревянные стены, не особенно отличающиеся от тех, что он видел в Чиньчжу и Чен-Мэй-Ву. Коридоры, пожалуй, несколько просторнее, а потолки заметно выше, но при этом ни картин, ни иных украшений. Полы устилал ковер темно-коричневого оттенка. А еще тут почему-то было очень мало света.

На эту особенность королевских резиденций Дан обратил внимание еще в Чен-Мэй-Ву, но здесь она прямо-таки бросалась в глаза. Из-за закрытых ставен яркий дневной свет практически не проникал во дворец, как будто король хотел, чтобы здесь царил вечный полумрак. Против воли юноша ассоциативно подумал, что не просто так уникальной чертой клана Шэнь называли глаза оттенков красного.

Хотя вроде бы, он и не горел на солнце...

Тот же полумрак царил и в тронном зале. Зал этот был просторным и величественным помещением, отделанным черным деревом. Шелковые полотнища на стенах были украшены вычурной росписью, в которой Дан без особого удивления узнал уже знакомые легенды о появлении магии и образовании королевства. Вот тигр с чисто кошачьим азартом гоняет маленьких-маленьких людей, вот хрупкая женщина с луной на голове рыдает и роняет семь слез, вот два человека с мечами швыряются друг в друга огнем и водой, а вот и китайский змееподобный дракон выступает перед тронном гигантского, в два раза больше остальных персонажей картины, императора...

Трон короля обладал собственной крышей, как и в Чен-Мэй-Ву, и его обитателя от входа было толком даже не видно в её тени. Под взглядами собравшихся людей в роскошных шелковых одеяниях Дан двинулся вперед, по дороге прочитав надпись на табличке над тронном:

«Над страхом земным,
Над велением Неба
Лишь власть Короля»

Скромненько так. Большинство королей в земной истории все-таки претендовали бы максимум на то, что они короли ПО велению Неба. Да и судя по легендам, короли Шэнь все-таки претендовали на мандат от Нефритового Императора.

Впрочем, сейчас было не до того, чтобы размышлять об этом. Не доходя нескольких

шагов до ступеней трона, Дан склонился в пояском поклоне:

— Ваше Величество. Я пришел немедленно, как вы и пожелали.

Он не был уверен, относится ли требование называть короля только таким образом к принцам, но решил, что лучше уж прослыть глупым льстецом, чем принять смерть от тысячи порезов. Хотя какой-то ехидной части его было безумно интересно, каким образом Его Величество разрешал бы юридическую коллизию с необходимостью уничтожить три поколения семьи собственного сына, — то есть, в числе прочих и себя самого...

— Поднимись, сын мой, — милостиво разрешил король, и Дан, воспользовавшись случаем, смог наконец-то его рассмотреть.

Что тут сказать, плохо выглядел король. Очень плохо. Почему-то глядя на свое отражение в зеркале, на красавицу Сюин, на человека в черном, да и прочитав немало о том, как освоение заклинаний влияет на тело, юноша ожидал увидеть перед собой подтянутого длинноволосого красавца эльфийского типажа...

Наверное, таким король и был. Лет эдак пятьдесят назад. Сейчас на троне восседал хоть и высокий, но сгорбленный, скрюченный и болезненно худой старик в пышном, расшитом драгоценными камнями желтом халате. Дряблая кожа напоминала пергамент, и почему-то Дан подумал, что если бы не заполнявший дворец полумрак, всякий увидел бы её нездорово-желтый цвет. Лицо правителя напоминало череп, а свисающая губа наводила на мысли о пережитом инсульте. Странный головной убор, напоминавший шапочку выпускника со свисающими с неё бусами в шесть рядов, не мог скрыть, что от его волос остались лишь несколько белых клочьев, а стоило королю шевельнуть рукой, как стало заметно и что рука у него дрожит.

На этом фоне насыщенно-алые глаза казались какими-то неуместно яркими. Они как будто слегка светились.

И взгляд в них вызывал страх.

— Ты можешь не бояться так, — отметил король, явно без труда прочитав его реакцию, — Разве подобает победителю разбойников дрожать, пусть даже перед королем?

Он засмеялся хриплым, каркающим смехом. «Легкие надо бы послушать», — мелькнула неуместная мысль в голове несостоявшегося медика.

— Право же, победа над простыми людьми — не то, что я могу назвать свидетельством своей отваги, — скромно ответил Дан.

Сочтя, что эта тема достаточно безобидна, чтобы задержаться на ней подольше.

— Когда это мой третий сын стал настолько скромн? — король лукаво улыбнулся, но Дан четко почувствовал, что у его вопроса есть двойное дно, — С каких пор Шэнь Лиминь отказывается от заслуженных почестей за одержанную победу?

Даниил пожал плечами с демонстративным безразличием:

— Победа над слабым противником в ряду побед над сильными подобна гнилому яблоку среди нормальных. Гниль от неё распространяется и на нормальные. Поэтому я не горжусь победой над Нёнмином. Он был обычным человеком, а я — заклинатель. И не самый слабый в этой стране.

Вообще, он подозревал, что сейчас был как раз самым слабым, может быть кроме совсем уж начинающих учеников. Но признаться в этом... В том серпентарии, который, судя по историческим книгам, во всех поколениях представляла собой королевская семья, это было все равно что повесить на грудь табличку «убейте меня кто-нибудь». Не исключено, что в этом мире даже специально для такого случая изобрели бы премию Дарвина.

— В таком случае, зачем одерживать победу, которой не сможешь гордиться? — слегка растерялся король.

Похоже, заклинатели Шэнь мерили все гордостью и престижем. Почему-то этот простой и в общем-то уже известный факт вызвал у Дана глухое раздражение.

Как будто гордость принца стоила дороже, чем безнадежность служанки Лю и ужас ее маленькой сестры.

— Для меня это не был вопрос победы, — ответил он, — И я не считаю это своей победой. Я сделал то, чему должно было быть сделанным. Вот и все.

Король приподнял бровь, ничего не говоря. По его мимике Дан понял, что он желает объяснений, но считает ниже своего достоинства просить о них.

И он объяснил:

— Этот человек угрожал моим людям. Прощать подобного я не собираюсь ни ему, ни кому-либо еще.

Бросив мимолетный взгляд на украшавшие тронный зал картины, юноша вдруг почувствовал прилив вдохновения для небольшой речи, чего никогда не замечал за собой прежде.

— Я много размышлял, отец. Над тем, как устроено наше общество. Я читал и расспрашивал, смотрел и слушал. Долгие годы я сидел во дворце Чиньжу, не обращая внимания на мир вокруг и принимая как должное службу евнуха Вона, служанки Лю и остальных. Я считал, что это было их обязанностью, ведь я принц, а они слуги.

— И это действительно их обязанность, — подметил король. В алых глазах зажглась искорка интереса.

— Да, но разве только у них есть обязанности? — с жаром возразил Дан, — Разве только они несут ответственность? Я принимаю их службу, но что я даю им взамен? Сейчас простонародье полностью беспомощно. Они неспособны позаботиться о себе сами. А те, кто мог бы заботиться о них, кто мог бы защитить их, — сидят в своих дворцах и знать не знают, что происходит за их пределами. Разве такова обязанность заклинателя? Разве...

Он демонстративно кивнул на картину.

— Разве этого хотели предки Шэнь? Разве за тем нам дана наша сила, чтобы использовать её лишь ради собственной выгоды? Или все-таки кому больше дано, с того больше и спрашивается? В легендах говорится, что люди шли на службу к заклинателям ради защиты и безопасности, так разве не предательством будет для заклинателя отворачиваться от их бед?

С запозданием он понял, что в запале забыл про собственное суждение и назвал собеседника «отцом». Но то ли принцу позволялись определенные послабления, то ли Его Величество счел подобное нарушение не заслуживающим того, чтобы прерывать увлекательную беседу.

— Твои слова звучат мудро, — задумчиво заметил король, — Но что конкретно ты собираешься делать?

Дан промедлил с ответом.

— Если Небу и вам будет угодно избрать меня наследным принцем, — осторожно заговорил он, — Я постараюсь взять на себя ответственность за всю страну и реформировать её, чтобы дать простонародью безопасность и безусловное право на защиту жизни и достоинства. Но пока я просто один из принцев, все, что я могу сделать — это позаботиться о людях, что служат мне. И потому я заявляю открыто и прямо, в присутствии свидетелей:

каждый, кто причинит вред слугам дворца Чиньжу, их семьям или близким, будет иметь дело лично со мной. Независимо от статуса, будь он простой бандит, заклинатель, демон или Светлый Небожитель, я не прощу его.

«Правда, большинство из них размажут меня и не заметят», — мысленно добавил он. Но озвучивать, естественно, не стал.

Как ни смешно, он говорил правду. И если бы вместо Нёнмина обидчиком Лю был кто-то поопаснее, он бы все равно не сдал назад и постарался найти способ что-то сделать.

По крайней мере, Дан надеялся, что ему бы хватило на это отваги.

Король же, выслушав его речь, широко улыбнулся.

— Если бы каждый из моих сыновей столь глубоко понимал суть правления! — во всеуслышание объявил он.

Дан постарался не выдать внешне, как его перекосило от лицемерия этих слов. Да, Ваше Величество, можно подумать, вы в первый раз за шестьдесят семь лет правления слышите, что у короля, оказывается, есть ответственность перед подданными. Только почему-то за эти шестьдесят семь лет вы и пальцем о палец не ударили, чтобы изменить веками сложившийся порядок, при котором заклинателю позволено все, а простолюдин бесправен; чтобы хотя бы приструнить бандитов, что творят свои дела прямо в столице, пользуясь тем, кто принцы и члены кланов сидят в своих дворцах и не волнуются ни о чем за их пределами.

И ведь что самое интересное, в период собственной борьбы за титул наследного принца тогда еще не король Шэнь Юшенг вместе с юным Лунь Танзином из клана Лунь строили амбициозный проект реформирования городской стражи. Однако по забыванию предвыборных обещаний короли Шэнь могли дать сто очков вперед даже привычному демократическому строю.

От мысли, что собравшиеся придворные сейчас видят в нем очередного популиста, который забудет свои громкие слова на следующий день после коронации, Дану вдруг стало противно.

А между тем, король продолжал:

— Ты вырос, сын мой. Очень вырос. Ты стал мудр и силен; вода, которой ты был, обратилась в несокрушимый Твердый Лед.

В первый момент последняя фраза показалась Дану довольно странной. Но уже секунды спустя он вспомнил, что читал в книге о пути Воды, что практики, связанные со льдом, делились на Хрупкий Лед, который легко разбить, и Твердый Лед, по прочности сравнимый с металлом.

Заклинатели настолько привыкли к своей магии, что без раздумий вворачивали её в метафоры.

— Когда-то я сказал, что ты ленив, нерасторопен, не принимаешь участия в государственных делах и все внимание уделяешь разврату и удовольствиям. Я урезал твою свиту, чтобы преподать тебе урок. И я вижу, что этот урок пошел тебе на пользу. Поэтому в знак признания твоего развития я позволяю тебе набрать в свою свиту еще до двадцати человек. Любого пола.

— Милость ваша безгранична, Ваше Величество, — поклонился Дан.

«Считай, что дело именно в твоём уроке, ЧСВ такое ЧСВ», — мысленно добавил он.

— Продолжай в том же духе, и она будет еще больше, — ответил король, — Я хочу, чтобы человек, которого я назову своим наследником, был совершенен во всем. Пока что ни один из вас к этому не приблизился. Но вчера ты сделал серьезный шаг к этому.

— Благодарю... отец.

Даниил не нашелся, что сказать еще. Но показалось ему, что с каждым словом короля вокруг его шеи свивается невидимая петля.

Выскачок никто не любит. Особенно когда их хвалят в твоём присутствии.

— Можешь идти, — отпустил, наконец, король гостя.

Хотя взглядом будущего врача Дан заметил, что тот не столько считал разговор оконченным, сколько почувствовал недомогание — и не желал, чтобы кто-нибудь это заметил, чтобы люди получили лишнее подтверждение, что король стар и болен.

Поэтому юноша счел за благо промолчать. Исключительно из разумной осторожности.

— Танзин, сопроводи третьего принца, — махнул рукой король.

— Да, Ваше Величество, — церемонно поклонился мужчина в черном.

Значит, это и был Лунь Танзин из клана Лунь, бывший преданным союзником нынешнего короля при его вступлении на престол. Что ж, логично было ожидать, что король до сих пор держит его при себе, но честно говоря, глядя на этого немолодого, но подтянутого мужчину, Дан никогда бы не предположил, что ему уже почти восемьдесят пять.

Неплохо сохранился старик.

— Позвольте задать вам один вопрос, Ваше Высочество? — нейтральным голосом спросил он по дороге к карете.

— Как я могу отказать вам, заклинатель Лунь, — в тон ему ответил Дан.

Не мог он заставить себя называть дядей этого человека со взглядом и движениями профессионального убийцы.

— Вам известно что-нибудь о смерти вашей матери? — осведомился Танзин.

Хорошенький вопрос, нечего сказать. Ну, и что прикажете на него ответить?

Ну, кроме правды.

— Мне сказали, что она умерла от истощения духовного ядра, — ответил Даниил, — Это неправда?

«И не связано ли это с бегством Лиминя?» — мысленно добавил он, — «Или я уже просто фиксируюсь на этой теме и все, что происходит, насильно прикручиваю к ней?»

— Это правда, — ответил Танзин, — Но возможно, что это не вся правда.

«Иными словами, вы намекаете, что её убили», — перевел Дан.

Вслух, однако, сказал другое:

— Вы говорите загадками, заклинатель Лунь.

— Некоторым тайнам лучше оставаться тайнами, — задумчиво ответил тот, — В любом случае, я допустил ошибку, задавая этот вопрос. Прошу меня простить.

К тому времени они уже подошли к все той же летающей карете. Лететь в Чиньджу Танзин, по-видимому, не собирался, так что наступало время прощаться. Не сказать чтобы Даниил был очень сильно этим огорчен.

— Но почему вы решили, что я могу знать о её смерти что-то, что неизвестно вам? — решился спросить он напоследок.

Старый заклинатель оглядел его внимательным, изучающим взглядом и коротко ответил:

— Украшения в ваших волосах.

Как будто это объясняло все.

Хотя Шэнь Веймин не присутствовал во дворце, когда младшему брату дали аудиенцию у короля, среди придворных было достаточно его людей, чтобы о произошедшем он узнал во всех подробностях. И услышанное ему не нравилось.

Перечитав послание и запомнив его наизусть, первый принц какое-то время барабанил пальцами по столешнице.

Лиминь все-таки перешел к активным действиям. После того, как отец урезал ему свиту, третьего принца мало кто считал вероятным кандидатом в наследники. В общем-то, никто не сомневался, что сейчас Веймин был единственным фаворитом: со своим врожденным недугом Сяолун в принципе не мог достичь того совершенства, что требовал от них отец, а Лиминь — не желал вкладывать в это время и силы. Да и вряд ли беспутный братец смог бы отказаться от своего гарема на полстолицы, чтобы заводить наследников только от женщины, прошедшей Отбор.

По всему выходило, что именно он, Веймин, станет наследным принцем. Возможно, в этом поколении удастся даже избежать кровопролития, каковое на протяжении всей истории сопровождало назначение наследника. Если была такая возможность, то Веймин с радостью отдал бы половину своих духовных сил ради этого.

Ведь он любил своих братьев.

И все-таки Лиминь решил бороться. Сперва брошенный вызов, претензия на то, что старший брат не в силах обеспечить порядок в столице. Теперь эта речь перед отцом.

И самое главное — то, что отец оказался ею впечатлен. Теперь младший брат имел право частично восстановить свиту. В иной ситуации Веймин лишь порадовался бы за него. Но не сейчас. Сейчас слишком хорошо этот ход ложился в одну линию с ритуальным убийством для накопления духовных сил.

А значит, Сяолун был прав.

Лиминь готовился к войне.

И если первый принц не хотел довести ситуацию до той стадии, когда обойтись малой кровью уже не удастся, то амбиции третьего нужно было пресечь быстро и бескомпромиссно.

Ради его же блага.

Второй принц прибыл едва ли не быстрее, чем посланец от первого мог успеть добраться до дворца Хуаджу. Явно ожидал и был наготове, паразит. То, что Сяолун всегда узнавал любые новости раньше и чем старший брат, и чем младший, никогда не было ни для кого секретом. Как и то, что он был богаче остальных, имел свиту заметно больше официальной и полезные знакомства подчас в самых неожиданных кругах.

Стремительным шагом войдя в покои старшего брата, Шэнь Сяолун почти с порога спросил:

— Ну что? Я был прав?

На его лице на секунду мелькнула довольная улыбка. Одной из немногих вещей, способных заставить второго принца утратить обычную маску хладнокровия, была ситуация, когда кто-то из его братьев вынужден был признать свою неправоту.

Это доставляло ему ни с чем несравнимое наслаждение.

— Да, — спокойно ответил Веймин, — Ты был прав. Присаживайся.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Первого принца столь детские выражения превосходства не интересовали даже в юности. Пожалуй, с того момента, как впервые вступил в настоящий бой во время мятежа клана Фен, он уяснил для себя простую истину.

Единственное в жизни, что определяет, кто ты есть, это тот вызов, который ты можешь встретить. Слова — лишь ветер, и глупо тратить на них больше сил, чем они заслуживают.

Так что пусть второй принц радуется своей «победе». Это не отменит того, что вступить в магический поединок он не рискнет ни с Веймином, ни даже с Лимином.

А не вступая в бой, наследным принцем не стать.

— Я так понимаю, у тебя есть план, как остановить младшего брата, — перешел к делу старший, — Поэтому ты и говорил мне о его подготовке. Что от меня требуется?

— Пока что только твое согласие, — ответил Сяолун, на глазах возвращая себе невозмутимый вид, — Ты должен будешь ждать моего сигнала, когда потребуется вступить в бой. До тех пор действовать будут другие люди. Не беспокойся, они надежны, и кое-с кем ты даже уже знаком.

Веймин бросил на него подозрительный взгляд, прекрасно понимая, что второй принц желает скрыть личности исполнителей.

— Надеюсь, ты не опустишься до братоубийства? — прямо спросил он, — Я хочу осадить Лимию, но я не хочу убивать его.

— Ну что ты, какое убийство! — сдержанно улыбнулся Сяолун, — Мне тоже претит проливать родную кровь. К тому же я ведь понимаю, что в этом случае ты будешь знать о моей вине и сможешь использовать ее против меня. Нет, с Лимию будет достаточно хорошего унижения. Когда мой план исполнится, уже никто не воспримет всерьез его претензии на престол, пусть он хоть всю столицу возьмет к себе в свиту. Даже бродячие заклинатели будут смеяться над ним и смотреть свысока.

Он говорил с абсолютной убежденностью и подкупающей искренностью. И за доброжелательной улыбкой успешно пряталась откровенная ложь.

Глава 7. Кинжал

Никогда в своей жизни Даниилу Беронину не приходилось заниматься кадровой работой, и обилие тонких нюансов сперва повергло его в легкую протрацию.

Как ни странно, то, что принц королевства Шэнь не имел возможности пользоваться Интернетом, мешало не так уж сильно: все обязанности по связи с соискателями все равно брал на себя верный евнух Вон. Да и желающих служить во дворце принца хватало всегда: среди простонародья это считалось, пожалуй, самым престижным вариантом карьеры и самой лучшей жизнью, какую только можно пожелать.

Если и не для самого слуги, то по крайней мере для его семьи, которая обычно хвалилась на каждом углу карьерой сына или дочери.

Гораздо сложнее было разобраться, кто именно нужнее всего дворцу. Причем вдвойне и даже втройне сложнее, если учесть, что Дан все еще притворялся Лиминем и должен был учитывать и его позицию, логику и привычки, чтобы не вызвать ненужных подозрений.

Зная репутацию Лиминя, юноша подозревал, что тот не задумываясь превратил бы расширение своей свиты в создание гарема на двадцать девушек. Может быть, среди них и нашлись бы те, кто отличаются какими-нибудь полезными умениями, как кулинария у служанки Хао или вышивание у служанки Линь, но ключевым фактором все равно стала бы внешняя красота.

Не сказать чтобы мысль о двадцати знойных красавицах, готовых исполнить любое его желание, Дана совсем не привлекала; однако он все же рассчитывал ориентироваться в первую очередь на то, чтобы дворец Чиньжу мог выстоять в ожесточенных боях с дворцами Хуаджу и Яньву. И в то же время — должен был хоть отчасти поддерживать репутацию.

Первым успехом в попытке совместить одно с другим стали близняшки Мэй и Жу. Отцом их был достаточно известный мечник Чанмин, служивший когда-то в вооруженных слугах клана Фен, но оставивший службу как раз накануне мятежа. Не имея сыновей, он обучил дочерей своему мастерству, и теперь Дан охотно принял их на роль своих личных телохранительниц. В каждый момент времени одна из них либо сопровождала его, либо охраняла двери его покоев. Формально обе девушки значились дворцовыми служанками, но оружие носили вполне открыто.

И если бы кто-то и решился высказаться о том, как меч сочетается с форменным розовым платицем, то подавился бы репликой, едва поймав ледяной взгляд светло-серых глаз.

Другим ценным приобретением стала молодая красавица Ликин, которую посоветовал евнух Пак, которому в свою очередь посоветовал ее кто-то из знакомых по воровской юности. Ликин была певичкой, — что в местном обществе было культурным эвфемизмом для проститутки. Однако не эти ее умения заинтересовали Дана: в узких кругах она славилась умением незаметно направлять разговор в нужную ей сторону и собирать информацию, которую в дальнейшем можно было выгодно продать. Именно поэтому Дан «смотрел сквозь пальцы» на ее уходы из дворца, которые происходили по его непосредственному приказу и во время которых она собирала слухи, сплетни и другие сведения.

Но настоящим джекпотом была молодая шаманка по имени Панчён. По местной классификации она считалась бродячей заклинательницей первого ранга, но будучи всего

лишь деревенской колдуньей, не получила организованного обучения, и её реальные умения и возможности были исчезающе малы. Основной её арсенал составляли ритуалы и обряды, ориентированные больше на впечатление публики, чем на реальный эффект. Благословения, проклятья, гадания, они могли с равным успехом иметь реальную силу или работать лишь за счет эффекта плацебо. Даже заклинатели могли быть уверены лишь насчет простейших трюков мелкого управления стихиями, понадерганных из разных путей. Однозначно магические возможности шаманки ограничивались умениями вроде «зажечь свечу», «заморозить воду» или «заставить кости упасть нужной стороной».

Даниилу же даже простейшие трюки были остро необходимы. Почти сразу после того, как пригласил колдунью во дворец, он заставил её дать Клятву Заклинателя не распространяться о том, что она услышит, — и рассказал ей часть правды. Он сказал, что в результате неосторожности в обращении с высшей магией утратил часть своих магических навыков и теперь хочет восстановить их, пока о его уязвимости не стало известно братьям. Теперь каждый день Дан и Панчён уединялись в его покоях, где она ставила ему телекинез и тренировала в работе со льдом, которая, как оказалось, слыла более простым и менее требовательным к концентрации проявлением пути Воды, чем собственно вода или туман. Панчён не была сильным магом, но она была хоть каким-то наставником помимо книг Лиминя.

Прочие же несомненно думали именно то, что можно было подумать, когда известный развратник снова и снова приглашает юную девушку в свою спальню. Дан не препятствовал такой трактовке, напротив, он намеренно несколько раз публично высоко отозвался о красоте рыжеволосой колдуньи. О том, что он к ней даже не притрагивался, знали только сами Дан и Панчён... и служанка Лю.

Почему-то он хотел, чтобы она это знала.

На этом пополнение «гарема» пришлось пока приостановить. Следующим важным человеком в будущей свите, по мнению Дана, должен был стать толковый врач, но здесь его ожидал облом.

— Простите, молодой господин, — склонил голову евнух Вон, — Никто и никогда не стал бы обучать женщину мастерству медицины. Всем известно, что женщины по природе своей неспособны к высоким наукам.

Даниил немедленно вспомнил множество женщин-врачей своего мира. Затем таких выдающихся исторических лиц, как Герти Кори и Вирджиния Апгар. Затем обратил внимание на обобщенное упоминание высоких наук и первым делом подумал про Марию Кюри.

Но от саркастической улыбки героически воздержался.

— Тем не менее, — сказал он вместо этого, — Произошедшее на днях заставило меня задуматься о том, что отсутствие собственного врача во дворце Чиньжу — это серьезная уязвимость. Если у тебя нет на примете хорошего врача-евнуха, то возможно, мне придется наступить на горло своим принципам...

Евнух Вон покачал головой:

— Ученые, как правило, не подвергаются осклоплению. Но если Ваше Высочество прикажет...

— Не прикажу, — покачал головой Дан, содрогнувшись от идеи доверить свою жизнь человеку, которого сам же приказал кастрировать.

— Лучше давай понадемся, что наш лекарь оправдает возложенное на него доверие и

будет заниматься делом, а не приставать к служанкам. Итак, кого ты можешь рекомендовать? Когда со мной случилось... то, что случилось, вы позвали почтеннейшего Хо. У него самая лучшая репутация в столице?

Вон снова покачал головой:

— Самым лучшим лекарем в Тянконджичене сльвет почтеннейший Джиан из владений Цзао. Но мы сочли невозможным обратиться к нему, поскольку почтеннейший Джиан тесно сотрудничает с дворцом Хуаджу и вполне может воспользоваться ситуацией, чтобы отравить Ваше Высочество. Почтеннейший Хо ненамного уступает ему в мастерстве, однако сохраняет политический нейтралитет и не участвует в подобного рода сомнительных делах.

Даниил задумчиво кивнул:

— Как ты полагаешь, он захочет нарушить свой нейтралитет, если я предложу ему службу во дворце?..

— Полагаю, любой уважающий себя лекарь будет счастлив служить принцу и будущему наследнику, — отчеканил евнух.

Дан в ответ лишь вздохнул. Как же не хватало ему хоть кого-нибудь, кто давал бы честную обратную связь! Кто не боялся бы открыто указывать на ошибки и недочеты в его идеях. Но где таких взять, когда вокруг лишь бесправные слуги, постоянно чувствующие, что могут умереть за неосторожное слово? А с заклинателями связываться опасно: любой из них может быть завязан в политике, любой может заподозрить неладное в его поведении и любой может использовать полученную информацию против него.

— Собери сейчас служанку Мэй, служанку Ликин и пару евнухов на свое усмотрение, — сказал Дан, — Думаю, будет лучше, если мы навестим почтеннейшего Хо на его территории.

«Территория» почтенного Хо располагалась во Внутреннем городе. Трехэтажный дом со стенами темно-красного оттенка и небольшим садиком, может, и не дотягивал до дворцов принцев и поместий в клановых землях, но со скромным жилищем почтенного Энлея контрастировал разительно.

Входная дверь была украшена шестнадцатью бумажными фонарями. Сперва Дан подумал было, что это характерная декорация для Внутреннего города, но быстро оглядевшись, понял, что у других домов таких фонарей нет. Кажется, фонари отмечали конкретно дом лекаря.

Впрочем, это было неважно. Повинуясь его сигналу, служанка Мэй, атлетичного телосложения женщина с тугой черной косой и непроницаемым узким лицом, чеканным шагом подошла к двери и взявшись за дверной молоток, три раз постучала.

Ответа не было.

Оглянувшись на Даниила, Мэй осторожно толкнула дверь.

Та оказалась не заперта.

— Осторожнее, — сказал Дан, — Это может быть ловушка.

Никогда не отличавшаяся многословностью, воительница кивнула и поудобнее перехватив меч, первой двинулась внутрь. Евнухи выстроились полукругом позади господина, прикрывая его с трех сторон. Ликин замешкалась, не зная, как вести себя в такой ситуации, и Дан поспешил задвинуть ее за спину.

— Держись позади, — приказал он, — Под защитой евнухов.

— Да, молодой господин, — почти пропела девушка.

Ясные голубые глаза смотрели с такой трогательной беспомощностью, что Дану пришлось напоминать себе, что в этом взгляде немногим больше настоящего, чем в её не встречающемся у азиаток соломенном цвете волос.

Следом за отважной воительницей Даниил вошел в здание. Несколько секунд ушло на то, чтобы глаза привыкли к полумраку после дневного света.

А тем временем Мэй указала мечом на трудноопознаваемые обломки дерева и металла на полу.

— Кто-то срезал замок, — лаконично сообщила она, — Аккуратно и почти ювелирно.

— Тут кто-то был, — согласился юноша, — И возможно, он все еще здесь.

Он обнажил меч, и секундой позже его примеру последовали слуги. В другой руке он зажал личный талисман: трюк с превращением влаги в глазах, уже опробованный на Нёнмине, все еще давался быстрее и надежнее, чем даже простейшие магические атаки.

Пока, однако, все было тихо. Осторожным шагом, сохраняя формацию, маленький отряд прошел вглубь помещения. Поднялся по дальней лестнице в спальню почтенного врача. И тогда...

Оглушительный визг служанки Ликин прозвучал в тишине, как сирена воздушной тревоги. Дан почувствовал, как бывшая певичка испуганно хватается за его одежду.

Чтобы тут же получить несильный, но ощутимый удар ножами по руке от служанки Мэй.

— Заткнись, идиотка!

В первый раз за их недолгое знакомство суровая воительница повысила голос и вообще сказала что-то, выходящее за рамки делового обмена информацией.

Хотя с другой стороны, что может быть более деловым, чем попытка удержать товарищей от впадения в панику?

Визг оборвался, будто выключили звук: каким-то образом командный голос воительницы проник сквозь ужас человека, впервые столкнувшегося с кровавым убийством.

— Аккуратно, — поднял руку Дан, — Не натопчите. Тут еще работать криминалистам, или кто там у стражи вместо них.

Почтенный Хо лежал в своей постели, раскинув руки, будто распятый. Остекленевшие глаза его были открыты и бессмысленно смотрели в потолок. На белых простынях отчетливо виднелись обильные следы крови: много её было, очень много. Непосвященный решил бы, что на простыни вылилось литров десять, не меньше, хотя Дан скорее оценил бы потерю где-то литра в два или два с половиной.

То, что спасти врача уже поздно, было понятно сразу же. Судя по обширным трупным пятнам, смерть наступила не менее двенадцати часов назад, но учитывая отсутствие выраженного запаха гниения — и не больше суток. Наиболее вероятно первая половина ночи, по местному времяисчислению — час Крысы, Быка или начало часа Тигра. Но может быть и раньше, если в помещении было достаточно холодно.

Причина смерти тоже была видна невооруженным взглядом. Живот почтенного Хо был расплосован так, будто какой-то псих решил, что врачу-мужчине срочно требуется кесарево. Вообще-то, как понял Дан, присмотревшись поближе, убийца нанес всего один колющий удар чуть ниже пупка, — но при этом действовал оружием, не предназначенным для точечных уколов и оставляющим обширные следы в разрезаемых мышцах.

Такое оружие он сам совсем недавно держал в руках.

— Это сделал заклинатель, — с уверенностью заявил Даниил, — Это было ритуальное убийство. Кто-то разрезал его духовное ядро и поглотил жизненную энергию.

Свита подавленно молчала. Все понимали то, что никто не решался произнести вслух.

Что после громкого убийства Нёнмина большинство людей подумают, что и это убийство тоже совершил принц Лиминь. Что он будет и дальше убивать ради силы.

— Евнух Вон, — вновь подал голос юноша, — Если почтенный Хо все-таки проболтался, что по-твоему стал бы делать тот, кто узнал у него?..

Он не стал озвучивать, что именно «узнал». Вон знал это и так, а всем остальным знать совершенно необязательно. Особенно Ликин.

— Первым делом он постарался бы вас проверить, — заметил евнух, — Устроить нападение или иную ситуацию, в которой можно было бы оценить ваши возможности. Иначе оставался бы шанс того, что вы подкупили почтенного Хо, чтобы он дезинформировал ваших врагов.

— Однако ничего такого не случилось, — задумчиво заметил Дан, — Или же я просто этого не понял...

«Скажи уж прямо: так засмотрелся на сиськи, что тебе напрочь отрубил критическое мышление», — ехидно заметил он сам себе.

— Необходимо выяснить, появлялся ли в последнее время в городе кто-то из заклинателей клана Фен.

Он обращался к евноху Вону и совсем не ожидал, что вперед того ответит служанка Ликин:

— Появлялся, молодой господин. Несколько дней тому назад юная Фен Сюин, наследница клана Фен, прибыла в столицу как одна из кандидатов на будущий Отбор невесты наследного принца. Она остановилась в поместье клана на западной оконечности Внутреннего города.

Кусочек пазла со щелчком занял свое место.

— И я узнаю об этом только сейчас?!

Вопрос был риторический. В общем-то, Даниил понимал, что сам виноват. Сосредоточившись на угрозе со стороны старших принцев, он упустил вопрос кланов, отложив его «до лучших времен». Да и не сделал он толком ничего, чтобы держать руку на пульсе событий, происходящих в Тьянконджичене.

Нужно было думать. И думать быстро, пока события не приняли скверный оборот. Клан Фен несомненно вел какую-то свою игру, и для того, чтобы придумать к их интригам хоть какие-то контрмеры, информации категорически не хватало.

— Сейчас уходим отсюда, — сказал он несколько секунд спустя, — Эта ситуация — готовый повод для провокаций, поэтому нам не стоит тут светиться. Но в городскую стражу необходимо сообщить.

Даниил понятия не имел, как ему подобает вести себя со стражниками, подчиняющимися Шэнь Веймину, и предпочитал избежать общения с ними. Конечно, арестовать принца за убийство простолоудина они не могут в принципе: даже если его признают виновным, он будет в своем праве. Однако шумиха испортит ему репутацию и подставит под удар, чего допускать нельзя.

Вариант «открыто взять на себя вину, чтобы спутать карты противнику» Дан рассмотрел, но оставил на крайний случай.

— Евнух Юн, — сказал Даниил уже на ходу, — Сейчас найдите кого-нибудь из уличных

мальчишек. Дайте ему пару монет и скажите идти к городским стражникам и сообщить им, что в доме лекаря Хо произошло убийство. Также пусть передаст совет от анонимного доброжелателя проверить алиби Фен Сюин на период между часом Обезьяны и часом Кролика.

На всякий случай он взял рамки времени немного шире, чем предполагал. Все-таки книжные знания не заменят до конца практического опыта, а работать экспертом-криминалистом студенту-медику в своем мире как-то не доводилось.

— Что проверить? — нахмурился евнух. Слова «алиби» он, видимо, не знал.

— Могла ли она находиться в это время на месте убийства, или же есть основания для точной уверенности, что в тот момент она находилась в другом месте... Впрочем, нет, лучше я сейчас напишу письмо, и пусть он передаст его. Так будет надежнее.

Нужно было соблюсти грань: не быть связанным с этим делом официально, но и не создать впечатление, что он пытается скрыть свое участие. Посыл должен был быть в духе «это твое дело, и я не претендую на твою славу, но если что, я готов оказать посильную помощь».

По крайней мере, Дан надеялся, что получится именно так.

— Служанка Ликин, — продолжил он, принимая поданные евнухом бумагу и графитовый стержень, — Сегодня вечером ты выйдешь в город и запустишь пару слухов. Я хочу, чтобы городские сплетницы обсуждали меня и служанку Лю этой ночью. Будут ли они говорить о том, как ей повезло стать любимой наложницей принца или как я мучаю её своим назойливым вниманием, сейчас неважно. Важен сам факт. Можешь, в принципе, даже пустить обе сплетни по разным каналам.

Он знал, что сама Лю своим «избранным» статусом охотно хвасталась, и что служанки дворца Чиньжу, что простые горожанки считали его почетным. У Даниила, привыкшего к тому, что роль любовницы богатого покровителя считается чем-то унижительным для женщины, это вызывало некоторую оторопь. Но по крайней мере, из-за необходимости привлекать к этому внимание совесть его почти не мучила.

А необходимость действительно была. Время, когда по его предположению произошло убийство, он действительно провел в жарких объятиях служанки Лю. Однако он прекрасно понимал, что алиби, подтвержденное только прислугой, это ненадежно; понимал он и что пытаюсь оправдываться, лишь даст лишние козыри в рукаве тем, кто захочет его утопить. Оставалось положиться на местное «сарафанное радио», для которого личная жизнь господ — куда более интересная и животрепещущая тема, чем какое-то там убийство.

И если даже кто-то пустит слух, что этой ночью он проник в дом врача и высосал его жизненную энергию, едва ли этот слух найдет понимание у тех, кто только что обсуждал, завидовать ли служанке Лю, что она была с ним этой ночью, или наоборот.

Дописав письмо, Дан сложил его втрое, протянул евнуху и жестом велел отправляться.

— Остальные — за мной.

Судя по количеству посетителей, дела в лавке почтенного Энлея шли в гору. Хотя свежесросшаяся конечность пока не очень хорошо его слушалась, а юный Куан был еще слишком неопытен, чтобы взять семейное ремесло на себя, старик охотно брал заказы «на будущее», заноса их в большую конторскую книгу. В помещении было не протолкнуться, и как понял Дан, прислушавшись, многих привлекла возможность услышать из первых рук историю о печальном конце разбойника Нёнмина, которого никто больше не назовет

гордым прозвищем «Сангун», и побывать в лавке, которой покровительствовал третий принц.

Главное не думать о том, как похоже это покровительство на банальное крышевание времен «лихих девяностых». Лучше рассматривать это... ну, скажем, как хороший пиар от местной знаменитости.

— Не нужно кланяться, — поспешил сказать Дан, предвидя реакцию на его появление, — Почтеннейший Энлей, давайте отойдем наверх, и я проверю, как заживает ваша рука.

— Благодарю за вашу доброту, Ваше Высочество, — ответил старик, — Моя рука в полном порядке, благодаря вашему искусству. Вам не нужно беспокоиться об этом.

— И все-таки я настаиваю, — заявил юноша, — Любая работа должна быть доведена до конца и до совершенства. Так учат пути заклинателей.

Он понятия не имел, учат ли на самом деле пути заклинателей чему-то такому. Но вряд ли простой ремесленник из Внешнего города знал о них хоть немногим больше него, а звучало уместно.

Разумеется, Энлей не посмел возражать. Осмотр не занял много времени, и по большому счету, служил лишь спокойствию юноши, не доверявшего до конца обретенным магическим силам.

Непривычно было сознавать, что он мог творить вещи, выходящие за рамки возможностей обычного человека. Что он уже — нечто большее, чем просто человек.

Или просто нелюдь?

— Сейчас под каким-нибудь предлогом позовите сюда Куана, — попросил Даниил, — Я хочу поговорить с вашим сыном без сторонних свидетелей.

Он понятия не имел, подходит ли этот мальчишка для той роли, что он ему уготовал, но другой кандидатуры все равно не было. Умение заводить знакомства никогда не было его сильной стороной.

Пару минут спустя юный Куан сидел напротив лже-принца. Он смотрел прямо в глаза, старательно пряча испуг за показной дерзостью. Хотя нет-нет, да и косился он на яркую светловолосую красавицу Ликин, непринужденно сидевшую рядом с хозяином и чуть улыбающуюся.

Самообладания в таких вопросах у него в силу возраста было даже меньше, чем у самого Дана. Да и мог ли хоть кто-то похвастаться хладнокровием в пятнадцать лет?

— У меня не так много времени, поэтому перейду сразу к делу, — начал Даниил, — Я хочу предложить тебе работать на меня.

Мальчишка удивленно поднял брови, и он поспешил уточнить:

— Я не приглашаю тебя присоединиться к моей свите и войти во дворец Чиньчжу. Напротив, мне нужен человек, который не принадлежит к дворцу, но при этом будет мне лоялен. Я могу на тебя рассчитывать?

Куан задумался. Льстить и пафосно заверять в своей беззаветной преданности он не торопился, и эта черта Дану понравилась.

Учитывая положение простолюдина в этом мире, она требовала недюжинной отваги.

Или глупости. Но даже если так, в этой глупости чувствовалось достоинство.

— Это правда, что моя старшая сестра — ваша любимая наложница? — спросил вдруг мальчишка.

Подобный откровенный вопрос Дана изрядно смутил. Ну вот что прикажете на это

ответить? То есть, что ответить, он прекрасно понимал: глупо врать о том, что хорошо известно и легко проверяется; но как прикажете сказать это спокойно и не пряча глаз?

Хорошо еще, такой вопрос не задал её отец, иначе он бы и вовсе сгорел со стыда.

— Это правда, — ответил Дан, надеясь, что не слишком покраснел, — Служанка Лю занимает особенное место и во дворце Чиньчжу, и в моем сердце.

Он сам не мог сказать с уверенностью, насколько точной была последняя фраза, насколько в действительности «особенным» было это место. Но что Лю уже не была для него просто служанкой, — в этом он был полностью убежден.

— Я хочу, чтобы она была счастлива, — склонил голову Куан, — И она, и отец, и мама, и маленькая Ён. Я хочу для них для всех изобилия и долголетия. Чтобы они хорошо жили и ни в чем не нуждались.

Он поднял взгляд и в упор посмотрел на Дана.

— Если вы позаботитесь об этом, Ваше Высочество, я буду преданно служить вам.

Вон аж подскочил. Ладонь его сжалась на рукояти меча, а голос дрожал от гнева:

— Какая дерзость! — воскликнул он, — Как смеешь ты ставить условия...

— Евнух Вон! — окликнул его Даниил, — Все в порядке. Я разрешаю. Если я сочту что-то оскорблением для себя, я отвечу на это сам.

После чего перевел взгляд на собеседника:

— Я тоже хочу этого. И сделаю ради этого все, что в моих силах. Я даю слово. Слово заклинателя и слово мужчины. Ты веришь мне?

Куан серьезно кивнул. И просто спросил:

— Что от меня требуется?

Что ж, вроде, все шло неплохо.

— Мне нужно, чтобы ты отслеживал события, происходящие в городе, — ответил Даниил, — Держал руку на пульсе событий. Слушал, о чем говорят — в трактирах, на базаре, на городских площадях... Где еще обычно собираются большие группы простонародья.

— В общественных банях, — подсказал мальчишка.

— Вижу, у тебя есть понимание, — ответил Дан, — Хорошо. В общем, тебе не нужно за кем-то шпионить или куда-то проникать, просто общайся с людьми и запоминай информацию. Задавай наводящие вопросы, если сможешь делать это непринужденно. Можешь угощать посетителей трактиров спиртным, чтобы у них развязался язык: евнух Вон выделит тебе для этого средства. Можешь даже завербовать, скажем, своих бывших партнеров по азартным играм, чтобы собирали информацию для тебя; но только тех, в ком полностью уверен, что они не предадут тебя.

— Я понял, — задумчиво ответил Куан.

Кажется, он уже даже что-то прикидывал в уме.

— Хорошо. Собранную информацию будешь передавать мне через служанку Ликин, от неё же будешь получать инструкции, на каких вопросах тебе следует сосредоточиться. Не стесняйся обращаться к ней за советами или уроками: в деле добычи информации она гораздо дольше тебя и научит всему необходимому.

Бывшая певичка соблазнительно улыбнулась и отметила:

— Я могу научить... многому.

Куан сглотнул, безуспешно стараясь сохранить невозмутимое лицо.

Даниил чуть усмехнулся:

— Думаю, детали вы сможете обсудить после моего ухода. Сейчас слушай свое первое

задание. Мне нужно как можно больше информации о Фен Сюин. Мне нужно знать, куда и когда она ходила после того, как приехала на Отбор. С кем контактировала, у кого закупалась, чем отметилась, и кто её посещал. Все, что сможешь узнать. К поместью Фен лично не суйся, лучше расспроси тех, кто живет и работает неподалеку. Справишься?

— Справлюсь, — серьезно ответил мальчишка.

— Особое внимание удели событиям вчерашней ночи. Если заклинательница Фен покидала поместье после заката, я должен знать об этом. А также, разумеется, если она посещала дворцы Хуаджу и Яньву.

Куан склонил голову:

— Да, Ваше Высочество. Я все выясню.

— Не рискуй понапрасну, — напомнил напоследок Дан.

Больше всего он опасался, что малолетний герой полезет совершать подвиги, и заклинательница Фен просто убьет его.

По местным меркам пятнадцать лет считались уже вполне взрослым возрастом, но Даниил не мог отделаться от мысли, что отправляет на опасную миссию подростка.

Шэнь Сяолун выслушал донесение, что передал ему на ухо слуга, и уточненное лицо второго принца тронула легкая улыбка.

— Ну что ж, — отметил он, — Дело сдвинулось, и даже быстрее, чем мы предполагали. Мой младший брат обнаружил тело и заинтересовался. Настало время вам сделать свой ход. Вы ведь помните план?

Фен Сюин пригубила сливовое вино и тонко улыбнулась:

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я прекрасно знаю, что мне делать... когда... и как. А что до бродячего заклинателя Миншенга, передайте ему, что я нахожу его стиль работы крайне неэстетичным. Боюсь, что у меня не будет возможности сказать ему об этом лично.

К чести Сяолуна, он сумел скрыть обескураженность.

— Передам непременно, — пообещал он, — Давно вам известно имя исполнителя?

— Матушка вычислила его еще в землях клана, — ответила Сюин, любуясь игрой солнца на гладкой поверхности бокала.

— Вам следовало понимать, что во владениях клана Фен ничего не происходит без нашего ведома.

— В таком случае, мне крайне приятно видеть вас своим союзником, а не врагом, заклинательница Фен, — чуть поклонился принц.

В ответ Сюин лукаво прищурилась:

— Только в таком?

Сяолун намек понял.

— Разумеется, мне и без того было прекрасно известно, что клан Фен не стоит недооценивать. А также не менее естественно, что лицезреть вас необычайно приятно в любом случае.

Заклинательница улыбнулась, довольная комплиментом.

И Сяолун решил закинуть удочку.

— Вы столь прекрасны, заклинательница Фен, и столь величественны, что глядя на вас, я не могу не представлять вас в образе будущей королевы нашей страны.

Кого второй принц представлял в образе короля, он мог не уточнять.

— Вы очень любезны, Ваше Высочество, — потупила глазки девушка.

— Так скажите мне, заклинательница Фен, — продолжил принц, — Были бы вы благодарны, если бы благоволящий вам принц убедил Его Величество выбрать именно вас невестой будущего наследника?

Сюин сделала куда более глупое лицо, чем это соответствовало бы её истинному уму.

— Вы полагаете, что первый принц Веймин разделяет столь лестное для меня мнение, что вы высказали только что?

Улыбка принца слегка поблекла, но он все же смог сохранить доброжелательную интонацию.

— Мой старший брат никогда не был слепцом, заклинательница Фен, а лишь слепец мог бы не видеть вашей красоты. Однако признаюсь, меня немало удивляет, что вы не рассматриваете для себя вариант покровительства с моей стороны.

В ответ наследница клана захлопала глазками:

— Но разве слово наследного принца не значит здесь больше всего, после слова Его Величества? И разве мы с вами вместе сейчас не работаем над возвышением первого принца Веймина?

Сяолун счел за благо отступить.

— Несомненно, — согласился он, — Я не имел в виду, что мое слово будет более значимо, чем слово старшего брата. Я лишь хотел сказать, что даже если это не так, для меня будет удовольствием оказать вам любую посильную помощь.

— Клан Фен будет благодарен вам за вашу милость, Ваше Высочество, — согласилась девушка поскучевшим голосом, — А сейчас прошу меня простить, мне нужно вернуться в поместье и переодеться перед предстоящей встречей.

Однако уже уходя, она обернулась и с совершенно иной интонацией заметила:

— Именно поэтому, мой принц. Именно поэтому.

С обаятельной улыбкой принц Сяолун проводил свою прекрасную гостью. Неспешно вернулся в свои покои.

И с силой запустил тростью в стену, будто копьем.

Сжав зубы, чтобы рвущийся гневный рык не было слышно в коридоре, второй принц смахнул со стола остатки явств и отшвырнул сам стол. Рванул простыню, представляя вместо неё платье этой самоуверенной красотки, смотревшей сверху вниз на него, — на принца!

Гнев, что он сдерживал на людях, вырвался наружу, стоило ему остаться одному. И принц вымещал злобу на всем, что попадалось под руку.

Наконец, выдохнув, Сяолун оперся лбом о прохладное дерево стены. Из глаз катились горячие слезы.

— Вы смеетесь надо мной, — прошептал он, — Вы все смеетесь надо мной. Только потому что я родился бракованным, вы смеетесь надо мной. Но я не выбирал родиться таким...

Нога отчаянно болела. Хоть и не может у заклинателя клана Шэнь болеть рана, нанесенная девять лет назад.

— Я покажу вам, — проговорил второй принц, — Я покажу вам всем. Ты слышишь меня, отец? Скоро, очень скоро я останусь единственным принцем этой страны. И у тебя не останется выбора, кроме как признать меня, бракованного, наследным принцем.

Он улыбнулся. Эта улыбка не имела ничего общего с той, какую видели большинство людей. Злая, жестокая и немного безумная, она не предвещала ничего хорошего.

Обычно тем, кто видел её, жить оставалось совсем недолго.

— Я стану наследным принцем, — повторил он, — А затем и королем. И я послушаю, что ты будешь говорить тогда, заклинательница Фен Сюин.

Что до самой Фен Сюин, то в этот самый момент она вообще не думала о том, что будет ему говорить. Сейчас у неё хватало более важных и более интересных тем для размышления. Интрига, задуманная Шэнь Сяолуном, наконец-то перешла в активную фазу. И теперь ей предстояло сыграть свою роль, — сыграть идеально, как и все, что она делала когда-либо.

Вернувшись в поместье, Сюин с порога подозвала к себе двух личных служанок, которым доверяла последние приготовления. Одной предстояло надеть на неё самый лучший наряд.

Другой — приготовить заранее выбранный яд.

Клан Фен, быть может, и утратил большую часть сильных заклинателей, но его отравители славились во все времена.

Глава 8. Оковы

Выбирая кандидата в дворцовые врачи Чиньжу, Дан подумал, что если бы это была дорама, то один из молодых лекарей непременно оказался бы неубедительно замаскированной девушкой. И если бы третий принц Лиминь был знаком с канонами дорам, то непременно носом бы рыл, но нашел среди кандидатов именно её.

К счастью, третий принц Лиминь не был знаком с канонами дорам, поэтому Дан не вызвал подозрений тем, что остановился на лекаре Бо, серьезном бородатом мужчине средних лет, показавшем при собеседовании наибольший уровень профессионализма и наименьший — средневекового мракобесия. Он даже понимал сущность и важность дезинфекции, что для местного технического уровня было весьма нетипично. Наказав вести себя прилично со служанками, Даниил выделил ему комнату и рабочий кабинет в западном крыле дворца.

Другим служащим-мужчиной стал мастер фейерверков по имени Гуангли. Дан надеялся, что это будет воспринято как причуда эксцентричного принца, занимательная, но бесполезная. Что никто не догадается раньше времени, что такого ценного в фейерверках.

Ведь, как и китайцы его мира, жители королевства Шэнь открыли порох гораздо раньше, чем осознали его истинный потенциал.

Также Дан, чуть подумав, позволил Вону набрать двойной штат вооруженных евнухов. В эту задачу он почти не вмешивался, позволив специалисту работать привычным образом. Но по крайней мере, теперь у стражей была возможность сменяться на постах, так что можно было прекратить прием эликсира Недремлющих, который действительно был очень вреден для нервной системы.

И вот, теперь Дан раздумывал о том, как быть с приглашением ремесленников во дворец, — в особенности кузнеца. В этом мире женщины могли унаследовать ремесло у мужа или отца, но лишь при отсутствии у того сына. Например, гончарную лавку почтенного Энлея после его смерти унаследует Куан, если с ним самим ничего не случится; а Ён будет его помощницей, пока не выйдет замуж и не перейдет в семью мужа. Соответственно, в большинстве случаев тот, кто хочет заполучить под свое крыло лучших специалистов, будет приглашать ремесленников-мужчин. Но было ли это достаточно убедительным аргументом для принца Лиминя? Точнее, даже так: сочтут ли те, кто его знал, что для Лиминя это могло стать достаточным аргументом? Не заподозрят ли, что если он даже наступил на горло собственным привычкам, значит, тут непременно что-то важное, и не начнут ли копать?

Именно над этим раздумывал Даниил, когда в его покои вошла служанка Лю.

— Молодой господин... Лиминь, — поправила она, оглядевшись и убедившись, что они одни.

Называя его по имени, она до сих пор очаровательно краснела. Однако отменять свой приказ он точно не собирался.

Хоть и сильно жалел, что нет повода попросить её называть его настоящим именем.

— У ворот дворца посланник; он просит встречи с тобой.

— Надеюсь, это не заклинатель Лунь? — усмехнулся Дан, вспомнив сурового посланца короля.

Лю иронии не уловила.

— Это не заклинатель, — с уверенностью заявила она, — Это чей-то слуга. Скорее

всего, из тех, кто прибыл вместе со своим хозяином и не живет постоянно в столице.

Посланник оказался худощавым юношей лет шестнадцати, одетым в лиловый халат с золотистым поясом и прямо-таки надувшимся от важности своей миссии.

При виде вышедшего Даниила он, однако, все-таки поклонился:

— Ваше Высочество, молодая госпожа Фен Сюин, наследница клана Фен, передает вам свое глубочайшее почтение и низжайше просит вас о личной встрече.

Говоря это, он протянул обеими руками свиток рисовой бумаги, изящно украшенный серебром. Сделав шаг вперед, Лю приняла его и передала Дану: по местным правилам этикета, заклинателям не полагалось принимать что-либо из рук посторонних.

Ну, по крайней мере, когда была возможность этого не делать.

— Почему несравненная Сюин не явилась лично? — осведомился Дан, не слишком, впрочем, надеясь на осмысленный ответ.

Пока слуга пафосно распинаялся о том, как его молодая госпожа направляет все свои помыслы и устремления на грядущий Отбор, отчаянно желая стать достойной невестой будущему наследному принцу, но несмотря на это, выражает третьему принцу свое несомненное уважение и крайне опечалена тем, что не смогла посетить его дворец, как прежде не смогла испытать его искусство...

В общем, где-то на середине речи Даниил перестал слушать и углубился в чтение послания. Благо, Сюин выражалась куда четче и конкретнее:

«Ваше Высочество третий принц Лиминь. Мне стыдно, что я связываюсь с вами подобным образом, и я готова впоследствии достойно искупить свою вину перед Вашим Высочеством, но сейчас обстоятельства не позволяют мне явиться лично. И все же, я вынуждена просить вас о встрече инкогнито на нейтральной территории. Это касается убийства лекаря Хо, произошедшего предыдущей ночью.

Я полагаю, что вам не хуже меня известны обстоятельства, из-за которых происшедшее должно интересовать вас, и у меня есть информация, которую Ваше Высочество сочтет ценной и полезной, и которую обязана передать вам в знак преданности клана Фен и поддержки вас в будущем назначении наследным принцем.

К сожалению, я не могу передать вам информацию открыто, из страха за свою жизнь, честь и свободу. Не могу я и написать имя убийцы в этом письме, поскольку передающий его слуга может быть перехвачен, и тогда убийца узнает, что я выдала его, и начнет охоту за мной. В чужом городе, под защитой лишь собственных сил и шести вооруженных слуг, я не смогу чувствовать себя в безопасности даже в поместье клана Фен. Все, на что я могу уповать, это ваша милость, ваша благосклонность и ваше покровительство, мой принц.

Посему я милостиво прошу вас встретиться со мной за пределами Тьянконджичена. В трех ли к западу от городской черты, на берегу озера Джиндзи, есть старая пагода, посвященная водяному божеству Хушену. Я буду ждать вас там сегодня, на закате солнца. Прошу вас прийти туда, ведь от этого зависит моя жизнь.

Там, у озера Джиндзи, я расскажу вам все, что мне известно. Но я прошу вас прийти туда переодетым, в одиночку и без свиты; я ручаюсь своей честью и честью клана, что тоже буду одна. Я также прошу вас никому не показывать это письмо.

С наибольшим почтением и надеждой на вашу милость, Фен Сюин, заклинательница шестого ранга»

Ниже подписи красовалась большая алая печать, удостоверявшая, что написавший это имеет право говорить от имени всего клана Фен. Из книг Лиминя Дан уже знал, что пс

мнению местных, клановую печать невозможно подделать. Но почему именно, там не уточнялось.

— Возвращайся к своей госпоже, — сказал он посланнику, — Передай ей, что я получил её сообщение. И возможно, приду. Но не обещаю этого.

Первое, что сделал Даниил, когда слуга клана Фен покинул его дворец, это бессовестно нарушил последнее указание. Благо, к тому моменту к сопровождавшим его служанкам Лю и Жу присоединился евнух Вон. Именно ему Дан протянул письмо:

— Ознакомься и выскажи свое мнение.

После чего обратился к Лю:

— Будь любезна, найди мне служанок Панчён и Ликин и приведи их в мои покои. Мы обговорим ситуацию там, чтобы не было лишних ушей. Служанка Жу, на тебе задача следить, чтобы никто не подслушивал под дверью.

Несколько минут спустя пятерка расселась в покоях принца. Лю устроилась позади Дана, готовая по первому требованию массировать ему плечи. Ликин устроилась по правую руку. Вон и Панчён уселись напротив.

— Ну что ж, а теперь я слушаю, — «открыл заседание» Даниил.

Евнух Вон, все еще державший в руках свиток, заметил сходу:

— Определенно, заклинательница Фен знает о том, что лекарь Хо занимался вашим здоровьем.

— Я скажу даже больше, — хмыкнул Дан, — Она знает, какую информацию он выяснил при этом. Скорее всего, он слил её непосредственно клану Фен. Или по крайней мере, кому-то, кто рассказал им.

Главный слуга чуть кивнул. Он не посмел высказывать свою точку зрения, которую Дан легко прочитал по его лицу.

— Я не считаю, что мне следовало убить его самому, — покачал головой юноша, — Все еще не считаю.

— Склоняюсь перед вашей волей, Ваше Высочество.

— Ты не согласен со мной, — вздохнул Дан, — Впрочем, сейчас это уже неважно. Сделанного не воротишь. Меня другое интересует. Если она знает о моей уязвимости, какова вероятность, что на месте встречи меня будет ждать засада?

Глаза бритоголового евнуха удивленно расширились.

— Она не посмеет! — возопил он.

— Эта уверенность основана на сакральном статусе королевской семьи? — холодно уточнил Даниил, — Или для неё есть более материальные основания?

Порой ему хотелось одно из оставшихся пяти мест в свите выделить человеку, не страдающему от приступов верноподданничества и готовому вслух говорить, что принц дурак и если не сменит курс, ему скоро кирдык.

Хм, завести, что ли, шута?..

— Это письмо заверено печатью клана, — ответил Вон, — Его подлинность не вызовет сомнений, так что если заклинательница Фен нарушит данное в нем слово, то уже не сможет оправдаться. Её репутации настанет конец.

— А что, если засада будет состоять из нее одной? — спросил Дан, — В нашу прошлую встречу она пыталась добиться поединке. И если почтенный Хо рассказал ей все, то она вполне может быть уверена, что одержит верх.

Удивленный взгляд служанки Ликин, единственной из присутствующих ничего не

знавшей о том, что он ограничен в магических возможностях, он проигнорировал.

— Фен Сюин — сильный противник, — отметил евнух Вон, — Однако память о мятеже клана Фен еще свежа, и подозрения в его адрес велики. Нападение на члена королевской семьи бросит тень на его благонадежность.

— Если только она не рассчитывает замести следы... — задумчиво протянул юноша.

— Это тоже возможно. Но скорее я бы рискнул предположить, что она попросит вашей помощи. В письме она намекает, что если вы не явитесь на встречу, использует информацию о ваших делах с лекарем Хо, чтобы заручиться покровительством другой влиятельной силы. Подозреваю, что речь идет о Его Высочестве первом принце.

— Политика кнута и пряника, — хмыкнул Дан, — Точнее, шантажа и флирта.

По всему выходило, что приехать на встречу все-таки придется. Хотя бы послушать, что она скажет.

И чего она хочет, чего до сих пор не предложил ей принц Веймин.

— Служанка Ликин, — снова подал голос юноша, — Возьми это письмо и береги его, как зеницу ока. Если на меня все-таки нападут, твоя задача будет отнести его в королевский дворец и любыми способами убедить Его Величество прислать помощь. Я напишу письмо от себя, свидетельствующее, что ты говоришь от моего имени. Дальнейшее — твоя забота.

— Я не подведу вас, молодой господин, — заверила бывшая певичка.

— Я верю, — ответил Дан, — Теперь об остальном. Я отправлюсь туда на карете, в сопровождении евнуха Цзе и служанки Жу. Остановимся в некотором отдалении, и дальше я пойду один. Если все пройдет удачно, евнух Цзе отвезет нас с заклинательницей Фен обратно во дворец. Но на случай, если что-то пойдет не так...

Он забарабанил пальцами по рукояти меча, раздумывая. Очевидно было, что соваться в возможную засаду без прикрытия — это глупо; но кто мог обеспечить прикрытия в засаде, рассчитанной на заклинателя? Смешно было предполагать, что Панчён справится с Сюин или тем, кому она могла доверить это дело; а простые люди перед сколько-нибудь серьезным заклинателем были совершенно беспомощны.

— Евнух Вон, — сказал он наконец, — Выбери среди своих людей тех, кто наиболее хорош в скрытном перемещении и стрельбе из лука. Возглавишь их лично. Вашей задачей будет следовать за мной в отдалении, не привлекая к себе внимания. Если все пройдет хорошо, то вам не придется ничего делать и даже показываться на глаза Фен Сюин. Но если нет...

Он вздохнул.

— Ты должен будешь тщательно оценить обстановку. Я понимаю, что ты предан мне и готов за меня умереть, но выслушай внимательно, что я скажу, и исполни в точности. Если у вас будут серьезные шансы своим вмешательством переломить ход боя; если противник сделает ставку на простых людей, или его заклинатели будут достаточно беспечны, чтобы их можно было просто пристрелить в спину, тогда вы можете вмешаться. Но если этот шанс будет мал, или если его не будет вообще, вы не должны вмешиваться. Ваша главная цель — сообщить служанке Ликин, чтобы ехала во дворец. Если это будет не убийство, а похищение, и оно удастся, проследите, куда меня повезут. Если же мне удастся сбежать, вам нужно помочь мне оторваться от погони. Все понятно?

Вытянув руки перед собой, главный евнух склонился в глубоком поклоне:

— Но Ваше Высочество... А что, если это будет все-таки убийство? И вам не удастся сбежать? Тогда...

Взмахом руки Даниил оборвал его речь.

— Если ваше вмешательство не сможет переломить ход нападения, какой мне толк с того, что вы умрете вместе со мной? Зато если моих убийц поймают и казнят, я по крайней мере смогу порадоваться в загробном мире.

Против воли он подумал, что в своем мире был лишен даже этого удовольствия. И что Сеня и его дружки небось уже и думать забыли о человеке, которого едва не убили из-за идиотской ревности.

И такой неистовой жаждой крови отозвалась в нем эта мысль, что Дан поспешил сменить тему:

— Впрочем, не стоит раньше времени беспокоиться. Это на всякий случай. Ты сам сказал, что скорее всего, она просто попросит меня о помощи. Однако на всякий случай я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что известно о Фен Сюин. Любая информация, которая может мне помочь. Евнух Вон, начинай ты, если кому-то будет что добавить, скажете следующими.

Главный слуга кивнул, все еще обеспокоенный предстоящим заданием.

— Фен Сюин — наследница своего клана. Она дочь Фен Цзиньхуа, нынешней главы клана Фен, и Цзао Тенгфея, сражавшегося под знаменами Его Величества во время подавления мятежа.

— Во время подавления? — переспросил Даниил.

«Скажите мне, что речь всего лишь о романтической истории местных Ромео и Джульетты», — мысленно взмолился он.

Но кажется, у местных богов сегодня был неприемный день.

— В наказание за мятеж Его Величество приказал истребить всю мужскую половину клана, — отвечивал Вон, — Женская половина была изнасилована заклинателями из числа его сторонников, с целью воспрепятствовать вымиранию клана. Именно таким образом родилась на свет Фен Сюин.

«Король — извращенец», — мысленно вынес вердикт Дан.

Но вслух предпочел сказать более безопасную фразу:

— Эту часть она не упоминала. Она сказала, что родилась после войны, но не о том, что «после» — означает «вследствие». Ладно, не будем застревать на делах давно минувших дней и переходим к более практическим вопросам.

— Фен Сюин — заклинательница шестого ранга, — послушно продолжил евнух, — Она стоит на пути Огня и на данный момент считается вторым по силе заклинателем клана после своей матушки. Несмотря на это, крупных фактических побед у неё нет: в землях клана нет для нее достойных противников, а покидать их ей в прошлом не приходилось. Известно также, что в её личном талисмানে скрывается заклинание Хамелеона, а также что глава клана доверила ей реликвию основателей Фен — Ленты Феникса.

— Что конкретно делает то и другое? — тут же уточнил юноша.

— Простите, молодой господин, но мне неизвестно случаев, когда Лента Феникса применялась бы на практике, поэтому я не знаю, каковы её реальные свойства. Что касается Хамелеона, то это чары иллюзии, позволяющие легко сливаться с обстановкой. Идеальное средство для скрытного перемещения, хоть и не дающее полной невидимости.

Дан кивнул. Стоило покопаться в книгах на предмет ленты, мало ли. Но среди присутствующих, судя по быстрому взгляду, уточнить этот вопрос было некому.

— В целом же заклинательница Фен более известна своей красотой, утонченностью,

талантами к танцу и игре на гуджене. Она слывет милой и хорошо воспитанной, несмотря на горячую кровь предков Цзао. О ней говорят как об одной из фаворитов в грядущем Отборе невесты наследного принца, и многие помогают, что именно таким образом ей суждено вывести свой клан из опалы и вернуть ему былую силу и влияние.

— Будем надеяться, что она не сочтет лучшим свадебным подарком головы других принцев, — усмехнулся Дан, — Ладно, если это все, приступай к подбору страховочной группы. Служанка Ликин, после того как напишу письмо, сразу переоденься для визита во дворец и передай, чтобы тебе оседлали самого быстрого коня в наших конюшнях. Лю, можешь пока быть свободна.

Оставшись наедине с Панчён, он вздохнул. Он чувствовал себя полным идиотом, озвучивая оставшуюся просьбу, что было вполне естественно для рационального человека из научно развитого общества.

С другой стороны, рациональный человек из научно развитого общества и так обычно не учится исцелять раны наложением рук, двигать предметы на расстоянии и превращать воду в осколки льда. Если он решил поверить в очевидную магию, почему бы не поверить и в менее очевидную?

— Погадай мне, — сказал Дан, — На успех этой встречи и возможные проблемы.

— Да, господин, — поклонилась девушка.

Техника гаданий, называемая И-Цзин, не принадлежала ни к какому пути и не имела отношения к стандартным практикам клановых заклинателей. Никто не мог даже толком сказать, насколько она рабочая: в основном такие ритуалы ценило простонародье. Впечатленные простенькими трюками с огнем и водой, люди уверялись в магической силе шаманки и охотно верили, что ее гадания открывают им истинные помыслы Судьбы.

Не сказать чтобы такая схема внушала доверие Даниилу, но сейчас ему могла пригодиться любая помощь.

Принадлежности для проведения ритуала у Панчён были всегда с собой, и Дан так и не знал, какая часть из них действительно необходима, а какая служила лишь мишурой для обмана легковверных.

Первым делом шаманка поставила между ними небольшую бронзовую курильницу, из которой почти сразу повалил сладковатый дым. Дан уже знал, что этот дым имеет легкий наркотический эффект, — но знал он также, что организм заклинателя ему не взять.

Тут нужно что-то более забористое.

— Сосредоточьтесь на своем вопросе, — голос впавшей в транс шаманки звучал на полоктавы ниже, чем обычно.

Глубокий, грудной, размеренный и отстраненный, он почти гипнотизировал.

«Чем закончится для меня встреча с Фен Сюин у озера Джиндзи?» — мысленно спросил Даниил. Вопрос показался ему чересчур абстрактным, но право, ответ ведь тоже не будет конкретным.

Судя по легкому кивку Панчён, вопрос она приняла, даже не слыша его. Развернувшись направо, девушка опустилась на колени и трижды поклонилась стене. В правой руке она держала пучок деревянных прутьев.

Одним легким движением шаманка расстелила на столике полотнище алого шелка.

— Великий Предел рождает Два Начала, — все тем же отстраненным голосом говорила она, — Свет и Тьма. Небо и Земля. Мужчина и Женщина. Они разделены, и они едины.

С этими словами она разделила пучок на две части. Равными они были или нет, Дан не

стал подсчитывать. Даже не глянув на пучок, Панчён взяла оттуда один прут. Её взгляд остановился, слепо смотря на что-то невидимое никому иному.

— Между Небом и Землей свой путь прокладывает Человек. Два Начала сменяются Тремя.

Другой рукой она взяла четыре прута из другого пучка, зажав их между безымянным и средним пальцами.

— Четыре Сезона сменяют друг друга, — вещал отстраненный голос шаманки, — Время неумолимо течет. Прошлого не вернуть, и в будущее не заглянуть, но колесо вращается, и прошлое становится будущим, а будущее прошлым.

Вновь потянувшись к первому пучку, Панчён взяла еще четыре прутика. Рука её слегка дрожала, — не от страха, а от мистического экстаза.

— Первое Изменение завершено, — сообщила она.

Всего Изменений было три, по окончании которых на листе бамбуковой бумаги появилась каллиграфически выведенная черта. После чего цикл Изменений начался снова. И снова.

И так, пока черт не оказалось шесть. Половина из них были сплошными, а еще половина — прерывистыми.

Всмотревшись в получившийся рисунок, шаманка Панчён начала вещать:

— Малое уходит, Великое приходит. Когда рвут тростник, то другие стебли тянутся за ними, так как он растет пучком. Поход — к счастью. Охвати и окраины. Примени всплывающих на реке. Не оставляй дальних. Дружбе конец. Удостоишься похвалы за целеустремленные действия. Нет глади, которая осталась бы без выбоин, нет ухода без возвращения. Если в трудностях будешь стойким, то хулы не будет. Не печалься о своей правде, в пище будет благополучие. Стремительно летящие вниз не богатые, но все они из-за своей близости не нуждаются в предупреждении о правдивости. Царь И выдал замуж своих дочерей и тем благословил их на изначальное счастье. Городской вал падает обратно в ров. Не применяй войско. Из мелких городов будет изъявлена собственная их воля. Стойкость — к сожалению.

На этой жизнеутверждающей ноте шаманка завершила свою речь. Несколько раз она моргнула, после чего её взгляд на глазах сфокусировался. Пророческий транс начал спадать.

«Ну как, понятнее стало?» — ехидно спросил Дан у самого себя.

Он постарался запомнить как можно больше деталей, хотя на то, чтобы воспроизвести весь текст, определенно не претендовал.

— Ты можешь истолковать сказанное? — осведомился он.

Панчён покачала головой:

— Не могу, господин. Послание предназначалось не для меня. Оно для вас. И истолковать его можете только вы.

— Но что, если я не знаю, о чем идет речь? — спросил Дан, — Например, кто такой царь И?

Она снова покачала головой:

— Это все неважно. Это все лишь форма. Царь И, отдавший дочерей в жены простолюдинам, не имеет отношения к сути послания.

— В чем же суть? — безнадежно спросил Дан.

— Это можете понять только вы сами.

«А если не можешь, то ты debil», — раздраженно подумал юноша.

Но спорить смысла не было. Гадать, не напуская тумана, шаманка не умела и не могла.

— Ладно, — вздохнул он, — Можешь идти... И спасибо. Когда мы будем выезжать на место встречи, проведи ритуал благословения. И на меня, и на тех, кто пойдет со мной.

— Да, господин.

Озеро Джиндзи являло собой весьма живописное зрелище, особенно на закате. Зеркальная поверхность воды отражала багряный солнечный свет, из-за чего казалось, что озеро наполнено кровью. Плакучие ивы клонились к воде, будто хотели осмотреть и обработать кровавую рану на теле Земли. И столь ровно они стояли, что это казалось неестественным для дикой природы. Как будто не деревья это, а вышколенные слуги или солдаты в почетном карауле.

Искомая пагода оказалась совсем небольшой и, честно говоря, напоминала скорее беседку. За деревянными колоннами и тонкими ширмами, заменявшими стены, можно было рассмотреть силуэт женщины, сидящей за столиком. Над ней возвышалось три яруса крыши, украшенных резными фигурками рыб и чего-то наподобие русалок.

На подходе к пагоде Даниила встретил немолодой, сгорбленный мужчина в халате из грубой ткани темно-синего цвета и черной шапочке, укрывавшей волосы.

— Господин, — низко поклонился он, — Проходите. Госпожа ожидает вас.

— Разве наша встреча не должна была быть тайной? — осведомился Дан.

Мужчина в синем загадочно улыбнулся:

— Госпожа Фен прекрасно знает, что монахи находятся вне политики. Мы не шпионы, мой принц. Мы просто смиренные служители Неба.

Даниил хмыкнул:

— Все ли, что знает госпожа Фен, правда?

— Тот, кто сказал бы о себе нечто подобное, был бы во власти гордыни, — отметил монах, — Проходите внутрь, господин Шэнь. Она ждет вас.

Дан не был удовлетворен ответом, но посчитал, что он здесь не для того, чтобы спорить с монахом. Пройдя в «беседку», он на секунду замешкался, пока глаза привыкали к полумраку.

Фен Сюин расслабленно сидела, откинувшись на спинку стула. Без того изобилия украшений, что были на ней в их прошлую встречу, она как будто бы даже выглядела моложе, производя впечатление не блистательной наследницы клана, а всего лишь красивой юной девушки. Простое черное платье странным образом дисгармонировало с неизменной красной бархоткой.

А еще оно оттеняло мертвенную бледность её кожи.

Даниил понял, что именно он видит перед собой, лишь мгновением позже. Поза девушки, которая с первого взгляда казалась расслабленной, на деле была позой безвольного, безжизненного тела. Дерзкие зеленые глаза слепо, бессмысленно уставились в потолок.

Как еще недавно — глаза лекаря Хо.

Не задумываясь, Даниил бросился к девушке. Мысль о том, что могло случиться, приводила его в ужас. Какой бы она ни была интриганкой, как бы ни были для него опасны ее знания, в чем бы он ни подозревал её, но мысленно он все равно молил всех богов, каких знал, чтобы она была жива.

Как будто на секунду исчез безжалостный принц, в какого ему пришлось превратиться, и вернулся студент-медик из цивилизованного мира. Студент, у которого на руках умирала

девушка.

Вопреки своему самому большому страху, жуткой раны на животе, как у лекаря Хо, он не обнаружил. Вообще никаких ран, никаких видимых повреждений. Лишь мертвенная бледность и леденящий холод.

Кто там что говорил про горячую кровь предков Цзао?

Стащив Сюин со стула, Дан уложил её на пол, набок. Ослабил воротник и попытался было снять бархотку, но та обожгла его пальцы, будто крапивой. Некогда разбираться! В таких условиях о том, чтобы прощупать пульс на шее, не могло быть и речи.

Поэтому закатав рукав Сюин, Дан прощупал пульс на руке.

Он был. Слабый, еле уловимый, но все же был. Её сердце билось едва заметно. Но все же билось.

Она была при смерти, но она была еще жива.

Закрытие Дыхания Жизни сотворилось как будто само собой.

— Помогите! — крикнул Даниил, — Заклинательнице Фен плохо! Позовите лекаря!

Впрочем, понимая, что лекаря в эту глушь приведут преступно нескоро, Дан сразу же положил меч, подхватил Сюин на руки и понес к оставленной в отдалении карете. Наверное, со стороны это выглядело необычайно красиво и романтично.

Но в тот момент ему было глубоко плевать, как он выглядит.

Перегородивший дорогу монах в синем халате склонился в подобострастном поклоне, — но почему-то видя это, Дан ощутил безотчетную тревогу.

— Простите, господин, — сказал монах, — У меня не было выбора.

На то, чтобы понять, что происходит, ушло ровно на полсекунды больше, чем это было бы допустимо. Дан не глядя выбросил вперед левую руку в простейшем защитном жесте, но все, на что его хватило, это слегка смягчить удар.

Казалось, прямо в грудь ему на полном ходу врезался автомобиль. Выпустив бесчувственное тело девушки, Даниил отлетел назад, сшибая спиной столик и чувствуя, как простолюдская куртка намокает от крови и воды. Странно, но боли он почти не ощущал, — или скорее, она отступила куда-то на второй план, позволяя со странным хладнокровием наблюдать за происходящим.

Монах шустро отбежал в сторону, прячась за крупным камнем. А тот, кто запустил водяной снаряд, уже неторопливо шел к пагоде. Вряд ли он мог не заметить старика, — но кажется, тот его попросту не интересовал.

Это был высокий мужчина, — и в общем-то, это все, что можно было сказать о его внешности. Беспорядочный соломенный плащ скрадывал очертания фигуры, так что нельзя было даже понять, был ли он мускулистым или худым, как жердь. Лицо скрывала низко надвинутая коническая шляпа; не было видно даже глаз, на которые можно было бы воздействовать уже знакомым трюком с личным талисманом. В левой руке незнакомец сжимал длинный предмет, замотанный в тряпки, судя по форме и размеру — меч чуть короче, чем у вооруженных слуг дворца Чиньчжу.

А вокруг правой, презирая закон тяготения и все известные законы поведения текучих жидкостей, вились тугие потоки воды. Сплетались они в многохвостую плеть, слепо шарившую вокруг, подобно щупальцам.

И почему-то не хотелось Дану под эти щупальца попадать.

Острая, как клинок, водяная плеть размашисто рубанула по «беседке», легко разрезая не только тонкие ширмы, но и деревянные колонны. Лишая раненого противника даже

иллюзорного укрытия. Трехъярусная крыша накренилась, грозя в любой момент рухнуть, погребая его под собой.

А затем неведомый нападавший сделал то, чего меньше всего ожидаешь от хладнокровного убийцы.

Он представился.

— Я Миншенг, — голос его звучал молодо и звонко, и в нем слышалось какое-то истеричное веселье, — Внеклановый заклинатель третьего ранга. Я твой противник!

— Ты вообще знаешь, кто я такой?! — осведомился Даниил.

Не то чтобы он рассчитывал, что противник, явно намеренно поджидавший его на месте встречи, сейчас ужаснется, признает ошибку, извинится и уйдет. Но ему нужно было потянуть время.

Продолжая лежать на полу, Дан сотворил заклинание, превращающее капли воды с его одежды в острые осколки Твердого Льда. Которые затем должны были, как картечь, устремиться в атаку. Но к сожалению, создание льда до сих пор выходило у него слишком медленно для магического поединка.

В ответ Миншенг рассмеялся:

— Ты слишком слаб для принца. Ты не заслуживаешь своего восьмого ранга!

Слишком громко он это сказал. Как будто на публику.

После чего, резко развернувшись, взмахнул водяной плетью. Послышался женский крик: служанка Жу, пытавшаяся атаковать его слева, упала на колени, баюкая обрубок руки с мечом. Бок о бок с ней атаковал евнух Цзе, но его успехи были не лучше: взмах водяной плети прорезал его одежду, распоров живот.

У простых людей не было никаких шансов. И неважно, шла ли речь о двух сопровождающих в карете или о группе евнуха Вона, наблюдавшей из укрытия.

— Прячешься за слуг, заклинатель Шэнь? — продолжал веселиться Миншенг, — Что ты говорил, будешь защищать своих людей? Ты себя-то защитить не можешь!

К тому времени Твердый Лед наконец сформировался, и взмахом руки Дан отправил в атаку семь маленьких острых осколков. Однако нападавший просто взмахнул рукой, будто отмахиваясь от комаров, и волшебная «картечь» улетела куда-то в сторону.

— И это все? — презрительно бросил Миншенг.

Даниил сдаваться не собирался. Он привык бороться до конца. Не обращая внимания на раны, он поднялся на ноги и подхватил меч. Направив свою энергию через лезвие, он выпустил волну телекинеза, заставив приподняться край шляпы противника.

На вид заклинателю Миншенгу было лет двадцать с небольшим. Худощавое, гладко выбритое лицо с острыми скулами и округлым подбородком казалось бы довольно приятным... если бы не улыбка. И даже не только потому что улыбаться, отрубив руку женщине и вспоров живот мужчине, мог только полный маньяк. Улыбка эта демонстрировала нечеловечески-острые зубы, придававшие бродячему заклинателю вид какого-то чудовища.

Впрочем, сейчас внимание Дана было сосредоточено на темных глазах, в которых плескалось неуместное веселье. Нужно ощущать цель любыми органами чувств, чтобы воздействовать на нее, это непреложный закон магии. И сейчас ему нужно было видеть глаза, чтобы превратить влагу в них в вино.

Миншенг выставил руку в запрещающем жесте, и энергия, пропущенная через личный талисман, бессильно разбилась о невидимый щит.

— Занятный трюк, — прокомментировал он, — Но не думал же ты всерьез, что он будет спасать тебя вечно?

Даниил не ответил. Понимая, что его магический арсенал этим исчерпывается, он делал единственное, что еще мог. Со всей скоростью заклинательского тела пытался сократить дистанцию, чтобы достать противника мечом. На это требовалось едва ли полторы секунды.

Что, к сожалению, было на полторы секунды больше, чем у него было.

Реальность раскололась тысячей искр, когда огромная масса воды обрушилась ему на голову. Хотя это и была всего лишь вода, но ощущение было такое, будто по голове ударили хорошей такой дубинкой.

И Дан почувствовал, что падает.

Головная боль и тошнота были первыми двумя вещами, которыми Даниила встретило возвращение в реальность. Перед глазами плыли цветные пятна. Держать голову прямо было тяжело, но при этом что-то не позволяло опустить её.

«Как говорится, были бы мозги, было бы сотрясение», — мелькнула на удивление ясная мысль.

Когда реальность вокруг него немного успокоилась и стабилизировалась, Дан почувствовал, что он стоит по стойке смирно, руки по швам. Упасть ему не давал столб за спиной, сделанный из чего-то холодного и влажного. Не исключено, что из того же, что и путы, не позволявшие ему сдвинуться с места.

Они походили на ту же водяную плеть, которой сражался Миншенг у озера Джиндзи. Каким-то образом, оставаясь жидкой, вода сохраняла стабильную форму, и как бы ни пытался Дан высвободиться, с тем же успехом можно было разорвать стальной трос. Странная водяная «веревка» привязывала руки к телу на уровне запястий, локтей и плеч, стягивала вместе ноги на уровне лодыжек и коленей, а также привязывала шею к невидимому столбу.

А еще он обнаружил, что практически голый. На нем оставили лишь штанишки-сяку. Даже повязки на раны не наложили, — благо, едва ли заклинателю грозило умереть от заражения крови.

Хотя что-то подсказывало, что возможностей умереть в ближайшее время будет более чем достаточно.

Зрение постепенно возвращалось. Дан мог различить, что находится в какой-то естественной пещере, едва освещенной парой факелов. От одной стены до другой было, наверное, метра три, — хотя точно подсчитать было сложно, поскольку пещера имела неровную форму, описать которой Дану не хватило бы знаний геометрии.

У противоположной стены он увидел точно так же связанную Фен Сюин. Она все еще была бледна, но по крайней мере, жива и в сознании. На ней тоже почти не было одежды; помимо сяку, ей оставили багряно-красный шелковый «фартук» наподобие того, что он подарил служанке Лю. Впрочем, так как наследница Фен обладала куда более выраженными достоинствами фигуры, тонкая ткань обрисовывала каждый волнующий изгиб, из-за чего Дан почувствовал крайне неуместную, учитывая ситуацию, реакцию в теле.

Заметил её не только он.

— Я вижу, в одном репутация третьего принца вполне заслужена, — послышался язвительный смех Миншенга, — Только продрал глаза и тут же уставился на девчонку!

Бродячий заклинатель уже успел переодеться в недорогой, но добротный серый кафтан,

хотя меч в его руке оставался завернутым в ткань. Шляпы не было вовсе, но даже будь у Дана при себе личный талисман, глупо было бы ожидать, что вторая попытка воздействовать на глаза окажется успешнее первой.

Помимо заклинателя, Дан увидел еще двух мужчин, — немых, небритых, вида не то разбойного, не то бомжеватого. Один из них был одет в кожаную безрукавку, другой в такой же соломенный плащ, в каком Миншенг выходил «на дело». В руках оба сжимали длинные бамбуковые палки.

— Вам нужен выкуп? — предположил Дан, — Полагаю, что и Его Величество, и клан Фен могут хорошо заплатить за то, чтобы мы вернулись целыми и невредимыми.

На самом деле он не был в этом полностью уверен; но сейчас ему нужна была хоть какая-то причина, по которой этому смешливому человеку не стоит запытать их до смерти со знаменитой китайской жестокостью. Вывать к милосердию и пытаться запугать было равно бессмысленно, оставалось делать ставку на хотя бы эфемерную выгоду.

Ставка не оправдалась.

— Думаешь, твое положение в клане ставит тебя выше других? — почти прорычал Миншенг.

По его кивку один из подчиненных подошел к Дану.

Оказывается, удары бамбуковой палкой по голеним — это очень больно.

— Ты жив до сих пор, только потому что ты нужен живым, как приманка, — говорил заклинатель, — Но не испытывай моего терпения, принц. Ты удивишься, узнав, сколько ты способен выдержать и остаться в живых.

Если Дану и было что ответить, то такой возможности у него не было. Бандит с палкой продолжал целенаправленно бить по ногам. Дан сжимал зубы, упрямо стараясь не проронить ни звука, но ударе на седьмом не выдержал и закричал от боли.

Миншенг его крики слушал как музыку, а вот Сюин явно было неудобно. Хотя она не казалась человеком, чувствительным к чужой боли, сейчас она старалась не смотреть на разворачивающуюся сцену, — что было непросто, учитывая, что водяная веревка не позволяла вертеть головой.

— Хватит, пожалуйста, — глухо проронила девушка.

Кажется, скорее для себя, чем в надежде, что к ней и вправду прислушаются.

Однако Миншенг все-таки прислушался. Жестом остановив избиение, он неторопливо подошел к пленнице.

— Знаменитая наследница Фен, — протянул он с по-кошачьи довольным видом, — Ваша красота действительно завораживает.

Он провел ладонью по её щеке и взял за подбородок, заставляя заглянуть ему в глаза. В зеленых глазах Сюин, казалось, сверкали гневные искры.

Вот только Дан прекрасно видел, что это бессильный гнев.

— Забавно, — отметил Миншенг, любясь ею, — Даже сейчас, зная, что одного моего слова будет достаточно, чтобы подвергнуть вас любым пыткам, вы все равно смотрите на меня с дерзостью. Неужели вы полагаете, что я не посмею? Или может, даже понимая, что вас ждет, вы не можете смотреть на меня иначе как на всего лишь бродяжку без клана?

Сюин не ответила. Кажется, большого труда ей стоило сейчас удержаться от того, чтобы плюнуть ему в лицо.

Несомненно, бродячий заклинатель и сам это прекрасно понимал. И не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что выражение бессильной ярости в глазах

наследницы клана доставляет ему ни с чем несравнимое удовольствие.

А затем его рука скользнула ниже и грубо смяла её грудь через тонкую ткань. Протестующе зарывчав, Сюин рванулась, но путы держали крепко. Казалось, водяные веревки затянулись даже сильнее, позволяя наследнице Фен лишь бессильно трепыхаться в мужских руках.

— Жаль, нет у меня сейчас времени, — проворковал Миншенг, крепче стискивая пальцы, — Но не беспокойся, дорогая моя, когда я вернусь, я покажу тебе всю глубину твоих заблуждений. Может быть, тебе даже понравится, если будешь себя хорошо вести.

Разжав хватку, он резко развернулся.

— Не спускайте с них глаз. С обоих. Если попытаются вырваться, преподайте им урок. Но аккуратно: не убивайте и не калечьте. Они нам еще понадобятся.

Напоследок окинув обоих пленников взглядом, исполненным садистской радости, Миншенг протиснулся в узкий проем, за которым начинался коридор. Куда он направился дальше, Дан не видел, но от души пожелал ему не вернуться.

Горы Йинчен пользовались дурной репутацией и были вечным бельмом на глазу городской стражи. Мало того, что узкие горные тропы были практически непроходимы для лошадей; мало было чудовищ, духов и мелких демонов, которым тут было как будто намазано медом; гораздо важнее, что сами горы были изрыты множеством пещер и подземных ходов, сплетавшихся в самый настоящий природный лабиринт.

Некоторые, впрочем, говорили, что не совсем природный. Рассказывали, что нынешний облик горам Йинчен придало колдовство одного из заклинателей клана Шэнь, жившего в те темные времена, когда королевства Шэнь не существовало, и каждый клан правил своими землями по собственному разумению. По мнению этих людей, в случае нападения другого клана в этих горах можно было прятаться годами.

Для этой цели пещеры в горах Йинчен и использовались. Только не кланом Шэнь, а всевозможными разбойниками, беглыми рабами и прочим отребьем различных мастей. Не раз и не два Веймин во главе стражи совершал рейды по пещерам, вычищая все, что не успело спрятаться. Однако каждый раз кто-то да успевал уйти через неучтенный ход.

Веймин прекрасно понимал, что так будет и в этот раз. Кого-то они убьют, но кто-то неизбежно сбежит. И горы Йинчен останутся прибежищем разбойников. Но это все неважно.

Сегодня его интересовал лишь один человек.

Следуя по ориентирам, подсказанным братом, первый принц вскоре отыскал нужную пещеру. У самого входа в нее был разбит небольшой палаточный лагерь: местом жительства разбойников был именно он, тогда как сама пещера выступала лишь убежищем на случай облавы.

На этот раз успеть туда спрятаться им было не суждено.

— Ждите здесь, — приказал Веймин, поднимая руку.

В этот раз он взял с собой непривычно многочисленную свиту, как из числа офицеров городской стражи, так и слуг и служанок дворца Яньву.

Они должны были видеть триумф своего господина.

Хотя с того места, где он стоял, было прекрасно видно лагерь, на то, чтобы дойти до него через овраги и подъемы, ушло бы несколько минут. Для обычного человека, — но не для заклинателя девятого ранга.

Раскинув руки, как крылья, Веймин с места взмыл в воздух. Теперь он уже не скрывался,

неспешно снижаясь над паникующими бандитами, и солнце играло на золоченых доспехах, а белые одежды развевались на ветру.

Кто-то сразу обращался в бегство. Другие бросались на колени и молили о пощаде. Несколько человек подхватили луки и самострелы и открыли огонь.

Но на их судьбе это никак не сказывалось.

Под презрительным взглядом первого принца стрелы сторали, не долетая до цели. На лицах отважных стрелков еще успела отразиться безнадежность и понимание своей участи.

А потом на лагерь обрушился огненный дождь. Потоки жидкого огня выжигали горную растительность, палатки, — и тела кричащих от ужаса людей. Боль к их крикам не примешивалась: столь жарким было это пламя, что каждый из тех, кто касался его, умирал мгновенно.

Немногие избежавшие первого удара спасались в пещере. Это помогало, но лишь ненадолго.

Лишь до тех пор, пока первый принц не ступил на землю.

Пламя исчезло, не смея тронуть своего повелителя. Быстрым, решительным шагом Веймин ступил под низкие своды — и обнажил меч. В этот момент у некоторых из разбойников еще был шанс. Не выжить и победить, — не может простой человек победить заклинателя, — но по крайней мере, умереть достойно и сражаясь. Однако слишком напуганы они были, и клинок принца разил их, не встречая сопротивления.

Семь раз поднимался и опускался меч, прежде чем навстречу Веймину вышел виновник торжества. Наемник из числа бродячих заклинателей, Миншенг был известен в узких кругах тем, что всегда открыто дерзил заклинателям более высоких рангов.

Он был дураком.

— Ну, здравствуй, принц, — ухмыльнулся наемник, — Пришел убить меня?

— Все закончится здесь, Миншенг, — громко и четко ответил Веймин, — Отдай мне моего брата и наследницу Фен, и я обещаю тебе справедливый суд.

Говоря заготовленную речь, он прислушивался к шагам. Его свита как раз в этот момент входила в пещеру и слышала его слова.

— Справедливый суд, — повторил бродячий заклинатель, — Который приговорит меня к смерти от тысячи порезов?

— Я могу позволить тебе принять яд, — предложил первый принц.

— Спасибо, не интересуется, — фыркнул Миншенг.

Без какого-либо перехода или ритуальных фраз вызова на поединок наемник выбросил вперед правую руку. И три тонких водяных иглы устремились к первому принцу, нацелившись ему в грудь.

Однако то, что было бы смертельно для простого человека, не могло представлять опасности для заклинателя девятого ранга. Веймин вскинул ладонь, и водяные иглы испарились на подлете.

— Я не знаю, как ты победил моего младшего брата, — сказал принц, — Но сражаться со мной было слишком самоуверенно с твоей стороны.

Повинуясь размашистому жесту обеих рук, по бокам от него возникли шесть огненных сфер. Все ярче горели они, и даже не зная, что они собой представляли, легко было уловить исходящую от них угрозу.

Реакция Миншенга была мгновенной. Из воды в его руках сформировался клинок, мгновенно превратившийся в сияющий белый лед. Был этот лед гораздо холоднее, чем льды

высокогорья в самые суровые зимы. Казалось, он втягивал в себя тепло, поглощая его без остатка.

Сферы огня засияли ярче — и одна за другой разродились багряно-красными лучами. Один из них Миншенг пропустил мимо себя. Еще четыре — принял на лезвие ледяного клинка, из-за чего оно уменьшилось в толщине раза в три. Но шестой, оставшийся луч поразил его в левое бедро, насквозь прожигая кафтан и живую плоть.

Закричал, падая на колени, бродячий заклинатель. Скорее наугад он выставил ледяной клинок, защищая лицо.

И тот развеялся под ударом огненного клинка Веймина.

— Вот и все, — провозгласил первый принц, поднимая огненный меч высоко над головой, — У тебя был шанс просить о милосердии, но ты им не воспользовался. Ты понадеялся, что сможешь одолеть меня, Шэнь Веймина, принца клана Шэнь. Глупость наказуема, и наказание — смерть.

Плечи поверженного врага затряслись, как думал Веймин, от рыданий. Но секунду спустя отточенное чутье заклинателя возопило об опасности.

Миншенг смеялся.

— Действительно, — сказал он, — Глупость наказуема, и наказание — смерть.

Первый принц не слушал его: он резко подался назад, разрывая дистанцию. И в том месте, где он только что стоял, пространство рассекли сверкающие нити темно-багряного цвета.

Казалось, все цвета вокруг померкли, как будто эти нити оставались единственным, что все еще имело цвет. Они начали исчезать уже через пару секунд, но оттуда, где они только что были, разливалась чернильная Тьма.

— Неужели ты думал, что просто придешь и убьешь меня, принц? — хохотал, как безумный, наемник Миншенг. Он поднялся на ноги, и рана в бедре как будто бы не мешала ему.

Тряпка, укрывавшая его меч, истлела, открывая взгляду матово-черное лезвие, испещренное знаками Удержания.

Державшими в повиновении заключенного в нем демона.

— Шехунгуай, Паук Отчаяния, — провозгласил Миншенг, закручивая меч в руках, — Уничтожь моих врагов!

Веймин попытался атаковать его самой мощной волной пламени, какую мог выдать в короткие мгновения до атаки, но демон в мече попросту поглотил её. Багряные нити потусторонней паутина устремились к нему из каждого затененного угла, — каких в освещенной неверным светом факела пещере было более чем достаточно.

Бросив всю энергию в собственный меч, первый принц рубил нити, — но место каждой срубленной занимали две других. Постоянно отступая, он упрямо отбивался, хотя и знал, что это бесполезно. Он знал, что ему не победить, знал, что надежды нет. Он знал, что срок его отмерен, знал, что сейчас умрет. Но даже если так, свой последний час нужно встречать с честью и гордо поднятой головой.

Так учат пути заклинателей Шэнь.

Глава 9. Паутина

Откуда-то издалека слышались шум и крики, и охранники косились в сторону выхода, но покидать пост явно не собирались. За попытку расспросить их, что происходит, ожидали ли они этого и не пора ли драпать Дан уже один раз получил палкой по лицу и больше попыток не предпринимал.

Он был занят куда более важным делом.

— Что ты там возишься?! — прикрикнул на него охранник в безрукавке, — Стой спокойно, пока не вдарил!

Он внимательно наблюдал за действиями Даниила, но кажется, как попытку побега их не интерпретировал.

Только находил странными и немного смешными.

— Уж извини, — фыркнул Дан, пытаясь засунуть руку в трусы-сяку, — Вы сами виноваты. Поставили меня напротив полуголой Сюин, а потом жалуетесь, что моя естественная реакция требует определенных действий. Можешь помочь, если хочешь.

А вот этого говорить явно не следовало. Разгневанный намеком охранник бил его особенно сильно и долго.

В процессе даже не задумавшись, что от своего увлекательного занятия пленник так и не оторвался.

— Спасибо, — выплюнул кровь Даниил, — Но не помогло. Будь это кто-нибудь другой, помогло бы, но Сюин... Посмотри на нее сам: у тебя самого спала бы эрекция от нескольких ударов?

Проследив его взгляд, охранник перевел глаза на наследницу Фен, наблюдавшую эту сцену с неприкрытым шоком на лице. К такому её явно жизнь не готовила.

— Ты собираешься заниматься... этим прямо здесь?!

— А что? — сально ухмыльнулся юноша, — Глядя на тебя, я готов заниматься этим где угодно. Зрители меня не смущают. А тебя?

— Смущают, — прямо сказала девушка, — Ты можешь... этого не делать?

Второй охранник молча переводил взгляд с одного пленника на другую. Он, кажется, что-то подозревал.

— Я бы, может, и прислушался к твоей просьбе, — задумчиво ответил Дан, — В другой ситуации. Но нас, скорее всего, скоро убьют, и тогда это мой последний шанс на тебя передернуть. Упустить его будет просто неуважением по отношению к тебе.

Зеленые глаза метнули на него убийственный взгляд.

— По-твоему, ЭТО — уважение?!

— Конечно, — Дан попытался закивать, но стягивавшая шею водяная веревка не позволила, — Это ведь самый честный комплимент мужчины женщине. Разве нет?

Охранник в безрукавке покачал головой со странной смесью омерзения и восхищения.

— Я знал, что третий принц развращен и аморален, но не думал, что настолько...

Даниил немедленно перевел взгляд на него:

— А разве она того не стоит? Нет, ну просто погляди на нее. Разве эта женщина не стоит того, чтобы восхищаться ее красотой в последние минуты жизни?

Говоря это, он постарался поймать взгляд Сюин, и кажется, она что-то поняла. По крайней мере, как бы невзначай выгнулась, отчего тонкий шелк лучше очертил

соблазнительные изгибы тела.

Оторвать взгляд от открывшейся картины было выше сил двух простых разбойников.

— Разве вы видели что-то красивее в своей жизни? — откровенно рекламировал её Даниил, — Разве вам неинтересно, что скрывается под этой одеждой? Вон, вашему хозяину, как его, Миншенгу, интересно. И он внимательно это изучит, когда вернется. Но с вами разве поделится? Думаю, выгонит, чтобы не мешались.

Вот Миншенга упоминать не стоило. Если охранник в безрукавке, как зачарованный, шагнул к пленнице, то его напарнику в плаще имя грозного начальства, кажется, вернуло какую-то часть здравомыслия.

— Ты чего? — воскликнул он, — Миншенг узнает, голову с тебя снимет!

— Миншенг сказал только, чтобы мы их не убили и не покалечили, — возразил второй, — От того, что я сниму ей ляндан, вреда ей не будет.

— «Миншенг сказал», — передразнил охранник в плаще, — Ты сам подумай, как он отнесется к тому, что кто-то лапал женщину, которую он захотел для себя.

— А чего только ему? — бесхитростно возразил напарник, — Почему всех самых лучших он всегда забирает себе? Я тоже хочу!

— Ты ему это в лицо скажешь?..

Последний аргумент, кажется, прозвучал весьма убедительно и почти успокоил распаленного бандита, но тут Сюин подала голос:

— Самое отвратительное, что может быть в мужчине, это трусость, — как бы в сторону заметила она.

— Да ты!.. — возмутился охранник в плаще, мгновенно оборачиваясь к ней и заноса палку для удара.

Но ждать, пока он ударит, Дан не собирался.

Пока охранники ругались между собой, пленник все-таки сумел засунуть руку под сяку и там нащупать искомое. Только вот искал он совсем не то, о чем подумали остальные. Нет, «реакция» на полуголую Сюин у него была вполне искренней. А вот желание перед смертью напоследок на нее помастурбировать — это уже бред.

Не только потому что перед смертью есть куча более достойных дел, но и потому что Дан не собирался умирать.

Больше всего он опасался, что кто-то из охранников заметит его манипуляции, потому и постарался переключить их внимание на девушку. И кажется, даже если она и не понимала его цели, то все равно сообразила, что он делает это неспроста.

Иначе зачем бы были эти вызывающие позы? К чему бы были слова про трусость.

Как будто простой бандит мог заслужить внимание наследницы клана.

В тот самый момент, когда охранник в плаще вознамерился было наказать пленницу за собственную сдержанность, Даниил наконец добрался до потайного кармашка, пришитого служанкой Линь. А в нем — до бумажного талисмана со стены дворца Чиньчжу.

Рассеивающего чары.

Как правило, чтобы управлять талисманом, достаточно было на него взглянуть. Но при необходимости взгляд можно было заменить ощущением через любые другие органы чувств.

Например, осязанием голой кожей.

Энергия, накопленная в талисмане, высвободилась, и Дан почувствовал, как бумага истлевает под его пальцами. В то же самое мгновение веревки, обхватывавшие его тело, вдруг исчезли, и ему стоило большого труда не рухнуть на четвереньки.

Наверное, когда на тебя бросается полуголый мужик с рукой в трусах, это страшно. Наверное, когда на тебя бросается освободившийся заклинатель, это страшно, даже если он одет и ведет себя прилично.

Но сейчас Даниилу было плевать и на то, и на другое. Он не собирался их пугать. Он собирался их убить.

Как, в какой момент он научился переходить к этому решению без раздумий? Когда принял правила игры этого мира? Когда потерял то неуловимое нечто, что отличает цивилизованного человека от опасного дикаря? Он не знал ответа. Наверное, уже после Нёнмина: тогда он все-таки колебался, прежде чем принять решение о его убийстве. Но точно до того, как в полной мере осознал, что ждет Сюин в руках Миншенга.

Потому что тогда готовность убить всех троих пришла сразу же. Другие варианты даже не рассматривались.

Удар, который он нанес, не имел ничего общего с хитрыми многовековыми приемами мастеров боевых искусств. Простой прямой удар кулаком в лицо, бесхитростный как бревно, — и сравнимый по эффекту с бревном, используемым как таран. Нанесенный со всей силой заклинательского тела, он буквально вбил обломки носа внутрь черепа охранника в безрукавке, навсегда положив конец идейному спору.

Подхватив бамбуковую палку, выпавшую из бессильно разжатой руки, Дан шагнул ко второму противнику. Тот не пытался просить пощады: он знал, что не получит её. Хотя и в то, что победит заклинателя, верил едва ли.

Три раза столкнулись в воздухе палки, после чего отведя оружие охранника в сторону, Дан сократил дистанцию. Одним быстрым движением он перехватил противника за горло.

Сжавшиеся пальцы. Хруст позвонков.

И второй труп ложится рядом с первым.

— А я уж думала, придется терпеть грязные лапы этих мужланов, — поморщилась Сюин.

Два трупа у ног её явно не пугали.

— Извини, — откликнулся Дан, — Нужно было отвлечь их, чтобы без помех освободиться.

О подобающих церемониях в обращении к наследнице клана он в тот момент откровенно не подумал. Адреналин в крови все еще гулял. Что, впрочем, к счастью, учитывая, что им еще предстояло бежать отсюда, а что творится сейчас с его икрами, он предпочитал не представлять.

— Я поняла, — заверила девушка.

Судя по приподнявшимся бровям, его извинение удивило её немногим меньше, чем высказанная готовность мастурбировать в присутствии охранников и её самой.

— Хотя способ ты выбрал... тот еще. Может, наконец освободишь меня?

Если ответный переход на «ты» и вызвал у нее заминку, то еле заметную. То ли в отличие от Лю, наследница Фен ставила себя на равных с принцем, то ли просто сочла, что обстоятельства не располагают к церемониям.

— Попробую... — вздохнул Дан, понимая, что второго талисмана рассеивания у него при себе нет.

До сих пор ему не доводилось воздействовать своей энергией на чужие заклинания, не считая неудачной попытки защититься магическим щитом от атаки Миншенга. Методика в книгах Лиминя была описана, так что оставалось вооружиться принципом одного

незабвенного короля. «В теории знаю, значит, должно получиться».

В любом случае, о том, чтобы бросить эту интриганку в лапах бандитов, не могло быть и речи, как и о каком-либо другом способе разорвать магическую веревку. Так что сосредоточившись на токе энергии, Даниил приступил к экспериментам.

Больше всего процесс «взлома» чужого заклинания напоминал методичное простукивание стены молотком в поисках уязвимого места. Подавая крошечный импульс энергии на участок магической веревки, Дан прислушивался к ощущениям. Затем слегка смещался и подавал новый импульс. И снова. И снова.

Это было занятие не слишком энергозатратное, но требующее кропотливого подхода и полного сосредоточения. Если Сюин что-то и говорила в это время, Даниил её не слышал.

Наконец, ему улыбнулась удача. Нащупав слабое место, заклинатель резко рубанул ребром ладони.

Если развеянная по всем правилам с помощью талисмана водяная веревка просто исчезла, то здесь вышло гораздо любопытнее. Вода, сковывавшая тело девушки, осталась, но утратила форму, вернувшись в естественное для жидкости состояние.

Сюин вскрикнула от неожиданности, когда мокрый шелк облепил её тело, демонстрируя прекрасную, точеную грудь с затвердевшими от холода сосками.

— Ты это нарочно?! — воскликнула она.

Вообще-то Дан не ожидал такого расклада, но вовремя вспомнил, что Лиминь должен был бы знать, что из этого получится.

— Красиво же, — с демонстративным безразличием пожал плечами он, — Ладно, давай выбираться отсюда. Только подожди, я слегка вооружусь.

Он не мог положиться на использование магии в бою, а бамбуковая палка не казалась достаточно грозным оружием. Сейчас его спас эффект неожиданности, но так определенно будет не всегда.

Поэтому окунув кончик палки в лужу от распавшейся водяной веревки, Даниил сотворил заклинание, которому обучила его Панчён. Полученный Твердый Лед частично заполнял пустоты в бамбуковой древке, а частично оставался снаружи, формируя короткий и очень острый листовидный клинок. В результате теперь у Дана было нечто вроде короткого копья или скорее дротика.

Хоть какое-то оружие.

Сюин наблюдала за его работой, привалившись спиной к стене, и явно заметила, что у него ушло на это больше времени, чем подобает заклинателю его ранга. Сама она к тому времени давно высушила одежду заклятьем, а вот вторую палку брать не стала. То ли не умела драться, то ли рассчитывала исключительно на магию.

— Готово, — с преувеличенной уверенностью заметил Дан, — Держись за мной, на случай, если с кем-то столкнемся. А сейчас попробуем найти выход.

Однако наследница Фен покачала головой:

— Сначала кое-что другое. Нам нужно найти склад или иное место, где разбойники хранят свои ценности.

Даниил вопросительно уставился на нее. Девушка раздраженно вздохнула и провела ладонью по шее:

— Подними глаза выше и посмотри. Они забрали Ленту Феникса!

В её голосе звучало такое отчаяние, будто речь шла о её единственном ребенке.

— Если выберемся сейчас, — попытался возвать к её рассудку Дан, — То сможем

собрать полноценный отряд, как следует вооружиться и вернуть её. Может быть, даже Его Величество пришлет людей на подмогу: все же похищение принца — это не шутки.

Однако Сюин упрямо мотнула головой:

— Может быть, сможем, а может, и нет. Я не могу рисковать. Я должна вернуть её сейчас же.

— А своей жизнью ты рисковать можешь? — возразил Дан, — Если, к примеру, вернется Миншенг? Или если он тут не один такой?

Во взгляде зеленых глаз читалась безумная решимость:

— Мне доверена реликвия клана. Если я не смогла её уберечь, то я недостойна быть наследницей, и тогда моя жизнь ничего не стоит.

Против своей воли Даниил вздрогнул.

«Это насколько же ей промыли мозги, что она так говорит о себе?» — мысленно спросил он.

«Ну да», — ехидно ответил он себе же, — «Человек игнорирует свои интересы, чтобы оправдать чужие ожидания. Вот никогда такого не видел!»

— Ты хоть знаешь, как её найти? — безнадежно спросил он.

— Я — хранительница реликвии, — ответила Сюин, — Я чувствую, где она. И она недалеко. Если хочешь, беги, мой принц. Я найду её сама.

Она развернулась, чтобы уйти.

«Пусть разбирается, как хочет, в конце концов, она втянула нас в эту передрагу», — мелькнула здравая мысль.

Но Даниил уже знал, что здравой мысли он не последует.

В два шага догнав девушку, он схватил её за руку и задвинул себе за спину.

— Я же сказал, держись за мной! — воскликнул он, — В общем, я помогу тебе. Но за это ты будешь у меня в долгу.

Ответная улыбка Сюин была исполнена такой благодарности, что он даже на секундочку ей поверил.

Сверхъестественное чутье хранительницы реликвии пришлось более чем кстати: хитросплетения ходов, соединявших пещеры, больше всего напоминали провод наушников, пролежавших пару дней в кармане туриста-фотоманьяка с СДВГ. Нет, найти выход, в принципе, не составляло особого труда: крики, звуки боя и какой-то грохот, как будто при бомбежке, не оставляли сомнения в направлении. Но вот где находился склад, Даниил сам нипочем не нашел бы.

На каждой развилке Сюин уверенно указывала направление, и Даниил первым шел вперед, выставив перед собой копьё. Хотя пещеры снова и снова оказывались пустыми, он не терял бдительности, и благодаря этому, когда они достигли цели, отреагировал мгновенно.

В просторной пещере, служившей чем-то вроде караульного помещения, нервно прислушивались к звукам боя пятеро вооруженных людей. Выбегать наружу и помогать отбивать нападение неизвестных на логово они почему-то не торопились.

Зато появившиеся гости привлекли их самое пристальное внимание.

— Пленники сбежали! — озвучил вывод тощий мужчина с топором, в то время как Дан уже бросался в атаку.

Первым же ударом юноша вонзил копьё в живот здорового громилы с фрейдистских размеров дубиной. Дан понятия не имел, был ли этот противник и вправду самым опасным,

но подсознательно счел его таковым.

В бою не до детального анализа. Быстрое решение лучше верного.

Сразу трое противников, — двое с ножами и еще один с чем-то посоха, — бросились на него с разных сторон. Нападать по одному, как предписывали славные традиции американского кинематографа, они явно не собирались. Дан пропустил мимо себя лезвие одного из ножей, но второй полоснул по ребрам. В довершение удар посохом пришелся по свежим ушибам на голени, заставив его рухнуть на колено.

Вырвав копьё из тела противника, Дан вслепую нанес размахистый рубящий удар, заставив противников податься назад. Кажется, сверкающий белый лед пугал их, заставляя осторожничать сильнее, чем обычно, когда вас трое на одного. Двое с ножами отступили, выжидая возможности приблизиться снова, пока тот, что с посохом, замахивался для нового удара.

Выставленное навстречу удару предплечье дернуло болью, но к счастью, прочные кости заклинателя выдержали и не сломались. Не давая противнику замахнуться снова, Дан нанес быстрый рубящий удар, целясь в горло.

Одним меньше.

Боль, гнев, ярость и упоение боя вырвались наружу диким, первобытным рыком, и с каким-то лихорадочным весельем Даниил отметил, что его противников бросило в дрожь. А он не собирался останавливаться.

Он только разогрелся.

Теперь, наученный болезненным опытом, он не колот копьём, а рубил. Выпустил нож из расплоскованной руки один из его противников. Второй попытался зайти сбоку, но тут же получил удар пяткой копьё в кадык.

С его нынешней силой это было смертельно.

Дан крутанул копьё в руке, запутывая раненного разбойника. Тот, однако, не стал продолжать бой. Развернувшись, он стремглав бросился прочь, надеясь спрятаться в хитросплетениях коридоров. Секундами позже его примеру последовал и парень с топором, не решившийся обратить свое оружие против разгневанного заклинателя.

Преследовать их смысла не было.

Убедившись, что обращенные в бегство разбойники не вернуться, Даниил перевел взгляд на еще одну не вступившую в бой участницу. Фен Сюин стояла в стороне и наблюдала. Правую руку она держала у груди, но это не был жест ужаса или жалости.

Напротив, она улыбалась. Зеленые глаза сверкали, как будто наследница Фен смотрела на что-то необычайно красивое и даже завораживающее.

— Что такое? — не удержался от вопроса Дан.

Сюин подняла взгляд на его лицо и медовым голосом пропела:

— Ты знаешь, что когда полуголый мужчина со звериным рычанием рубит за тебя разбойников магическим копьём, это безумно сексуально?

Кажется, заклинательница успешно отомстила за недавнюю сцену: к этому жизнь не готовила уже его. Это вообще нормально для благородной дамы традиционного общества?! Дан почувствовал, как краска смущения приливает к лицу, и мысленно проклял себя. Ведь принц Лиминь не должен был смущаться такими вещами.

— Эмм... Никогда о таком на задумывался, — отвел взгляд он.

«Какое небо голубое... Эмм, в смысле, какой потолок коричневый», — мелькнула неуместная мысль.

А еще надо контрольный сделать, в смысле, копьём потыкать, чтобы никто не встал в самый неподходящий момент. И рану хоть как-то обработать, хотя чем ее обрабатывать, у этих бандитов даже спиртного на посту не оказалось.

— Вот как? — даже не глядя на неё, Дан понял, что она улыбается, — А я думала, мой принц, ты решил расправиться с ними именно так, потому что знал, что мне это понравится.

— Ты ведь знаешь, что это не так, — откликнулся юноша, — И вообще, далеко нам до твоей реликвии?

— Совсем недалеко, — ответила Сюин, — Буквально за этой дверью.

Да, это была первая настоящая дверь, обнаруженная ими в хитросплетениях пещер. Ну, как дверь. Несколько сколоченных вместе досок, державшихся на криво вделанных в камень железных петлях и закрытых на массивный амбарный замок. Она была заперта, но рухнула со второго удара.

Почему-то Дан не сомневался, что Сюин хватило бы сил выломать её и самой, но ей явно нравилось, когда это делал он.

Помещение за дверью было почти полностью уставлено деревянными ящиками. Не задумываясь и не оглядываясь, Сюин бросилась к одному из них.

Судя по всему, именно в этом ящике располагались их вещи — вперемешку и без какой-либо сортировки. Красная бархотка, которая, видимо, и была той самой искомой Лентой Феникса, переплелась с его личным талисманом. Обнаружился там и меч; впрочем, от копья избавляться Дан тоже не спешил.

Первым делом Сюин нацепила на шею бархотку, и лишь затем стала натягивать платье. И не сказать чтобы Дан был этим так уж недоволен. Впрочем, сам он тоже поспешил одеться, чтобы не нарываться на новые насмешливые комментарии.

После чего кивнул на личный талисман, надетый на шею Сюин:

— Накинь на нас заклинание Хамелеона. Если мы сможем пройти мимо сражающихся сторон незаметно, тем лучше.

— Бойтесь, мой принц? — кажется, сейчас, расслабившись по поводу клановой реликвии, наследница Фен начала понемногу вспоминать о вежливости.

Хотя голос её все еще звучал насмешливо.

— Осторожничай, — поправил Даниил, — Мы не знаем, кто здесь есть помимо Миншенга, а главное — какие намерения у того, кто на него напал. В смысле, какие намерения в отношении нас.

Сюин задумалась, а потом неохотно кивнула, признавая его правоту.

Она подняла талисман ко лбу, и Дан почувствовал, как энергия вливается в заранее проложенные каналы, образующие иероглиф «Хамелеон». Сюин не требовалось совершать каких-либо движений, чтобы направлять её: все они были совершенно в тот день, когда она вырезала на деревянной табличке каллиграфическую запись.

Как будто прозрачный мыльный пузырь окружил пленников. Все, что за его пределами, казалось выцветшим, бесцветным, но при этом каким-то необычно четким. Сама Сюин, на контрасте, казалась яркой и притягательной, как единственный островок цвета в царстве серости.

— Не отходите от меня, мой принц, — сказала девушка, — Три шага, и вы станете видимы.

Даниил кивнул и поудобнее перехватил копье. Ножны с мечом он просто заткнул за

пояс.

— Ну что ж, идем на звук. Давай не разговаривать без необходимости: если понадобится что-то сообщить, просто дотронься до меня.

Два раз встречались им в коридорах посты охраны. Первый раз им удалось проскользнуть незамеченными благодаря маскирующему заклятью. Во второй разбойники охраняли узкий лаз, пролезть в который, не поднимая шума, было решительно невозможно. Но к счастью, их было всего двое, и они даже не успели вскрикнуть, когда Дан неожиданно напал на них с копьем.

И убивая их, он по-прежнему не чувствовал ничего.

Постепенно воздух менялся. Сперва едва уловимо, но очень скоро в пещерах стало ощущаться дуновение ветерка. Они приближались к выходу на свежий воздух. Все больше пещер казались обжитыми, и даже на природных, необработанных стенах местами виднелись драпировки, предохранявшие от сквозняков. Здесь уже на постоянной основе жили люди, но сейчас их тут не было.

Все попрытались от того, что происходило на входе.

Медленно, осторожно, Даниил и Сюин прокрались в просторную пещеру, служившей «прихожей» подгорной сети. Она была освещена не факелами, а каким-то зловещим темно-красным сиянием, и увидев его источник, Даниил на секунду замер, не зная, как реагировать.

В центре пещеры, левым боком к ним, стоял недоброй памяти знакомый Миншенг. Выглядел он препогано: кафтан был подпален и местами дымился, на правом бедре виднелся уродливый ожог, и Даниил всегда считал, что с таким ожогом человек может лишь лежать и рыдать от боли. Однако несмотря на это, лицо бродячего заклинателя выражало лишь веселье и экстатический восторг. Глаза лихорадочно блестели, широкая улыбка обнажала острые зубы, и казалось, что боль просто не смеет обратить на себя его внимание.

В вытянутой руке Миншенг сжимал изогнутый меч. Меч этот казался не столько даже черным, сколько поглощающим свет, как будто полоска абсолютного мрака. И глядя на него, Дан почувствовал, как внутри все холодеет. Как откуда-то исподволь проникает железная уверенность, что все безнадежно. Что ЭТОЙ силе противостоять невозможно.

Человек, на которого указывало острие клинка, выглядел гораздо более впечатляюще, — точнее, выглядел бы, если бы не находился в столь жалком положении. Очень высокий, атлетически сложенный мужчина лет двадцати пяти на вид, с породистым лицом, в котором угадывалось легкое фамильное сходство с принцем Лиминем, он стоял, опустившись на одно колено, и отчаянно пытался поднять меч. Белые волосы и одежда были почти полностью залиты кровью. Золоченый доспех давно превратился в решето, сквозь которое было протянуто множество тонких светящихся нитей, которые и создавали насыщенно-красный свет. Казалось, какой-то маньяк вытянул артерии из его тела и развесил вокруг диковинным подобием рождественских гирлянд. Воин был бледен, он явно потерял много крови. Но в темно-красных глазах плескалась отчаянная решимость.

Решимость продать свою жизнь подороже. Решимость умереть, но унести с собой врага.

За спиной сдавленно ахнула Сюин; к счастью, Миншенг был слишком занят удержанием нитей, пронзавших тело противника, и не услышал её. В зеленых глазах девушки мелькнуло осознание — и панический страх. Побледнев от ужаса, она в неосознанности сделала первый шаг назад.

И Даниил не мог её в этом винить. Даже не зная, что за сила заключена в этом мече, он

ощущал её каждой клеточкой своего тела, каждой частичкой своего разума, всеми фибрами своей души.

Они обречены. Откуда-то он знал это точно. Как только Миншенг обратит силу клинка против них, они умрут. И сделать с этим ничего нельзя. Они уже мертвы, просто не успели еще это понять. Незримые часы уже отсчитывают последние мгновения их жизни...

Последняя мысль заставил Даниила запнуться. Где-то на задворках памяти мелькнуло узнавание. Так ведь уже было. Он жил с этим осознанием долгих семь лет, с того момента, как прозвучал впервые страшный диагноз. Он смирился со смертью. Свыкся с ней, как с несправедливой неизбежностью. Незримые часы отсчитывали его время, пока последняя песчинка не пересыпалась.

Но вот, он здесь. Он был жив. Он был здоров. У было новое, здоровое и красивое тело, у него была сила, о какой он даже не мечтал, у него была новая жизнь в другом мире, у него, в конце концов, была Лю.

И никто не смеет забрать это у него!

Сюин сделала еще один шаг назад. Еще один, и он лишится преимущества незаметности, Миншенг увидит его и использует свой страшный темный клинок. Нужно было реализовать это преимущество раньше, чем это произойдет.

Даниил хотел бы сказать, что подумал об этом тогда, но на самом деле эти соображения пришли ему в голову лишь постфактум.

Тогда он просто сделал то, что первым пришло в голову, пробившись через вязкую пелену отчаяния.

Шагнув вперед и выходя из-под защиты «Хамелеона», юноша метнул копьё.

Лишь в последний момент Миншенг заметил его и попытался развернуться, чтобы встретить опасность, но как раз в это мгновение раненный воин рванулся, пытаясь освободиться от смертельной хватки багряных нитей, и черный клинок как будто остался привязан к нему. На какую-то секунду, но этого хватило.

Наконечник из Твердого Льда, запущенный со всей силой заклинательского тела, легко пробил грудную клетку. В первый момент Миншенг даже, кажется, не понял, что произошло. С удивлением и какой-то обидой уставился он на копьё, до середины древка вошедшее ему в грудь.

А Дан уже несся вперед, на ходу выхватывая меч. Отчаяние и чувство обреченности никуда не делись, но как будто отступили на второй план. Ярость за плен, за унижение, за домогательства к Сюин соединилась с отчаянным, непоколебимым желанием жить, вместе порождая один-единственный порыв, одну-единственную мысль.

УБИТЬ.

Ухватившись за древко копья, Даниил дернул его в сторону, расширяя рану. Одновременно с этим он вложил всю свою массу в один-единственный удар мечом. Без хитрых финтов, без сложных маневров, — просто один мощный удар, который оставит его беззащитным, если промахнется.

Момента столкновения он уже не видел. Казалось, Тьма, окутывавшая лезвие черного клинка, закрыла ему глаза, ослепив. Но сквозь пелену мрака Дан почувствовал то до отвратительного приятное и до приятного отвратительное ощущение, когда лезвие клинка вонзается во что-то мягкое.

А затем, освобожденное, летит дальше, пока не врежется в камень.

Когда мрак рассеялся, Дан понял, что стоит на одном колене, сжимая в одной руке

окровавленный меч, а в другой обломок копья. Миншенг лежал тут же; его голова была отрублена, а из спины все еще торчал светящийся ледяной шип. Черный меч его ныне выглядел не сгустком мрака, а простым материальным клинком, и теперь на лезвии можно было различить вырезанные символы: «Удержать», «Обуздать», «Подчинить», «Шехунгауй», «Подчинить», «Обуздать», «Удержать».

Его противник, в котором характерные красные глаза выдавали заклинателя клана Шэнь, был тяжело ранен, но упрямо пытался подняться на ноги. Благо, нити больше не удерживали его; но что могло твориться под золоченой броней, Дан предпочитал не представлять. Явно, что для такой потери крови он должен был быть ранен не единожды и не дважды.

— Вот, значит, из-за чего он решился на подобное, — задумчиво заметил воин, подковыляв к поверженному врагу, — Демонской клинок свел его с ума.

Даниил вопросительно уставился на него. После недавнего прилива адреналина голова была как чугунная, и он опасался, что если сейчас заговорит, непременно ляпнет что-то, что выдаст его. Тем более что если перед ним и вправду один из старших принцев, то он должен был лично знать Лимию и мог заметить несоответствие.

Кажется, беловолосый не понял, к чему относился вопрос. Кивнув на меч, он сказал, будто объясняя прописные истины:

— В этом оружии сидит могущественный злой дух. Говорят, что тот, кто будет владеть им, не имея мастерства или воли, чтобы его обуздать, неминуемо лишится рассудка и станет рабом демона. Так и случилось с Миншенгом: хотя он всегда дерзил представителям кланов, никогда бы, будучи в своем уме, он не пошел на открытый конфликт с королевской семьей.

Сюин тем временем осторожно приблизилась, прислушиваясь к разговору. Она все еще была бледна, а манерой движения поразительно напоминала зашуганную мышь, но кажется, то, что столь напугавший её противник был несомненно мертв, изрядно прибавляло ей смелости.

— Я не знал его достаточно, чтобы судить о его рассудке, — признался Дан, — Но мне он показался скорее самоуверенным, чем безумным. А учитывая то, что я увидел, выйдя в эту пещеру... Больше похоже, что ему вскружило голову банальное ощущение силы. Ведь с этим мечом он мог явно гораздо больше, чем обычно позволяет его третий ранг.

Беловолосый помрачнел и поморщился, — то ли от боли, то ли потому что затронутая тема была для него неприятна.

— Ты прав, — неохотно признал он, — Если бы не ты, я погиб бы. Ты спас мне жизнь, младший брат, и я перед тобой в долгу.

— Не за что... старший брат, — Дан не нашел ответа лучше.

Старший принц хотел было что-то сказать в ответ, но в этот момент кровь отлила от его лица; он покачнулся и упал бы, если бы Даниил не подставил ему плечо.

— Ты потерял много крови, — сказал он, — Тебя нужно срочно доставить к лекарю.

— Я в порядке, — скрипнул зубами принц.

— Оно и видно!

Однако беловолосый уже отстранился, используя собственный меч на манер костыля. Он кинул красноречивый взгляд на Сюин, как будто напоминая ей о чем-то, после чего обернулся ко входу в пещеру.

Куда как раз заходила целая делегация. Первым шагал уже знакомый Дану заклинатель Лунь Танзин. В том же неизменном черном кафтане, все такой же сдержанный и

невозмутимый, он, казалось, не боялся никого и ничего, — и лишь обнаженный меч в руке давал понять, что он все-таки ожидает возможной опасности. За ним следовала служанка Ликин, а еще дальше — несколько мужчин с повязками городской стражи на плечах.

Именно к ним немедленно обратился принц:

— Вы сбежали, когда я вступил в бой с демоном.

Синхронно, как по команде, стражники рухнули на колени:

— Мы заслуживаем смерти, Ваше Высочество!

Беловолосый глубоко вздохнул, и Дан не был уверен, переживает он приступ гнева — или боли.

— Я не возьму ваши жизни. На этот раз. Но наказание вы все-таки получите. Потом.

Сказав это, он обернулся к Танзину:

— Добрый вечер, дядя. Что привело вас сюда?

Подобные светские речи звучали совершенно неуместно в пещере над обезглавленным трупом. Однако заклинатель Лунь, похоже, воспринял их как должное.

— Вот эта юная барышня, — он кивнул на служанку Ликин, — Заверила меня, что её господину может понадобиться помощь. Что дело касается престижа королевской семьи, который ставят под угрозу подлые козни мятежника из числа бродячих заклинателей. Однако, она говорила лишь об одном принце. Она не говорила, что знаменитый первый принц Веймин тоже здесь.

Он перевел взгляд на Дана.

— Хотелось бы услышать стоящую за этим историю. Хотелось бы знать, как третий принц мог попасть в неприятности из-за каких-то бродячих заклинателей.

Даниил понял, что ситуация опасна. Зная о порядке приоритетов среди представителей кланов, а также изучив историю предыдущих назначений наследных принцев, он мог поручиться, что принц, проигравший заклинателю на пять рангов ниже, проживет совсем недолго.

В клане Шэнь не терпели слабаков.

— Всею виной моя гордыня и самоуверенность, — склонил голову он, — Я узнал о том, что бродячий заклинатель Миншенг похитил наследницу клана Фен Сюин, подло отравив её каким-то усыпляющим зельем. Поэтому, чтобы проникнуть в убежище, куда он доставил её, я позволил ему победить и похитить меня. Затем мы должны были обезвредить его вместе с Веймином и городской стражей. Однако в своих расчетах я не учел, что у него может оказаться демонской клинок. Это моя вина. Прости меня, брат.

Он поклонился Веймину, надеясь, что тот не станет оспаривать его версию. А также что никто не заметит, что их с Сюин доставили вместе, а значит, вся интрига не имеет смысла.

— Это правда, — подала голос Сюин, — Их Высочества спасли меня из плена, где под угрозой была не только моя жизнь, но и честь. Клан Фен в долгу перед кланом Шэнь.

К счастью, Танзина, похоже, больше интересовали не показания участников, а собственные наблюдения. Подойдя к обезглавленному телу Миншенга, заклинатель Лунь с интересом пощупал ледяной шип и задумчиво кивнул каким-то своим мыслям. Демонской клинок, напротив, трогать не стал, лишь прочитал надпись на лезвии и коротко спросил:

— Что за злой дух в нем заключен?

— Миншенг называл его «Шехунгуай, Паук Отчаяния», — припомнил Веймин.

Танзин поглядел на него, как будто в первый раз увидел:

— Вас ранило его паутиной? Тогда вам нужно сегодня же посетить лекаря. Внутренние

повреждения могут быть очень серьезны.

— Да, дядя, — склонил голову первый принц, — Я обязательно сделаю это.

«А меня ты не послушал, когда я говорил тебе ровно то же самое», — с легкой обидой подумал Дан.

— ...однако мне интересно другое, — продолжил Танзин, — Того, кто видит силу Паука Отчаяния, охватывает столь острое чувство безнадежности и неизбежной смерти, что оно лишает всякой воли к борьбе. Именно в этом его главная опасность. Так как же вам удалось убить его?

— Это не моя заслуга, — неохотно ответил Веймин, — Я был готов сражаться до конца, но этого было мало. Решающий удар нанес Лиминь.

Под взглядом заклинателя Лунь Даниил почувствовал себя крайне неудобно и не успел толком обдумать ответ:

— Наверное, я просто слишком привык сражаться в безнадежных боях, — предположил он.

И тут же понял, что ляпнул лишнее, но было уже поздно.

— Интересно, — отметил Танзин, — И где же вы могли к этому привыкнуть, Ваше Высочество третий принц?

Мысленно проклянув свой длинный язык, Дан ответил гораздо осторожнее, тщательно подбирая слова и надеясь, что такой ответ прокатит:

— Как вы знаете, заклинатель Лунь, я претендую на статус наследного принца. В этой борьбе мне приходится состязаться с первым принцем Веймином, моим старшим братом.

Короткий поклон в сторону раненного воина.

— Вы знаете его и мою репутацию, вы знаете, что наши таланты и заслуги несравнимы. Практически невозможно вырвать победу из рук моего брата. Но я упрямо продолжаю свои попытки. Потому что я принц Шэнь, и я не могу сдаться.

Говоря это, он отметил про себя какой-то заинтересованно-изучающий взгляд со стороны Фен Сюин. Танзин же невозмутимо кивнул:

— Вы правы. Вы не можете сдаться. Его Величество приказал всем трем принцам бороться до конца, и Клятва Заклинателя, что вы принесли, не позволит вам послушаться.

Кажется, после этих слов он утратил интерес к разговору.

— Я не дотронушь до этого клинка, — сказал он, — Взять демонской клинок можно лишь в бою с его хозяином. Владельца, которого не признает достойным, клинок рано или поздно предаст.

Принц Веймин, уже начинавший немного «плыть» от обильной кровопотери, на этих словах встрепенулся:

— Будет лучше, если этот клинок возьму я, дядя. Я гораздо опытнее младшего брата как заклинатель, и уже прости, Лиминь, но моя воля сильнее твоей.

Даниил был, в общем-то, согласен с этим: сойти с ума ему совсем не улыбалось, а каких-либо оснований для уверенности в своем мастерстве заклинателя у него не было. Точнее, были основания для уверенности в его отсутствии. Вот только мог ли Лиминь согласиться отдать брату столь весомое преимущество, да еще и признав себя при этом слабее?

Мог, если дать ему достаточную причину.

— Полагаю, это будет только справедливо, — тонко и, как он надеялся, изысканно улыбнулся Дан, — Ведь я в этом бою завоевал не менее драгоценный трофей.

Обернувшись к Сюин, он чуть поклонился ей:

— Что скажете, заклинательница Фен? Защитив вашу свободу, жизнь и честь, я продемонстрировал то самое мастерство клана Шэнь, что вы так жаждали увидеть?

Судя по растерянному взгляду девушки, в первый момент она даже не сообразила, о чем он говорит. Секунду спустя, однако, на ее лице отразилось понимание. Наследница Фен потупила глазки и даже, кажется, слегка покраснела.

— Вы продемонстрировали даже больше, чем я могла ожидать, мой принц, — пропела она, — Клан Фен всегда скрупулезно исполняет взятые обязательства, и для меня будет удовольствием посетить сегодня дворец Чиньчжу.

Даниил лишь хмыкнул, постаравшись не выдать двойного дна своих слов. Что до Веймина, то кажется, его такой поворот не слишком удивил. Отвернувшись, первый принц что-то пробурчал себе под нос; Дан не был уверен до конца, но кажется, это было что-то в духе «Младший брат в своем репертуаре».

Хотя вечер был ясный, и последние лучи заходящего солнца окрашивали стены в нежно-розовый цвет, атмосфера во дворце Хуаджу царила откровенно предгрозовая. Казалось, еще немного, и прямо в покоях второго принца разразится буря.

Бэй начинал подозревать, что прийти сюда было не самой лучшей идеей.

— Итак, — спокойно и невозмутимо заметил принц Сяолун, — Подведем итоги. Оба плана провалились. Мои братья выступили единым фронтом и стяжали славу героев и спасителей девиц. Миншенг погиб, причем особенно неудачно — успев продемонстрировать всем, включая дядю Танзина, силы реликвария Шехунгуая, но не сумев уничтожить ни одну из целей. Ты же даже не попытался помешать подобному раскладу и трусливо сбежал, спасая свою жизнь и бросив товарищей умирать. После чего не придумал ничего лучше, чем явиться во дворец Хуаджу, причем открыто и даже не подумав о том, что если за тобой следят слуги дворца Чиньчжу, ты приведешь их напрямиком ко мне. Я ничего не упустил?

— Ваше высочество!

Разбойник не смел подняться с колен и лишь склонял голову к самой земле.

— Я лишь хотел рассказать вам о том, что произошло. Чтобы у вас было больше времени на то, чтобы подготовиться. Я знал, что не смогу справиться с заклинателем Шэнь, и лишь хотел сделать ради вас то, что мне по силам! Уверяю вас, все мы — преданные слуги Вашего Высочества!

Сяолун поморщился:

— Не стоит кричать об этом. Могут не так понять. Иметь вас в числе своих слуг — это отнюдь не самая достойная слава для принца.

— Простите меня, Ваше Высочество! — повторил разбойник на полтона ниже.

Второй принц смотрел на него сверху вниз. Разбойники с гор Йинчен не раз и не два помогали ему выполнять деликатные поручения. В отличие от старшего брата, Сяолун понимал, что не всегда и не везде открыто заявиться в золоченых доспехах — это лучшая тактика силовых действий. Что принц, как и король, должен уметь действовать в тени. Вместо своих вооруженных слуг отправить бандитов, которые сделают всю грязную работу, формально оставив его непричастным.

К сожалению, у них были свои недостатки. Например, трусость и ужасное скудоумие, свойственное простонародью. Те самые, из-за которых нерадивый слуга мог крупно подставить своего господина.

— Оставьте нас, — коротко приказал Сяолун.

Слуги дворца Хуаджу были идеально вышколены. Никто не задал вопроса. Никто не промедлил с исполнением приказа. Никто даже не бросил взгляд на простолюдина, еще пять минут назад кричавшего у ворот дворца, требуя немедленной встречи с принцем.

Когда за последним слугой закрылись двери, Сяолун коротко приказал:

— Встань.

Медленно, несмело разбойник Бэй поднялся на ноги. Колени его дрожали. Смотреть прямо на вельможного господина он все еще не смел.

— Ты поступил разумно, сбежав из той пещеры, — отметил Сяолун, копаясь в ящике стола, — Возможно, даже слишком разумно для простого бандита...

Достав небольшую дубинку, он полюбовался своим шедевром. Хоть и выполненная из обычного дерева, благодаря наложенным заклинаниям она не уступала в прочности металлу.

— А я не люблю, когда мои слуги забывают свое место.

Первый удар оказался настолько быстр, что разбойник не успел даже моргнуть. Опрокинув нерадивого слугу на пол, Сяолун обрушился на него разъяренным вихрем сокрушающих ударов. Первую минуту избиения Бэй еще пытался закрываться руками. Затем, когда обе руки оказались сломаны, просто плакал и просил пощады. Затем — просто молчал, уже не имея ни голоса, ни сознания, чтобы что-то говорить.

Наконец, закончив избиение уже бездыханного тела, Сяолун глубоко вдохнул. Сдерживать гнев на людях стало немного легче.

Второй принц позвонил в колокольчик, и слуги вернулись в покои уже через сорок секунд. Кровавое месиво, оставшееся от незадачливого просителя, их ни капельки не беспокоило.

— Унесите тело и тайно вывезите из дворца, — распорядился Сяолун, — Пусть его «найдут» где-нибудь в восточном пригороде Тяньконджичена. Если объявятся другие выжившие из той же банды, соберите их на складе у южного рынка и там без шума перебейте. И будьте любезны заменить ковер в моих покоях.

Глава 10. Петля

Вновь вернувшись во дворец Чиньжу, Даниил с удивлением обнаружил, что чувствует себя... вернувшимся домой. Казалось бы, лишь несколько дней он прожил здесь. Казалось бы, дворец принадлежал не ему, а принцу Лиминю, чье тело он ныне занимал. Казалось бы, все обитатели дворца были ему чужими.

Однако так радовались они его возвращению, как будто не работодателя дождались, а члена семьи, не больше и не меньше. Сдержанно, но искренне поздравил его с победой евнух Юн, тренировавший его во владении мечом. Негромко возблагодарила земных духов и Светлых Небожителей шаманка Панчён. Что до служанки Лю, то хоть при госте она и старалась не привлекать к себе внимания, от её просиявшего лица Дану вдруг стало как-то теплее на душе.

Дом — это где тебя всегда ждут. Теперь такое место у него было.

А еще теперь ему было куда пригласить девушку, что тоже было изрядным плюсом. Даниил представил себе реакцию великолепной наследницы Фен на свинарник, звавшийся мужской общагой, и с трудом удержался от неуместного смеха.

Для такой женщины, как она, дворец был единственным подходящим местом.

Сияясь быть галантным, Даниил предложил ей отужинать вместе, и Сюин с улыбкой согласилась. Столик для них двоих накрыли прямо в его покоях, и юноша остро пожалел, что культуре этого мира неведомо понятие ужина при свечах. Впрочем, и без того полумрак покоев, освещенных лишь парой светильников и последними лучами закатного солнца, создавал романтическую и немного интимную атмосферу.

Что не мешало Дану перед ужином отдать несколько приказов, неслышимых для гостьи.

— Я приказал подготовить для вас одежду, подобающую вашему статусу, — говорил он, отдавая должное деликатесам, — Поэтому, когда настанет время покидать дворец, вы сможете сделать это в достойном виде. Ведь, насколько могу судить, после громких событий в пещере стремление сохранять инкогнито не имеет никакого смысла.

— Вы правы, мой принц, — откликнулась Сюин, — В скором времени слухи неизбежно разлетятся. К полудню половина города будет знать, что вы спасли мне жизнь... и чего потребовали взамен.

Даниил отвел глаза, пристыженный намеком.

— Прошу прощения, если мое желание показалось вам унижительным.

— Унижительным? — переспросила девушка, — Совсем нет. Напротив, я нахожу честью для себя быть той, ради чьей благосклонности мужчины разрушают оковы и побеждают демонов.

У Дана на этот счет было другое мнение, но спорить он точно не собирался. Потому что это не соответствовало планам, объяснял он себе.

А на самом деле, как он подозревал, потому что чувствовать себя героем, заслужившим своим мечом благосклонность прекрасной дамы, было невероятно приятно и необычно.

— Однако хоть вы и подтвердили мои слова, — указал он, — Вы прекрасно знаете, что я оказался там не с целью вашего спасения. По сути, я действовал лишь в своих интересах.

— Как и каждый из нас, — отметила Сюин, — Любой человек действует лишь ради своих интересов, мой принц. Главное — знать, чьи интересы совпадают с вашими, а чьи расходятся. Первые становятся вам друзьями, вторые врагами. Но никто и никогда не станет

делать того, что не принесет пользы ему самому.

— Вы отрицаете понятие альтруизма? — осведомился Дан.

Он постарался, чтобы это прозвучало лишь как поддержка светской беседы, хотя подобный пренебрежительный комментарий изрядно его задел. «Он меня чуть самого с ума не свел, доказывая, что меня нету», — вспомнились незабвенные слова Воланда.

В ответ Фен Сюин заливисто рассмеялась:

— Альтруизм? Это что-то вроде того, о чем толкуют монахи? Самообман, мой принц, не более того. Обратите внимание: даже монахам требуется объяснять его через карму, которую человек зарабатывает добрыми или, наоборот, злыми делами. То есть, это снова лишь собственные интересы. Просто есть те, кто преследует их напрямую, а есть те, кто надеется, что Вселенная наградит их за то, какие они хорошие. Вопрос личной ответственности.

Даниил отвел глаза, понимая, что проницательная девушка легко прочтает в них больше, чем он хотел показать. Что-то было в её словах... Такое, что просто не позволяло их отбросить.

Может быть, отголосок глухой обиды — той самой, что некогда испытывал и он сам.

Обиды человека, чья доброта осталась без награды. Обиды того, чье простое желание бескорыстно кому-то помочь обернулось страшной и нелепой смертью на безразличных улицах.

— Я не верю в карму, — сказал он, понимая, что молчанию нельзя позволить затянуться, — Но тем не менее, когда я увидел вас лежащей без сознания в пагоде у озера Джиндзи, я захотел помочь вам. Хотя на тот момент не рассчитывал, что к вечеру вы окажетесь в моих покоях.

Здесь уже Сюин чуть дрогнула.

— Возможно, что вам это ничего не стоило, — предположила она, — Если так, то это не альтруизм. Это прихоть. Так же, как с убийством Нёнмина: разве мог простой бандит противостоять заклинателю восьмого ранга? Придя за ним, вы ничем не рисковали. Вы просто поступили по прихоти. Но если бы ради его убийства вам пришлось по-настоящему подвергнуться риску пострадать или даже умереть, сделали бы вы это?

— Сделал бы, — не задумываясь ответил Дан, — Может быть, если бы я лишь услышал о его делах, то я бы еще и усомнился. Но после того, как посмотрел в испуганные глаза маленькой Ён, я уже не сомневался, что этого человека нужно остановить. И я бы сделал ради этого все от меня зависящее, даже будь у него черный клинок Шехунгуая.

Глаза наследницы Фен удивленно расширились.

— Вы поставили бы на кон свою жизнь... ради семьи простолюдинов?

В ответ Дан лишь дернул плечом:

— Поставил бы. Простолюдины, клан, какая разница?

Во взгляде Сюин отразилось как будто... разочарование. Секунд, наверное, шесть она молчала. После чего отвернулась:

— Тогда вы ужасно наивны, мой принц. И уж простите за прямоту, но я надеюсь, что вы никогда не станете королем. Король не имеет права рассуждать подобным образом. Король обязан всегда помнить, что простолюдинов в стране многие тысячи, а помазанник Неба — всего один. Король обязан понимать, что его жизнь стоит дороже всего на свете. Что это величайшая ценность в стране, ради сохранения которой допустимы любые жертвы.

— Вот потому что короли это слишком хорошо понимают, — не сдержался Дан, —

Царство Шэнь и пребывает в застое вот уже какое по счету столетие.

Судя по тому, как запнулась Фен Сюин, подобное заявление по местным меркам считалось очень смелым... или глупым.

Грань между этими понятиями зачастую ужасающе тонка.

— Скажите, заклинательница Фен, — добавил Даниил, чувствуя, что молчание затягивается, — За последние триста лет хоть что-нибудь в этой стране изменилось к лучшему? Был ли принят хоть один новый закон? Реформирована устаревшая земельная система и неэффективные принципы работы городской стражи, при которых такие вот Нёнмины чувствуют себя безнаказанными? Стала ли легче доля простонародья — или хотя бы кланов? Хоть чья-нибудь жизнь изменилась к лучшему, включая самих королей?

Он выдохнул, чувствуя, что еще немного, и начнет откровенно наседать. Чуть помолчал и озвучил ключевой вопрос:

— Можно ли в принципе хоть что-то изменить, хоть чего-нибудь добиться, если не брать на себя риск?

— Мой брат, — медленно ответила Сюин, не глядя на него, — И наш отец хотели изменить все, о чем вы говорите. Они хотели построить на месте этой страны новую, — отринув законы времен Цуйгаоцзуна и введя вместо них новые, написанные во благо страны и небесной гармонии. Законы Фен были флагом восстания...

Она перевела взгляд на Дана.

— Только вот расплачиваться за это пришлось не им. Так всегда бывает, мой принц. Мертвые уходят, оставляя живым нести свое наследие. Отец и брат взяли на себя риск, и риск не оправдался. Но цену за это платим мы с мамой.

Юноша смешался, не зная, что ответить. Может, он и смог бы продолжить спор, — но не после того, как внуч Вон рассказал историю этой девушки.

К счастью, на этот раз Сюин сама нарушила повисшее молчание:

— В этом доля женщины, мой принц. Мы разделяем путь со своими мужчинами, зная, что если их путь приведет к смерти, нас ждет судьба хуже, чем смерть. И этого никак не обойти, сделав выбор, мы неизбежно сталкиваемся с последствиями. Все, что мы можем, это выбирать с открытыми глазами.

— И что же выбираете вы? — осведомился Дан.

Сюин чуть улыбнулась:

— Я выбираю путь, ведущий к вершинам. К величию, изобилию, и главное — к безопасности. Мне нужен мужчина, обладающий силой. Тот, кто умеет добиваться желаемого, преследовать свои интересы, — и который сделает частью своего интереса меня. Вот чего я ищу.

— А еще он должен быть наследным принцем, — поддел её юноша, вспомнив об участии в Отборе.

Наследница Фен ничуть не смутилась:

— А как же иначе? Я ведь уже сказала про силу. Власть и магия, Ваше Высочество, это два главных мерила всего. В этом мире лишь они определяют, что вы можете и чего не можете; будут ли ваши жены и дети расти в шелках и роскоши, трудиться в поле от рассвета до заката, или же подвергнутся насилию и унижению, когда ваши враги окажутся сильнее вас.

— На любую силу найдется сила еще больше, — возразил Дан, потому что чувствовал, что надо хоть что-нибудь возразить.

Сюин в ответ лишь дернула плечом:

— Мой отец думал так же. А до него и множество других мятежников, пытавшихся свергнуть королей Шэнь. Успеха не добился ни один. Именно поэтому я знаю: став королевой, я смогу больше не бояться ни за себя, ни за своих будущих детей.

«Пример Лунь Сянцзян показывает, что все не так просто», — подумал Дан.

Но что-то удержало его от озвучивания этой мысли. Даже если он верно интерпретировал намек Танзина, и королеву действительно убили, слишком мало он знал об этом деле, чтобы рассуждать о нем с уверенностью. А Фен Сюин была не тем человеком, с которым можно было полагаться на один лишь блеф.

— И кто же из кандидатов, по-вашему, даст вам то, чего вы желаете? — спросил Дан вместо этого.

Тоже не самый гениальный вопрос, но надо же что-то сказать.

В ответ на это Фен Сюин повела плечами и чуть улыбнулась:

— Я пока не знаю. Я присматриваюсь ко всем троим, мой принц. Думаю, ни для кого не секрет, что фаворитом состязаний считается первый принц Веймин. Однако...

Она наклонилась, и в дерзких зеленых глазах блеснуло призывное пламя.

— Сегодня, мой принц, вы показали себя с наилучшей стороны. И потому этой ночью именно вы — мой король.

И Дан понял намек. Не глядя отодвинув столик, он склонился к ней.

Поцелуй наследницы Фен оказался жарким, страстным, горячим. От её губ ощущался едва уловимый привкус каких-то экзотических пряностей. Обняв её и прижав к себе, Дан почувствовал, как девушка откликается всем телом. Это не была спокойная ласка служанки Лю: Фен Сюин была подобна пожару.

Жаркому пламени, бившемуся в его руках.

Простолюдинские одежды снимать было проще, чем одеяния заклинателей, — к счастью, поскольку сейчас мучительной казалась каждая минута, отделявшая тот сладкий миг, когда разгоряченные тела сольются воедино. Скользнуло вниз черное платье, и аккуратно обойдя опасную бархотку, Дан коснулся губами плеча девушки.

— Будь чуть решительнее, — шепнула она ему на ухо.

И как бы невзначай мягко коснулась свежей раны на его теле. Прикосновение отозвалось болью, — но к этой боли примешивалось странное, извращенное удовольствие.

Повинуясь внезапному наитию, Даниил подхватил девушку на руки. Будто первобытный охотник, нес он добычу в свою пещеру. А добыча была и не против. Обвив руками его шею, Сюин прижимала его к себе, подставляя роскошную грудь его жадным поцелуям. Все те сокровища совершенного тела, до которых сегодня силились добраться Миншенг и его бандиты, она предлагала в награду своему защитнику.

И защитник принимал их. Сейчас солоноватый вкус её кожи казался самым сладким, что он пробовал в своей жизни. Дан зарывался лицом в ложбинку между её грудей, чувствуя, как учащается дыхание девушки. Уложив её на постель, он подключил к делу руки, лаская её с боков.

В этом жаре, в этой мягкости так хотелось забыть обо всем. Однако Даниил все же отстранился.

— Заведи руки за спину, — шепотом приказал он.

Сюин улыбнулась и с демонстративной покорностью повиновалась. Даже когда шелковые веревки надежно привязали ее руки к телу, в первый момент она восприняла это

лишь как возбуждающую игру.

Но уже в следующий, взглянув в лицо Дана, заметно обеспокоилась.

— А теперь расскажи мне, в чем был смысл заговора, и кто участвовал, кроме тебя, — добавил он.

— Какого заговора? — переспросила девушка, опасливо оглядываясь.

И, вероятно, понимая, что на чужой территории помочь ей некому.

— Ты ведь сама выпила тот яд, — ответил Даниил, — И доза была тщательно рассчитана, чтобы вырубить твое сознание, но не причинить долговременного вреда здоровью. Вся эта встреча ради информации, о которой ты, скорее всего, уже и думать забыла, имела единственной целью — заманить меня в ловушку. К Миншенгу, который не посмел бы напасть, если бы не владел информацией, которой владеешь ты. Вывод: либо он узнал её от тебя, либо вы узнали её из одного источника. Учитывая, что кто-то из вас убил лекаря Хо, подозреваю, что первым звеном цепочки был он. Были и промежуточные звенья?

По мере того, как он говорил о деле, возбуждение слегка отступало, — но лишь слегка. Связанная обнаженная красавица в постели — не то, что способствует хладнокровию и сосредоточению.

— Я ничего...

Не заканчивая фразу, Сюин метнулась, пытаясь вырваться, сбежать. Но ожидавший этого Дан перехватил её, поймав в объятия, повалив на постель и устроившись сверху.

— Не пытайся, — предупредил он, — Будь у тебя развязаны руки, мы могли бы посостязаться. Но сейчас ты даже магией воспользоваться не можешь. А я могу. Просто не хочу.

— Пусти меня! — закричала наследница Фен, — За мной стоит весь клан! Ты представляешь последствия, если ты причинишь мне вред?!

— Ты имеешь в виду, если я обезврежу участницу заговора, чуть не стоившего жизни сразу двум членам королевской семьи? — невинно переспросил Дан.

— Нет никакого заговора! — возразила девушка, — Клан Фен предан клану Шэнь!

— Ага... — задумчиво произнес Даниил, — То есть, лидер заговорщиков из клана Шэнь?

Вообще-то, об этом он подумал уже давно. И еще до того, как остаться наедине с Сюин, был почти уверен, что все дело в интригах вокруг назначения наследного принца. Но нужно было дать ей понять, что даже из отказа отвечать он сделает выводы.

Так разговорить её будет проще.

— Думай, что хочешь, — насупилась девушка.

И замолчала. Как воды в рот набрала.

Вздыхнув, Дан достал из-под подушки волнистый ритуальный нож. Со смешанным чувством уловил он, как бросает её в дрожь, когда холодный клинок касается нежной кожи.

Он одновременно чувствовал свою власть, и в то же время — чувствовал себя законченной скотиной.

— Сюин, мне не доставит удовольствия пытаться тебя, — заверил он, — Напротив, мне будет от этого очень неприятно. Так давай ты избавишь меня от этой печальной необходимости и просто расскажешь все подробности. Так будет лучше для нас обоих.

— Ты не посмеешь! — воскликнула девушка.

Она старалась говорить уверенно, но голос её дрожал.

Заклинательница Фен была напугана гораздо сильнее, чем пыталась это показать.

— Ты ведь знаешь, что это самое глупое, что можно сказать в твоём положении? — вздохнул Дан, — Ладно еще «не смей», хотя на приказы тоже у некоторых возникает внутренний протест. Но «ты не посмеешь»? Серьезно? Это же прямой вызов к тому, чтобы посместь.

Лезвие ножа коснулось аккуратного соска, все еще твердого от ласки, и Дан ощутил особенно болезненную досаду. Ему не нравилось то, что приходилось делать, не нравилась выбранная роль.

Но еще больше ему не нравилось, когда его людей калечили и убивали, а его самого похищали.

— Думаешь, если мы мятежный клан, то нас можно безнаказанно унижать и обвинять без доказательств?! — сделала еще одну попытку Сюин.

— Да, — безжалостно ответил Дан, — А по-твоему, это не так?

Он не был уверен на сто процентов, что она блефует. Но вероятность этого была достаточно высока, чтобы в свою очередь сблефовать самому.

И блеф оправдался.

— Пожалуйста, — решила сменить тактику девушка, — Не делай этого. Прояви милосердие. Ты ведь хороший человек. Ты заботишься о других. Ты...

— Я действую ради собственных интересов, — прервал её Даниил, — Как и каждый из нас. И вот сейчас наши интересы... Совпадают, потому что я хочу, чтобы ты мне все рассказала, а ты хочешь, чтобы мне не пришлось прибегать к пыткам. Так что рассказывай.

Какое-то время заклинательница молчала. Она старалась, чтобы её раздумья казались хладнокровными и взвешенными; однако Дан кожей чувствовал сотрясающую её мелкую дрожь. Она боялась. Ужасно боялась.

Все-таки Сюин была не только наследницей Фен, не только заклинательницей шестого ранга, но и просто напуганной юной девушкой.

— Слезь с меня, пожалуйста, — попросила она, — Мне тяжело. Обещаю, я не убегу. Я расскажу тебе все, если хочешь, просто... не причиняй мне вреда.

Подумав, Дан решил пойти ей навстречу. Усевшись рядом с девушкой, он помог ей приподняться, не без труда удержавшись от искушения воспользоваться случаем и полапать за аппетитные места. Развязывать, однако, не спешил, прекрасно понимая, что она знает о своем превосходстве в магических ресурсах.

— Рассказывай, — сказал он, — С самого начала.

«И поскорее, пока я в состоянии соображать», — мысленно добавил он. Сюин была слишком близко и слишком красива.

— Началось все с того, что матушка получило письмо от второго принца Сяолуна, — рассказывала она, — Это было прямо накануне... вашего приезда.

Она чуть промедлила перед словом «вашего», видимо, сообразив, что в пылу конфликта ненароком перешла на «ты».

— В этом письме рассказывалось о том, что третий принц Лиминь утратил все накопленные духовные силы, стал слаб, беспомощен и уязвим. В письме не назывался источник этой информации, но я думаю, вы правы, Его Высочество получил её от почтенного Хо. После этих слов я...

Наследница Фен запнулась, понимая, что начинает подходить к опасной части рассказа. Дан, однако, улыбнулся ободряюще и почти дружелюбно:

— Решила устроить провокацию, чтобы проверить, правда это или нет. Для чего

положила в мышеловку такой приз, ради которого я бы полез в пасть дракона, ибо как обычно в таких случаях, думаю не той головой, какой следовало бы. Примерно так?

— Я... не собиралась говорить столь пренебрежительно, — ответила Сюин, — Но да, я устроила эту провокацию. Именно для этого я предложила вам поединок и... себя...

— Это я уже понял, — кивнул юноша, — И, кстати, именно из-за этой провокации я тебя первоначально и заподозрил. Это я к тому, что может быть, от твоей красоты у меня и отшибает половину мозгов, но вторую половину тоже не стоит недооценивать.

Сюин серьезно кивнула:

— Простите меня, мой принц. Я не желала оскорбить вас.

Даниил хмыкнул:

— За это прощаю. А вот про участие в заговоре поговорим, когда я услышу полную картину. Продолжай.

— Тогда же в землях Фен объявился бродячий заклинатель Миншенг, — продолжила Сюин, — Он следовал за вами, отслеживая ваши перемещения и периодически отправляя магических птиц в столицу. Матушка быстро вычислила, что он работает на второго принца. Она приказала мне отправиться в Тьянконджичен как одной из кандидатов на Отбор и сблизиться с принцем Веймином.

— Именно с Веймином? — переспросил Дан.

Девушка кивнула:

— Матушка сочла, что если вы утратили свои силы, и об этом стало известно принцу Сяолуну, то он не даст вам оправиться и восстановиться. А значит, из состязаний за роль наследного принца вас можно смело вычеркивать. В то же время, сам второй принц не годится для того, чтобы быть моим мужем. Он хитер, но не умеет быть воином. Даже когда он пытается действовать решительно, то предпочитает отступить и затаиться при первых трудностях. Поэтому он мог быть полезен на определенном этапе борьбы, но главный приз должен был достаться не ему.

— Какая прелесть, — усмехнулся Дан.

Судя по взгляду Сюин, она не поняла причин его иронии. А он не собирался о них распространяться.

— Ладно, дальше.

— Вскоре после моего прибытия в столицу ваши старшие братья заключили союз между собой, — продолжила девушка, — После убийства Нёнмина и расширения свиты первый принц Веймин увидел в вас угрозу. О том, что вы утратили силы, он не знал: ни я, ни принц Сяолун не говорили ему об этом. Те детали плана, которые были завязаны на эту информацию, мы обсуждали между собой за его спиной. Ему был нужен только результат.

— И что же это за результат? — осведомился Даниил, — Моя смерть?

Сюин посмотрела на него удивленно:

— Принц Веймин всегда был против того, чтобы соперничество братьев за статус наследного принца доходило до крови. Он не только не стремится к этому сам, но и не простил бы принца Сяолуна, если бы тот решился пролить родную кровь.

«Да-а? А с Миншенгом что было?» — мысленно вознегодовал юноша.

Но вслух лишь спросил:

— В чем же тогда была цель?

— Опозорить вас. Разрушить вашу репутацию. Выставить слабым и некомпетентным. И через то вывести из борьбы. Если бы все узнали, что вы проиграли заклинателю на пять

рангов ниже, это стало бы сильным ударом по вашим позициям. Но если бы после этого принц Веймин спас вас, с легкостью победив противника, с которым вы не справились, то после этого вы навсегда остались бы в его тени.

— Только что-то не вышло у него «с легкостью», — усмехнулся Дан.

Несколько секунд он изучал лицо девушки, пытаясь понять, не обманывает ли она его, пытаясь показаться безобиднее, чем есть на самом деле. Увы: он прекрасно понимал, что в искусстве притворства ему нечего и думать тягаться с той, кто обучалась искусству придворной интриги с самого детства. Сюин могла врать или говорить правду, и он сознавал, что не может быть в этом уверен.

И тогда он сделал то, что обычно и делают люди, когда не могут или не хотят установить объективную истину.

Выбрал ту версию, которая ему больше понравилась.

— Похоже, что Сяолун переиграл и использовал и тебя, и Веймина, — указал юноша, — Ты ведь ничего не знала про черный клинок Шехунгуая? А уж Веймин и подавно. Он пришел за легкой победой, но судя по тому, что я увидел, когда мы выбежали в пещеру, продлись поединок еще чуть дольше, и Миншенг убил бы его. Как думаешь, сколько бы после этого прожили мы с тобой, если бы нам не удалось освободиться?

Девушка задумалась над этим и заметно поежилась.

— Вы — где-то до этого момента, — честно ответила она, — А я гораздо дольше. Второй принц уже намекал мне на то, что намерен стать королем, сделать меня своей супругой или взять на свое ложе. Но я никогда не думала, что ради трона он может зайти так далеко. Если он действительно вручил Миншенгу черный клинок, то получается, что по его плану оба его брата должны были погибнуть в пещерах Йинчен.

Дан хмыкнул:

— Человек, с рождения чувствующий себя бракованным, готов на многое ради того, чтобы встать наравне со здоровыми, с теми, кому он привык завидовать. Поверь мне. Я знаю.

— Я тоже, — откликнулась Сюин.

Повисло тягостное молчание. Казалось, каждый из них безмолвно обдумывал степень её вины. Даниил не сомневался, что даже если он заставит её подтвердить свои показания перед королем, Сяолун останется безнаказанным. Второй принц был не из тех, кто подставлялся. Наверняка и связь с клинком Шенхунгуая нечем доказать, и Миншенг «вот как раз недавно прекратил с ним всякое сотрудничество и теперь действовал по своей инициативе». А от слов всегда можно отказаться, особенно если они сказаны преступнице из мятежного клана.

— Теперь ты знаешь все, — сказала Сюин, неожиданно вновь перейдя на «ты», — И моя судьба в твоих руках. Я знаю, что хоть и не осознанно, я стала участницей покушения на членов королевской семьи. Ты можешь забрать мою жизнь, если захочешь.

Она пыталась говорить спокойно, сдержанно и с достоинством, но голос её дрожал и срывался от страха и сдерживаемых рыданий.

— Однако я прошу тебя. Пожалуйста, принц Лиминь. Прости меня.

Когда девушка смотрела на него таким умоляющим взглядом, Даниил никогда не находил в себе сил отказать. Даже зная, что это глупо, даже понимая, что из него выют веревки, он все равно всегда смягчался и приходил на помощь.

И все-таки сейчас возмущение так и лезло из него.

— «Прости меня»? Серьезно? Мы что, в детском саду? Ты подставила меня и

участвовала в интригах против меня. Ты могла не знать, что в итоге мы с Веймином должны были погибнуть, но не могла не знать, что в рамках вашего плана умирали и другие люди. И теперь ты думаешь, что извинилась, и все забыто? Что тебе сойдут с рук твои преступления, потому что ты извинилась?

— Я так не думаю, — печально ответила Сюин, — Я знаю, что мне ничего не сойдет с рук. Я знаю, что заслужила смерть. И почти наверняка умру. Но я не хочу умирать. И поэтому все-таки прошу о прощении.

Отчаяние и обреченность в голосе девушки показались Дану ушатом холодной воды, остудившим пламя его гнева. Слишком хорошо были ему знакомы эти нотки. Слишком хорошо он сам помнил, что это такое: знать о неизбежном смертном приговоре и все-таки в глубине души надеяться на чудо.

Надеяться, что на очередном обследовании врач неожиданно скажет, что неизлечимая болезнь вдруг дала ремиссию.

Надеяться, что вопреки всему здравому смыслу безжалостный принц вдруг сжалится над заговорщицей из мятежного клана.

«Ты понимаешь, что тобой манипулируют?» — спросил он сам себя.

Вообще-то, он не был в этом так уж уверен. То есть, если бы она знала его историю, то несомненно, ее тон не мог бы быть случайностью. Но принц Лиминь отличался от него. Просить о милосердии третьего принца, одного из сильных мира сего, где жизнь человеческая стоит так мало, — это действительно больше походило на жест отчаяния.

И Даниил снова почувствовал себя моральным уродом, мучающим бедную девушку. Пусть даже она заслужила это, разве так велика была её вина? Доведись ему захватить Сяолуна или Миншенга, и он (по крайней мере, он на это надеялся) не сомневался бы. Нс второй принц несомненно останется в стороне, а Миншенг принял легкую и быструю смерть, от копья и меча, как подобает заклинателю царства Шэнь.

Справедливо ли было, чтобы юная девушка, не стоявшая за организацией заговора и не убивавшая людей собственноручно, приняла кару вместо них?

И справедливо ли, чтобы за все за это так никто и не понес ответственности?

Сюин молчала, дрожа и ожидая своей судьбы. Едва ли она имела представление о его размышлениях на темы справедливости и ответственности, — а также об эмоциях, за ними стоявших.

Гнев, обида, жажда возмездия, призывавшие не простить, не спустить, боролись в нем с состраданием и элементарной человечностью, не позволявшими хладнокровно обречь на смерть юную девушку.

А выиграло, к его удивлению, что-то вообще третье.

— Что ты делаешь?! — удивленно и чуть испуганно воскликнула Сюин, когда Дан неожиданно перегнул её через колено.

— Я не возьму твою жизнь, — ответила он, — На этот раз. Я даже не выдам твоего участия в заговоре. Но сегодня я преподам тебе урок, который ты запомнишь надолго.

Говоря это, он решительным движением стягивал с неё сяку. Нежнейшая аристократическая кожа восхитительной попки покрылась мурашками, когда девушка попыталась вырваться, перевернуться...

...но он был сильнее.

— Пусти! — возмутилась Сюин, — Ты представляешь себе, что сделает мой клан, если...

Договорить она не успела. Не вступая в словесную перепалку, Дан отвесил первый шлепок раскрытой ладонью, и наследница Фен взвизгнула от боли и неожиданности.

Даниил уже знал, что в благородных семьях королевства Шэнь своих отпрысков никогда не пороли. А если точнее, то все телесные наказания, заслуженные ими, получал личный слуга, прислуживавший им всю их сознательную жизнь, — например, для Лиминя таковым был евнух Вон. Поэтому для Сюин подобный поворот был попросту невыносим.

И может, именно поэтому её попка оказалась такой чувствительной. Хотя Дан бил не так уж сильно, — в своем нынешнем теле он вполне мог бы и покалечить, — с каждым шлепком наследница Фен вскрикивала, дергалась и упрямо старалась не заплакать. Вырваться она больше не пыталась: то ли поняла, что это бесполезно, то ли согласилась, что порка все-таки лучше казни.

Дан же заставил себя признать, что ему это нравилось. Хотя и никогда не желал он быть тем, кто получает удовольствие от чужой боли, что-то неуволимо приятное было в том, чтобы чувствовать, что эта красotka — в его руках. Что это его выбор и его желание.

Постепенно Сюин успокаивалась, приноровившись к новому ощущению. Она уже не порывалась заплакать; напротив, Дан почувствовал, что тело ее слегка расслабляется. К тому времени и его гнев начал понемногу спадать, так что в какой-то момент, отвесив очередной шлепок, он задержал руку, ласково поглаживая девушку.

— А это все еще наказание? — игриво осведомилась она, искоса глянув на него.

Даниил усмехнулся, слегка массируя чувствительное место внизу спины.

— А это зависит лишь от того, чем это считаешь ты сама.

Он гладил её и ласкал, откуда-то точно зная, что после недавней порки это составляет приятный контраст. Сейчас её тело было особенно чувствительно — как к боли, так и к удовольствию.

И он бессовестно этим пользовался.

— Не хочешь развязать меня? — осведомилась девушка, красноречиво шевельнув связанными руками, — Раз уж мы сменили тон.

— Не хочу, — откликнулся Дан, — Сегодня ночью ты моя пленница. Моя прелестная заговорщица...

Как раз на этих словах его рука скользнула ей между ног. Раскрытой ладонью он потирал её самые потаенные места. Дразня и возбуждая, он то поглаживал её, то слегка надавливал пальцами. Фен Сюин окончательно расслабилась, полностью отдавшись его рукам, и частое дыхание и живительная влага говорили о её реакции лучше любых слов.

— Только помни, — предупредила она, прикрывая глаза, — Моя девственность все еще табу. Её я отдам лишь наследному принцу или уже королю.

В ответ на эти слова что-то темное в душе Даниила так и подначивало его сказать, что это не её выбор, и овладеть ею прямо здесь и сейчас... Однако этот порыв он все-таки удержал в узде.

— Что ж, с нею немножко подождем, — ответил он, находя особенно чувствительную точку, — Потому что как раз сегодня, стараниями своих братьев, я принял окончательное решение.

Ухмыльнувшись, он склонился к наследнице Фен и прошептал ей на ушко:

— Я стану наследным принцем.

— Я стану наследным принцем, — повторял Сяолун, невидящим взором уставившись в

зеркало.

Стоило ему избавиться от бесполезного идиота, сбежавшего из пещер под горами Йинчен, как появились другие новости, приведшие его сперва в бешенство, а затем в протрацию.

Похоже, что Фен Сюин предала его. Осведомители видели, как она входила во дворец Чиньжу в позднее время суток. Похоже, что даже зная, что младший брат утратил свои силы, она все равно поддалась его напору. Вместо того, чтобы стать униженным изгоем, как предполагал их общий с Веймином план (или трупом, как предполагал его собственный), Лиминь получил славу героя, победившего демона и спасшего наследницу Фен. Такому герою — еще бы она не уделила своего внимания.

Впрочем, это хоть и задевало гордость второго принца, было совсем не критично. Лиминь оставался уязвимым, а значит, его слава хрупка и легко разрушится под новым ударом.

Хуже другое было.

В ту же самую ночь, когда первый и третий принц вернулись из гор Йинчен, городская стража провела масштабный рейд. Десятки торговцев, работавших на дворец Хуаджу, были арестованы. Всех вместе их собрали в городской управе и там пытали, добиваясь ответа на один-единственный вопрос.

Как в руки бродячего заклинателя Миншенга попал демонический клинок Шенхунгуая.

О, нет, Сяолун не опасался, что кто-то из торговцев сдаст его. Второй принц был умен и никогда не клал все яйца в одну корзину. Городская стража знала о торговцах, на которых держалось его богатство. Проведя тщательное расследование (ха, когда это стража таким занималась?), она могла бы узнать о бандитах, что держали в узде их конкурентов. Но колдовские реликвии, дававшие решающее преимущество над братьями, Сяолун получал от совершенно других людей. Торговцы не могли их сдать, потому что сами о них ничего не знали.

В этом плане он был спокоен, это верно. Однако столь массовый арест означал, что первый принц догадался, что черный клинок в руках бродячего заклинателя не был случайным совпадением и неучтенным фактором. Веймин понял, что Сяолун хотел убить его, — и неизбежно бросит ему вызов, как только оправится от ран.

Несомненно, Сяолун знал и главную слабость старшего брата. Слишком сентиментально относящийся к кровному родству, он не решится убить его, даже имея на то все основания. Веймин не стал бы сражаться до смерти, и для любого заклинателя клана Шэнь поединок с ним был бы лишь поводом стать сильнее.

Но не для Сяолуна.

Странный врожденный дефект, нелепая причуда судьбы закрывала ему путь к развитию, столь очевидный для любого заклинателя. Чего будет стоить ему гнев старшего брата? Еще одной ноги? Руки? Глаза? Или сделает его калекой?

Горечь и обида на несправедливость мироздания охватывали его с такой силой, что эти мысли Сяолун мог обдумывать лишь наедине с самим собой.

— Я стану наследным принцем.

Да. Он не мог сдать. Он должен был идти до конца. Потому что пусть бракованный, пусть отцовское разочарование, — но он был заклинателем Шэнь, а это нечто большее, чем права крови и магические знания.

Заклинатели Шэнь всегда принимали вызов.

Вернув на лицо уверенное и невозмутимо-доброжелательное выражение, Шэнь Сяолун вышел во внутренний двор своего дворца. Вооруженные слуги, общим числом в семьдесят человек, уже выстроились перед ним. Прекрасно вышколенные, наделенные оружием из железного дерева и заговоренными лично вторым принцем защитными талисманами, они могли стать его силой.

Они могли противостоять если не самому Веймину, то по крайней мере, городской страже и слугам дворца Яньву.

— Вы знаете, что нет на свете никого, кто любил бы моих братьев сильнее, чем я, — начал свою речь принц Сяолун, — И никто сильнее, чем я, не стремился избежать кровопролития. Однако моя любовь, мое доверие были брошены мне в лицо. Вероломно схватив и подвергнув пытке наших друзей, принц Веймин показал свое истинное лицо. Ведь верно сказал мой младший брат: каждый из принцев несет ответственность за служащих ему людей, и удар по одному из них — это прямой вызов для него.

Одобрительные слова отца на речь Лиминя до сих пор звучали в ушах второго принца. Произнеся перед королевским двором какую-то чушь, рассчитанную на простонародье, младший брат заслужил слова, что понимает суть правления, — оценку, что по праву принадлежала Сяолуну!

Но сейчас это было неважно. Сейчас демонстративное согласие с третьим принцем могло воодушевить слуг перед тем, что им предстояло.

— Принц Веймин бросил мне вызов, и я приму его. Сегодня ночью мы возьмем штурмом дворец Яньву.

Второй принц не желал доводить до этого: власть не берут грубой силой, её берут аккуратно и осторожно, умело отсекая все возможные проблемы. Превращая врагов в союзников, заботясь о репутации и пряча от всех каждый недостойный шаг, — только так можно было стать великим. В этом была истинная суть правления.

Но сейчас выбора не было. Единственный шанс одолеть первого принца без потерь — это действовать на опережение. Этой же ночью ворваться во дворец, перебить охрану и самому бросить ему вызов. Одолеть его в честном поединке — и не проявить глупого милосердия, недостойного короля.

Только так.

И вот, теперь семьдесят вооруженных слуг дворца Хуаджу готовы были выступить на дворец Яньву. В дороге к ним должны были присоединиться еще и с полсотни бандитов и наемников, официально не входивших в свиту второго принца. Все, что оставалось, это отдать приказ.

И Сяолун готов был это сделать, когда почувствовал, что что-то не так. Слишком уж густой туман окружает стены дворца.

И постепенно начинают светиться мертвенным зеленым светом символы на бумажных талисманах, ограждавших дворец от проникновения в бестелесной форме.

— Лиминь? — громко воззвал Сяолун, — Это ты? Проявись! Войди и прими мой вызов!

Превращение в туман было сложнейшим, но и самым любимым трюком младшего брата. Когда-то именно за счет него Лиминь искалечил его в дружеском поединке, в обличье тумана проникнув через тучи магических стрел и проявившись одновременно с жестоким ударом в колено. Сяолун не сомневался, что сейчас брат принял это обличье намеренно, чтобы больнее унижить его.

Однако ответом ему был странный, потусторонний смех, доносившийся, казалось, со

всех сторон.

А затем талисманы на стенах вдруг вспыхнули синим магическим огнем. В одно мгновение защита, окружавшая дворец, рухнула.

Первый и третий принц действовали бок о бок!

— Выстроить стену щитов! — приказал Сяолун, — Защищайте меня!

Откуда-то сверху на копья из железного дерева обрушилось чудовище, напоминающее жабу размером с доброго быка. Стальной язык скользнул по рядам вооруженных слуг, разрывая в клочья сразу троих, вместе с доспехами и одеждой.

— Держите оборону! — крикнул второй принц, — Это демоны! Мои братья призвали демонов!

Никогда он не думал, что благородный принц Веймин может опуститься до подобного. Лиминь — тот, напротив, давно интересовался призывом демонов, да только какой демон станет служить заклинателю, утратившему почти все духовные силы?

Или их потеря как раз и была побочным эффектом от подчиняющего заклятья?

Еще пятеро пали жертвами демона-жабы, прежде чем заклинание Священного Древа возымело действие. Копья и дубинки, которыми вооруженные слуги до сих пор бессильно молотили демоническую шкуру, загорелись янтарным сиянием, и очень скоро демон-жаба отправился в ту Преисподнюю, из которой и выполз.

Однако на этом атака не закончилась. Едва остатки развоплощенного злого духа развеялись, как дым, во дворце Хуаджу вдруг резко стало темнее. Светильники продолжали гореть, но казалось, их свет не может пробиться сквозь удушливый мрак, заполнявший дворец.

А затем из мрака соткался отчаянно-белый силуэт. Был он худым и очень высоким: никак не меньше четырех метров. Костлявая рука потянулась к стене щитов, — и сразу десять человек рухнули на землю, иссыхая на глазах. Сам Сяолун спасся, вовремя выставив магическую защиту, но очевидно было, что протянет она недолго.

Существо подошло ближе, и второй принц понял, что оно представляет собой гигантский, выбеленный скелет. Из книг в Королевском Архиве Сяолун знал, кто перед ним.

Байгу-цзин, Дух Белой Кости.

— Задержите её! — приказал Сяолун, — Выиграйте мне время!

Закрываясь магическим щитом от мощных демонических энергий, окружавших злого духа, принц бросился к своему ритуальному залу, оставляя за спиной обреченных слуг.

Все они погибнут, но может быть, времени, пока дух расправляется с ними, хватит, чтобы подготовить талисман изгнания.

В своем ритуальном зале Сяолун чувствовал себя в относительной безопасности. Демону потребуется время, чтобы взломать защиту. Он должен успеть.

Он чувствовал себя в безопасности, пока не услышал уверенный голос за спиной:

— Замри.

Не было никакого заклятья, никакого возмущения магических энергий. Но почему-то Сяолун неожиданно почувствовал, что не может пошевелиться. Как будто голос неведомого визитера лишал всякой воли к сопротивлению.

— Что происхо... — начал было принц, но голос оборвал его:

— Молчи.

И снова сопротивляться приказу было невозможно. Язык как будто отнялся, мгновенно онемев, позволив лишь беспомощно мычать.

— Вот и все, Сяолун, — рассуждал тем временем визитер, — Ты долго пытался убежать от своей судьбы... Но в конечном счете она тебя настигла.

Повинуясь короткому заклинанию, с потолка упала деревянная табличка, украшавшая ритуальный зал.

«Дано, что взято
Твоей рукой и волей
Отрицай Судьбу»

Прочитав эту надпись, гость развеселился:

— Ты всегда был наивен и амбициозен, юный принц. Отрицать Судьбу? Ты следовал ей с самого рождения. Твоей судьбой никогда не было побеждать. Отступить, выждать, остаться в стороне — вот он, твой путь. И ты думал, что такой человек, как ты, может стать королем?

Он рассмеялся:

— Нет, мой мальчик. Твоей судьбой всегда было и будет — подтолкнуть своих братьев к тому, чтобы они исполнили свою роль до конца. Сам ты не нужен ни мне, ни этому миру. Просто когда-то ты исполнял свою роль, пытаясь стать королем. Но сейчас лучшее, что ты можешь сделать... это умереть.

Сломав об колено табличку, он продемонстрировал обломок принцу:

«Судьба».

Сяолун перевел взгляд на лицо собеседника, желая увидеть хотя бы, кто посмел говорить с ним в таком тоне, и лишь приказ молчать не позволил ему закричать от отчаяния.

Этого не могло быть.

Этого не могло быть.

Этого не могло быть.

Эта мысль навязчиво стучала у него в голове, как безумная мантра. Но увы, она не могла изменить реальности.

Второй принц уже не видел, как обхватили его тело водяные оковы, — в этом не было нужды, ведь он и так не мог пошевелиться. Он уже не видел, как в полумраке ритуального зала сверкнул волнистый кинжал.

Когда лезвие вонзилось ему в живот, это было почти не больно.

Глава 11. Яблоко

На следующее утро настала пора прощаться.

Из столичного поместья клана Фен за Сюин прислали группу слуг с паланкином. По приказу Дана их пропустили во внутренний двор дворца Чиньчжу, и одетая в синее, расшитое серебром шелковое платье, наследница Фен величаво выходила им навстречу.

Ни она, ни Дан ни словом, ни жестом не выдавали того, что произошло этой ночью. Напротив, прощались они церемонно, по всем правилам местного этикета. Хотя Дан не отказал себе в удовольствии добавить к ним кое-что, позаимствованное из традиций родного мира.

Провожая Сюин к паланкину, он осторожно взял её за руку и чуть коснулся губами изящного запястья. Поцелуй был коротким, мимолетным, но по бархатистой коже девушки прокатились мурашки.

— Для меня будет счастьем вновь принять вас в своем дворце в любое время, когда вы того пожелаете, — чувственно (как он надеялся) произнес Дан.

Щеки заклинательницы слегка покраснели; то ли эти слова, то ли невинный по земным меркам жест явно показали ей более откровенными, чем самому юноше. Но не сказать чтобы он был этим так уж недоволен.

Уж очень очаровательна была смущенная Сюин.

— Для меня будет честью вновь быть вашей гостьей, Ваше Высочество, — пропела девушка, — Но радость будет десятикратной, если причиной к тому станет ваша победа.

Намек такой сделала. «Ты пока никто и звать никак, но если и вправду станешь наследным принцем, я, так и быть, обращу на тебя свое внимание».

Как ни смешно, Дана это вполне устраивало.

— В таком случае, постараюсь не разочаровать вас, заклинательница Фен, — откликнулся он, — До новой встречи, и да будут Светлые Небожители благосклонны к вам.

— До новой встречи, мой принц.

Даниил заметил, что погружаясь в паланкин, девушка жестом приказала служанке подложить ей еще одну подушку. Кажется, сказывались последствия недавних событий. Но подробности того, как она на этой подушке устраивалась, скрыла от него задернутая шторка.

Наследница Фен явно не хотела, чтобы кто-то слишком глазастый сделал выводы, ЧТО произошло этой ночью.

Сопровождаемый гортанными выкриками «Дорогу заклинателю клана Фен!», паланкин скрылся из виду. И теперь настало время уделить внимание куда более неприятным и печальным вопросам.

Служанку Жу Даниил нашел в западном крыле дворца Чиньчжу. Как он узнал еще вчера, после того, как страховочная группа привезла тело девушки с озера Джиндзи, лекарь Бо сумел грамотно обработать рану, не допустив ни гангрены, ни смерти от кровопотери. Иссекать поврежденную ткань не понадобилось: водяное заклятье Миншенга оставило на удивление ровный срез, наводящий на странные мысли не то о лазерной хирургии, не то о световых мечах из «Звездных войн».

К сожалению, восстановить руку девушки лекарю было не по силам. Прогрессивный для своего времени, лекарь Бо все-таки оставался средневековым врачом, чьи возможности не выходили за рамки традиционной китайской медицины.

Уж точно он не был богом.

Дан к этому статусу был гораздо ближе, — не столько из-за знаний современной медицины, сколько из-за возможностей заклинателя клана Шэнь. Сотворив Дыхание Жизни, юноша почувствовал, что сможет отрастить ей новую руку... за несколько месяцев, а то и лет — смотря как будут обстоять дела с энергией. И потом еще неизвестно сколько времени потребуется на восстановление подвижности.

— Евнух Вон, — не оборачиваясь, обратился Даниил к главному слуге.

— Да, Ваше Высочество.

После событий на озере Джиндзи евнух старался не обращаться к нему первым, не попадаться лишней раз на глаза и всегда именовал «Высочеством». Похоже, хоть он тогда и выполнял недвусмысленный приказ, главный слуга все же стыдился того, что не попытался защитить своего господина при похищении.

Хотя напади они тогда на бродячего заклинателя, полегли бы все. Так же, как несчастный евнух Цзе, первый на опыте Дана его человек, погибший по его вине. Человек, которого он даже не запомнил толком в лицо и едва ли сходу узнал бы среди одинаково обритых вооруженных слуг дворца Чиньчжу.

— Составь список работ по финансовой и административной части, на которые тебе пригодится новый помощник. Необязательно прямо «необходим», но будет полезен. Затем протестируй служанку Жу на предмет того, справится ли она с ними. В общем, найди для нее работу во дворце, которую она сможет выполнять, пока не отрастет рука.

— Но Ваше Высочество... — смешался Вон, — Правила дворца требуют, чтобы служанка, понесшая видимое увечье, покинула дворец и вернулась к своей семье. Так установлено для всех дворцов клана Шэнь со времен короля Цуйгаоцзуна.

— Значит, установим по-новому, — ответил Дан, — Ни один мой человек, пострадавший из-за меня, не будет мною брошен. Погибшим будут обеспечены достойные похороны и компенсация семье. Раненым и больным — лечение всеми доступными средствами, включая магические. Нетрудоспособным — жилье и содержание на время реабилитации. Запомни это и передай другим. Будем называть это «базовый соцпакет».

Честно говоря, в переводе на местный диалект понятие родного мира звучало так, что язык сломаешь, пока выговоришь. Но ничего, пусть привыкают.

Даниил не ставил целью превратить этот мир в подобие своего, но хотя бы с некоторыми явлениями, очевидными для человека двадцать первого века, местных познакомиться стоило.

Хотя бы попытаться.

— Милость ваша безгранична, Ваше Высочество!

Несмотря на слабость, служанка Жу все-таки неловко поднялась на ноги и в пояс поклонилась ему. Поклонилась и молчаливая Мэй, благодарная за доброту к сестре.

И Дан почувствовал, что начинает к этому привыкать.

— Но Ваше Высочество, необходимо следовать традициям, — отчаянно возразил евнух Вон, — Демонстративное пренебрежение ими может испортить вашу репутацию в глазах знати и лично Его Величества.

Что тут можно было ответить? Ну, разве что обратиться к любимым книгам родного мира. Даниил обернулся к Вону, посмотрел на него в упор и коротко спросил:

— Я здесь принц или хрен собачий?

И пусть хоть кто-то в этом мире выскажет ему за плагиат.

— Разумеется, вы принц, Ваше Высочество, — главный слуга явно воспринял риторический вопрос всерьез.

Интересно, тут вообще знали понятие «риторический вопрос»?

— Простите меня. Я заслуживаю смерти. Я немедленно приступлю к выполнению ваших приказов.

— Хорошо, — кивнул Дан, — Если вдруг я забуду, напоминай мне раз в неделю приходить для повторной практики Дыхания Жизни. Передай служанке Лю, чтобы вела дневник своего самочувствия и сдавала лекарю Бо. Если появятся какие-либо признаки истощения, немедленно говори мне.

Он уже знал, что их совместные ночи способствуют более быстрому восстановлению его духовных сил: отработанные до уровня рефлексов практики Шэнь Лиминя делали его в какой-то степени вампиром или скорее инкубом. Изю всех сил Даниил старался быть предельно аккуратным. Но все равно очень опасался, что однажды заберет слишком много и навредит девушке.

В этом плане вдвойне забавно, что вчера от Фен Сюин он не получил ни капли энергии. И дело было даже не в отсутствии проникновения: просто заклинательница контролировала собственное духовное ядро и не собиралась делиться силами с кем попало. Возможно, в силу большей развитости ядра Дан и смог бы забрать у нее энергию насильно, но он не стал пытаться этого делать.

После посещения раненой Даниил собирался направиться в библиотеку дворца Чиньчжу: так уж вышло, что пока что он не успел уделить ей должное внимание. Однако его планам не суждено было сбыться.

Выйдя во внутренний двор, он услышал шум у ворот.

— Пустите! Это срочно! У меня срочное дело к Его Высочеству!

Заинтересованный, Даниил вышел к внешним воротам и увидел прелюбопытную картину.

Двое вооруженных слуг из новеньких стояли, скрестив мечи, и силились не пустить рвущегося на территорию пятнадцатилетнего подростка. Сила определенно была на их стороне, но вот упорство и решимость — скорее на его. Еще бы немного, и дошло до открытого конфликта.

— Что здесь происходит? — осведомился Дан.

— Ваше Высочество! — отчаянно крикнул Куан, — Прошу, выслушайте меня! Это срочно! У меня не было времени дожидаться...

Дан жестом приказал ему замолчать, совсем не желая, чтобы мальчишка прокричал на всю улицу имя связной. Кажется, секунды спустя понял это и Куан.

— Молодой господин, — поклонился один из евнухов, — Человек извне пытается проникнуть на территорию дворца. Нам применить силу, чтобы выдворить его?

— Нет, — покачал головой Дан, — Пропустите его. Его семья под моим покровительством.

Это уж точно звучит благороднее, чем «Я сплю с его сестрой».

Только когда Куан прошел на территорию дворца, Даниил осведомился:

— Информация конфиденциальная?

Судя по взгляду мальчишки, вопрос остался непонятым.

— Ну, нужно ли держать её в секрете от всех, кроме нас? — попробовал пояснить Дан.

В ответ Куан махнул рукой:

— Да какой там секрет! Скоро весь город будет знать! Потому я и поспешил сообщить вам раньше, чем весть распространится!

— Тогда рассказывай прямо здесь, — ответил Дан, жестом подзывая евнуха Вона и шаманку Панчён.

Несколько секунд мальчишка потратил на то, чтобы отдышаться, — и, как показалось Даниилу, заодно чтобы придать себе важности и пафоса. А затем коротко выдал:

— Второй принц Шэнь Сяолун умер.

«Как умер, я не давал такого распоряжения!» — мелькнула неуместная мысль. Подумав, однако, что «Служебный роман» в королевстве Шэнь никто не смотрел, Даниил ограничился более коротким вопросом:

— Как это случилось?

— Никто не знает, — ответил Куан, — Говорят, что ночью на дворец Хуаджу было совершено нападение. Никто не видел, кто это был: стены дворца укрыл густой туман. Все его обитатели перебиты. Одни говорят, что нападали злые духи, другие — что группа сильных заклинателей или даже сам Чонли, Владыка Небесного Огня.

— Первый принц?.. — высказал первую версию, что пришла на ум, Дан.

— Он сейчас там, — сообщил мальчишка, — Вместе с городской стражей расследует происшествие. Это был точно не он, господин. Принц Веймин всю ночь провел в доме лекаря Бокина. Его многие видели.

«Значит, Веймин, как и Лиминь до меня, не включил лекаря в свою свиту... Не очень практично само по себе, но неожиданно полезно, когда нужно обеспечить алиби...»

— Хорошо, — кивнул Дан, — Ты правильно сделал, что рассказал мне. Я подумаю, как на будущее обеспечить экстренную связь. Сейчас сделаем так.

Он обернулся к евнуху Вону:

— Найди ему провожатого и пусть отведет к служанке Лю.

Снова обратившись к Куану, он пояснил:

— Официальная версия для общественности: ты пришел по делу, связанному с твоей семьей. Сам придумаешь, по какому, но поставь в известность сестру и отца, чтобы они могли подтвердить. Ни к чему людям знать, что ты снабжаешь меня информацией. Проведи какое-то время с Лю, затем возвращайся домой. До вечера веди себя тише воды, ниже травы; затем у меня будет для тебя ворох поручений. Во-первых, ты должен распустить побольше слухов о том, что сегодня сама наследница Фен была у меня в гостях, нанеся поздний визит, чтобы выразить благодарность за спасение из плена. Только аккуратно, не подпортить ей репутацию. Тем, кто будет болтать, будто Сюин лишилась невинности, клан Фен и отомстить может.

Да и просто это было бы непорядочно по отношению к даме.

— Далее. Ты должен будешь узнать обо всем, что говорят в связи с убийством принца Сяолуна. Все версии, даже самые фантастические. Если будут спрашивать твоего мнения: принц якшался со злыми духами, вселяя их в черные клинки, и одна из сделок обернулась против него. Пусть эта версия распространится, но не в ущерб другим: узнать возможные варианты для нас важнее. Кроме того, мне нужна информация обо всех заклинателях, кому хватило бы сил совершить это нападение, кто находится в Тянконджичене. Представители кланов, бродячие заклинатели с репутацией, приближенные Его Величества... И так далее. После того, как посетю место преступления, я передам тебе через служанку Ликин уточненный запрос.

— Да, господин.

Когда Куан в сопровождении евнуха Юна направился вглубь дворца, Даниил обратился к оставшимся спутникам:

— Шаманка Панчён, будешь сопровождать меня во дворец Хуаджу. Твоей задачей будет тщательно проверить территорию на предмет влияния духов — любых, будь то земные духи, демоны или Небожители. Также если принц Веймин возьмет с собой черный клинок Шехунгуая, я хочу, чтобы ты украдкой взглянула на него и впоследствии высказала независимое экспертное мнение, чего от него ожидать. Евнух Вон, подготовь мне небольшую свиту, в сопровождении которой я предстану перед старшим братом. Сам не иди: у тебя будут другие задачи. Мне нужно, чтобы ты собрал максимальное подробное досье на участниц Отбора и на тех представителей кланов, что служат во дворце. Особенно меня интересует Лунь Танзин.

— Сделаю, Ваше Высочество, — кивнул Вон.

— Евнуху Паку и служанке Ликин прикажи аккуратно собрать информацию о городских контрабандистах и перекупщиках. Пример Миншенга показывает, что с подходящим оружием даже бродячий заклинатель может угрожать принцу. Возможно, кто-то слышал о том, где такое оружие можно раздобыть. Сейчас, когда принц Сяолун мертв, стоит попробовать перехватить его дела по этому направлению. Но только без ненужного риска. Никаких решительных действий без согласования со мной.

— Вы думаете, черный клинок тому бандиту отдал второй принц? — переспросил Вон.

— Я знаю, что черный клинок ему отдал второй принц, — с легкой улыбкой поправил Даниил, — Информация из надежного источника. Но об этом позволь не распространяться.

Главный слуга смешался:

— Простите, Ваше Высочество, я проявил непозволительное любопытство. Я...

— Если ты полностью исключишь из лексикона фразу «Я заслуживаю смерти» и её вариации, то сможешь выполнять мои приказы на двадцать процентов быстрее, — прервал его Дан.

На удивление, дворец Хуаджу не носил следов особых разрушений, и с первого взгляда не так уж и сильно отличался от ставшего родным дворца Чиньжу. Та же типовая планировка с тремя зданиями, ориентированными по сторонам света. Такая же высокая стена, готовая встречать любое нападение, — но почему-то не остановившая захватчиков этой ночью. Разве что сад был гораздо пышнее и красивее, и крыши зданий вместо фигуры рыбажабы, которая, как знал теперь Даниил, изображала речное божество Чи-Во, украшали деревянные статуи красивой женщины с птичьими когтями.

Даже странно, что женскую фигурку выбрал себе не Лиминь.

В первый момент Дан даже не понял, что именно казалось неправильным в открывшейся картине. Затем до него дошло: деталь, которая показалась ему странной при первом осмотре своего дворца, и к которой он успел настолько привыкнуть, что не обращал особого внимания.

На стенах дворца Хуаджу не было ни одного талисмана. Для заклинателей этого мира это был абсурд: не мог заклинатель быть настолько беспечным, чтобы не защитить свое жилище от магического вторжения. Даже бродячие заклинатели уделяли внимание этому вопросу; даже шаманка Панчён повесила слабенький талисман над порогом своей комнаты.

Сяолун не был беспечным, — скорее наоборот. И внимательнее осмотрев стену, Дан

отыскал пятна черноты, оставленной огнем через равные промежутки пространства.

Защитные талисманы приняли на себя первый удар — и сгорели без следа. Причем судя по тому, что пламя не распространилось, — практически мгновенно.

Тела умерших он нашел чуть глубже, перед самым порогом дворца. И выглядело это до того жутко, что Даниил невольно поежился.

Вооруженные слуги дворца Хуаджу лежали ровными рядами — там, где и настигла их смерть. Видно было, что они пытались сопротивляться, но также видно было и то, что их усилия были бесполезны. Это даже не было сражение: скорее избиение младенцев.

На их телах не было видно ран; одежды и доспехи остались невредимыми. Многие из слуг до сих пор сжимали в руках дубины, щиты и копья, оказавшиеся бесполезными перед погубившей их силой. Но при этом кожа и плоть сохлись, почти мумифицировавшись, лица были искажены выражением чудовищной муки, глаза вылезли из орбит, а рты навеки остались раскрыты в безмолвном крике.

По правую руку от Дана шаманка Панчён издала не то стон, не то сдавленный писк. Обернувшись к ней, юноша обнаружил, что она смотрит на открывшуюся картину широко раскрытыми глазами.

Глазами, видящими нечто незримое.

— Здесь были злые духи, — отстраненно, будто на грани транса, заявила шаманка, — Смерть. Смерть. Смерть. Смерть. Четверо их было: число смерти. Но большую часть эти людей убила одна. Она пришла собрать жатву; тот, кто позволил ей воплотиться, обещал ей четыре раза по четыре раза по четыре жертвы. Именно столько она пожрала, прежде чем освободиться и покинуть Тьянконджичен.

— Кто она? — коротко спросил Дан, — Ты знаешь?

— Байгу-цзин, — уверенно ответила Панчён, — Дух Белой Кости. Сильнейшая из четверки. Демон в четырех обличьях, о четырех жизнях и четырех проклятьях.

Даниил хотел было расспросить подробнее, но в этот момент к нему подошли несколько человек в пластинчатых доспехах, с повязками городской стражи на плечах и дубинками-мечеломами у пояса.

— Ваше Высочество, — приветствовал его один из них, и вся группа низко поклонилась. Если он и был подозреваемым, говорить это ему в лицо рядовые стражники не торопились.

Если какой-то принцип и работает в равной степени в любом из миров, то это принцип «Наше дело маленькое, пусть начальство разбирается».

— Добрый день, господа, — чуть поклонился Даниил, — Мой старший брат здесь?

Стражник, то ли бывший в этой группе за главного, то ли выбранный по принципу «кого не жалко», коротко кивнул:

— Его Высочество первый принц Веймин ждет в ритуальном зале. Он желает, чтобы мы доставили вас к нему сразу же, как только вы объявитесь.

— Здесь наши желания совпадают, — кивнул юноша, — Отведите меня к нему.

Стражник замешкался, кажется, не решаясь сказать, что требовалось.

— Только вас, — озвучил, наконец, он.

Кажется, морально готовясь умереть за дерзость. Дан все больше подозревал, что для этого мира «вызвал неудовольствие заклинателя» — это примерно столь же распространенная причина смерти, как в его родном мире — «попал в автокатастрофу».

— Ничего страшного, — заверил он, — Шаманка Панчён, осмотри окрестности на

предмет влияния духов. Постарайся выяснить хоть что-нибудь о трех других демонах. Когда вернемся во дворец, расскажешь мне все, что тебе известно. Если понадобится помощь, требуй содействия стражи моим именем. Служанка Мэй, твоей задачей будет встать у дверей ритуального зала и проследить, чтобы мой разговор со старшим братом не подслушал никто из посторонних. Евнух Ли, евнух Чжан, сопроводите шаманку Панчён; евнух Ган — ты прикрываешь служанку Мэй.

Раздав приказы своей свите, он жестом указал стражникам вести его к первому принцу.

Ритуальный зал располагался в восточном строении дворца и представлял собой просторное помещение круглой формы, без единого угла. На полу его была вырезана сложная фигура, напоминавшая лабиринт; как уже знал Дан, прихотливо изгибающиеся линии задавали гармоничный, оптимальный для хозяина дворца ток энергий внешнего мира. Высшую магию принц Сяолун творил только здесь; здесь он мог призывать духов, создавать талисманы и реликвии, возможно даже открывать порталы. В центре лабиринта само помещение ритуального зала помогало своему хозяину.

Однако этой ночью его помощи явно оказалось недостаточно. Над одной из линий ритуальной фигуры было подвешено тело молодого мужчины. Хотя Дан никогда не видел Сяолуна, фамильное сходство с первым и третьим принцами было заметно невооруженным взглядом. Стройное, худощавое тело и тонкие, изящные черты лица наводили на мысли об эльфах; темные волосы, перехваченные в нескольких местах серебряными украшениями в виде птиц, доходили до пояса. Халат второго принца имел небесно-голубой оттенок с легким зеленоватым отливом, но сейчас был наполовину залит подсохшей кровью.

Рану на развороченном животе Даниил узнал сразу же. Слишком часто он видел подобное в последние дни.

По крайней мере, для человека, не привыкшего к ритуальным убийствам, третий раз подряд — это было слишком часто.

Мгновением позже заметил он и особенность, отличавшую этот случай от картины убийства почтенного Хо. Сяолун был не просто подвешен: он был подвешен на водяной веревке; такой же, как та, которая связывала Дана и Сюин в плену у Миншенга.

— Развей заклинание. Пусть младшего брата похоронят как подобает. Он заслужил хотя бы это.

Первый принц Шэнь Веймин был все еще бледен; последствия обильной кровопотери давали о себе знать. Однако он держался твердо и шел, не шатаясь.

А еще он был зол. Это Дан ощутил четко. Хотя он сдерживал гнев, в каждом движении ощущалось что-то жесткое и холодное, каждый жест походил на безжалостный удар меча. В глубине темно-красных глаз читалось явственное намерение убить.

И как-то неуютно было от иррациональной мысли, что это намерение направлено на него.

— Я могу попробовать, — ответил Дан, изучая структуру заклинания, — Но почему ты сам этого не сделал?

Скорее всего, попытка разбить контур приведет к тому же результату, что и в случае с Сюин, — только там это было сексуально, а здесь потянет на глумление над покойником; и едва ли Веймин поверит, что младший брат просто не умел разрушать заклинания аккуратнее. Тратить на это еще один талисман Даниил определенно не собирался.

— Я мог, — согласился Веймин, — Но всегда проще и чище, когда заклинание рассеивает его создатель.

Смысл этих слов дошел до Дана через пару секунд. Оторвавшись от изучения структуры, он в упор посмотрел на первого принца:

— Ты думаешь, что это сделал я?

— А кто же еще?! — в голос беловолосого все-таки проникли рычащие нотки, — Небесная Императрица Мацзу? Владыка Драконов? Ты знаешь хоть кого-нибудь на пути Воды, кто мог бы потягаться в магии с принцем Шэнь?!

— Не кричи, — попросил Дан, — Я не знаю. Но помнится мне, что совсем недавно простой бродячий заклинатель, используя черный клинок Шехунгуая, едва не убил двоих.

Веймин мотнул головой, до побелевших костяшек пальцев вцепившись в рукоять меча.

— Не виляй, братец. Мы оба понимаем, что это не тот случай. Тот, кто напал на дворец Хуаджу, использовал демонов, чтобы расправиться с охраной. Но его собственной заклинательской силы хватило на то, чтобы сокрушить защиту дворца и легко справиться с самим Сяолуном. Бродячий заклинатель не смог бы этого сделать. Даже принеся в жертву сотню простолюдинов, как ты это проделал с Нёнмином и лекарем Хо, он не справился бы. Нет, братец. Это сделал ты. Больше никому.

— Я не убивал его, — ответил Даниил, — Говорю четко и прямо. Это не я. Я не знаю, кто это сделал. Но я всю ночь пробыл во дворце Чиньжу. Наследница Фен может подтвердить. И кстати, лекаря Хо я тоже не убивал. Его убил Миншенг.

Первый принц не отрываясь смотрел ему в глаза. Гнев во взгляде как-то слишком уж резко сменился грустью.

«У него что, биполярочка?» — мелькнула неуместная мысль.

— Когда ты стал таким, Лиминь? — печально спросил он, — Неужели вся амбиции настолько вскружили тебе голову? Я привык, что ради власти ты готов лгать и интриговать, я привык, что ты знаешься с демонами и изучаешь опасное колдовство. Все, чтобы превзойти, обойти нас с Сяолуном. Но как ты мог? Как ты мог забыть нашу клятву? Неужели обоих моих младших братьев жажда власти заставила отказаться от последних остатков чести?

«О чем была клятва-то?» — хотел было спросить Даниил.

Но четко понял, что это будет САМОЕ глупое, что он только может сказать в ответ.

— Ты можешь не верить ни одному моему слову, — холодно ответил Дан, — Но мои слова легко проверяются. В конце концов, ты командуешь городской стражей. Проверять такие вещи — твоя непосредственная обязанность. Так исполни её и расследуй это дело беспристрастно, как расследовал бы убийство постороннего тебе человека.

По крайней мере, он надеялся, что первый принц стал бы его расследовать.

— В одном ты прав, Лиминь, — так же печально сказал беловолосый, — Я тебе не верю. Если ты говоришь, что твои слова можно подтвердить, это значит лишь одно. Ты заранее об этом позаботился. Я, может быть, и не так хорош в интригах и хитростях, как вы с Сяолуном, но я все же не легковёрный дурак.

«Конечно, нет, ты тугой и недоверчивый дурак», — чуть было не ответил Дан.

Но все-таки удержался.

— Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь с теориями заговора? — спросил он вместо этого, — По-твоему, Фен Сюин стала бы врать, чтобы обеспечить мне алиби при убийстве моего брата?..

Пауза.

— Ладно, это в её стиле, — признал Дан, — Однако мы с ней не в сговоре, Веймин.

Более того, из всех трех принцев она поддерживает тебя; она участвовала в вашем заговоре по моей дискредитации, и не ври мне, что ты ничего об этом не знал!

Первый принц слегка смешался, и Даниил поспешил развить успех:

— Да, я в курсе, что вы трое задумали, и я не держу на тебя зла. На Сяолуна держал — за его фокус с похищением и подянку с черным клинком, и я с радостью начистил бы ему физиономию за все это. Но я не убивал его.

Секунду Веймин обдумывал его слова, но потом лишь крепче вцепился в меч.

— Это просто слова, — упрямо мотнул головой он.

— А что для тебя будет не просто словами? — продолжал наседавать Дан, — Если ты не веришь даже фактам? Если у тебя и Сюин меня покрывает, и даже то, что я, как ты прекрасно знаешь, утратил большую часть духовных сил, никак не мешает мне тратить их на постоянное поддержание связывающего заклинания?

— Ты прекрасно знаешь ответ, — откликнулся Веймин.

Черный клинок Шехунгуая покинул ножны столь быстро, что Даниил даже не успел заметить движение. Казалось, он просто на полмгновения моргнул, а когда открыл глаза, перед самым его лицом хищно блестело темное острие.

— Шэнь Лиминь, третий принц королевства Шэнь, заклинатель восьмого ранга, — торжественно провозгласил беловолосый, — За нарушение клятвы я вызываю тебя на поединок.

— Я отказываюсь, — немедленно ответил Дан, — Я не нарушал клятвы, и я не собираюсь драться с тобой, брат.

И тут же вынужден был податься назад, чтобы уберечь нос от широкого взмаха меча.

— Это не твой выбор, — откликнулся первый принц, — Я обвиняю тебя, и я бросаю тебе вызов. Ты можешь сражаться как воин или умереть как трус. Вот это как раз выбирать тебе.

Говоря это, он отвел свободную руку назад, и Даниил почувствовал, как в кулаке беловолосого собирается мощная магическая энергия. На какие-то мгновения подумал юноша о том, решил бы Веймин хладнокровно убить не сопротивляющегося брата...

Но проверять не рискнул.

Выставив руку в запрещающем жесте, Дан сосредоточил всю свою волю на том, чтобы не допустить к себе губительный жар. И когда вихрь ревущего пламени обрушился на магический щит, он почувствовал себя так, будто прямо перед ним открыли печку.

Но по крайней мере, не так, будто в печку сунули его самого.

Простейшее защитное заклинание позволило избежать ожогов, но поток горячего воздуха ударил подобно тарану. Подхватив, как щепку, тело юноши, заклятье Веймина впечатало его в стену ритуального зала. Наверное, будь это нормальная европейская стена, тут бы ему и конец пришел. А может, он бы сполз по ней, но остался в живых: заклинатели живучи.

Однако вышло иначе. Чертовы тонкие китайские стенки совершенно не рассчитаны на то, чтобы в них швыряли с силой пушечного ядра младших принцев.

Проломив стену своим телом, Даниил вылетел на улицу, кое-как гася энергию падения кувырком. Странно, но он не испытывал страха. Ни страха, ни посторонних мыслей. Мозг работал быстро и четко: он четко понимал, что сейчас первый принц попытается добить его, пока он не пришел в себя. На обдумывание этой мысли не ушло и мгновения.

Вслепую выставив меч, Дан принял атаку на жесткий блок. Попытался крутануть

клинок, лишая нападавшего равновесия, но разница в опыте сыграла свою роль.

Хрустнуло запястье, ломаясь под ударом первого принца. Против воли Даниил вскрикнул, чувствуя, как сломанная рука выпускает меч. А противник уже развивал успех.

Мощный пинок подбросил его в воздух. Живот пронзила острая боль. «Почки, два ребра, возможно селезенка», — промелькнула на удивление ясная мысль.

Приземлившись, Дан откатился чуть подальше, разрывая дистанцию, и немедленно зашелся в приступе кашля. На земле осталась кровь.

Какая знакомая картина.

«Ты за это заплатишь», — эта мысль была даже не выражением гнева.

Это было обещание.

Даниил ожидал нового удара, но его не последовало. Кое-как повернув голову в сторону противника, юноша увидел, в чем дело.

Между ним и первым принцем стояли двое. Служанка Мэй и евнух Ган, взяв мечи наизготовку, закрывали собой своего господина. Дан не мог видеть их лиц, но почему-то не сомневался, что читается на них отчаянная решимость. К ним на помощь уже спешили шаманка Панчён вместе с евнухами Ли и Чжаном, но спешили сюда и стражники, замыкая кольцо вокруг сражавшихся.

Впрочем, это не имело значения. В любом случае, Веймину не составит труда убить всех пятерых в одиночку.

— Отойдите, — слабым голосом приказал Дан, — Это бесполезно... Бессмысленная смерть...

Он попытался подняться, но тут же бросил эту затею. Без опоры, с одной рукой и сломанными ребрами, даже умереть стоя ему не удастся.

— Отойдите в сторону, — приказал он чуть громче.

Евнух Ган повиновался первым. За ним, неохотно и постоянно держа в поле зрения принца Веймина, последовала и Мэй.

А Дан уже не отрываясь смотрел на своего противника.

— Ты победил, братец, — криво усмехнулся он и тут же зашелся в приступе кровавого кашля, — Гордись. Можешь забрать мою жизнь, я не смогу тебе помешать. Но знай, что это будет уже не бой и не казнь преступника. Это будет лишь убийство своего брата. Человека, который спас тебе жизнь. И какие бы обоснования ты ни приводил, настоящая причина видна всем. Ты просто так жаждешь власти, что готов ради нее на все.

Веймин занес меч для удара. Казалось, черный клинок жаждет вонзиться в плоть поверженного врага и выпить его кровь. Сгустились тени, пробежали по лезвию алые искры.

А затем первый принц вдруг опустил клинок.

— Ты прав, — брезгливо бросил он, — Ты спас мне жизнь. И за это я сохраню твою... В этот раз. Но на этом мой долг уплачен. Знай, что я никогда не прощу тебе того, что ты сделал. Знай, что отныне я не считаю тебя своим братом и не считаю себя связанным клятвой. Знай, что в следующий раз, когда мы столкнемся в бою, я убью тебя.

В темных глазах читалась какая-то лихорадочность. Казалось, Веймина несло неостановимым потоком.

К черте, из-за которой нет возврата.

— Да будет так... брат, — ответил Даниил.

«Считай, что это война», — как будто говорили друг другу они оба.

И оба не собирались уклоняться от неё.

Слишком хорошо Даниил Беронин помнил то чувство беспомощности, что первый принц заставил его пережить вновь. Даниил Беронин, смертельно больной студент, терпел это как неизбежное зло. Но теперь, будучи принцем Шэнь Лиминем, он узнал другую жизнь. Он узнал, что значит быть сильным, что значит обладать властью и иметь право на свои желания.

И он никому не позволит забрать это у него.

Сейчас все преимущества были на стороне первого принца. Но мысленно Дан дал себе обещание, что это не навсегда.

Что скоро он превзойдет его. И победит в этой войне.

Он не стал обещать себе, что непременно убьет Веймина, но вполне рассматривал такую возможность. И странное дело, эта мысль не вызывала у него никакого протеста.

Он принял правила игры.

Размышления прервал новый приступ кровавого кашля.

— Если у тебя больше нет вопросов, то мы пойдем отсюда, — преодолевая боль, чуть усмехнулся Дан, — Со связывающим заклятьем уж разберешься сам, поскольку чтобы ты себе ни думал, его автор по-прежнему не я. Евнух Чжан, сейчас беги во дворец Чиньжу и распорядись, чтобы доставили паланкин, а также чтобы лекарь Бо был наготове.

Веймин хмурился, но возражать не стал. Хотя теоретически он вполне мог затруднить ему погрузку в паланкин, но видимо, счел такое мелкое вредительство ниже своего достоинства.

Принцы Шэнь предпочитали вредить друг другу по-крупному.

Первый принц развил бурную деятельность.

По его приказу городская стража перерыла весь дворец. В процессе обнаружилось четыре тайника принца Сяолуна; в одном из них нашлась даже подробная документация о его делах с контрабандистами. Некоторые из имен Веймину были знакомы: за этими людьми стража охотилась давно и плотно, но каждый раз им удавалось ускользнуть.

Оказывается, вот почему.

И много чего еще интересного или полезного нашла стража при обыске дворца. Найденное по приказу Веймина делили на две группы. То, что могло прояснить картину преступления, и то, что представляло ценность само по себе.

Второго было многократно больше.

Вернувшись в ритуальный зал и безмолвно матеря упряма Лиминя, первый принц сжег связывающее заклинание в очистительном белом пламени. В каком-то смысле он был даже рад этой необходимости.

Концентрация на заклинании помогала хоть ненадолго отвлечься от тяжелых мыслей.

Долго и не отрываясь смотрел Веймин в лицо брата. Сяолун никогда не любил свое тело. Хотя он не был ни слабым, ни больным, ни уродливым, он находил в нем все новые и новые недостатки. На самом же деле недостаток у него был лишь один, и вовсе он не в том был, что его тело не могло исцеляться, как тела Веймина и Лиминя.

А в том, что из-за этого отец никогда не смотрел на второго принца как на равного братьям. Никогда не видел в нем наследника. И никогда не любил его так же, как их.

— Прощай, младший брат, — тихо проговорил Веймин, — Пусть в новой жизни... ты будешь единственным сыном в семье. Пусть в новой жизни ты получишь всю любовь для себя одного.

После чего ладонью закрыл ему глаза.

— Прощай, Сяолун...

Отвернувшись, первый принц приказал слугам готовить тело к похоронам.

Пока были дела, требующие его пристального внимания, Веймин еще как-то держался.

Но вернувшись во дворец Яньву, он первым делом заперся в своих покоях и разрыдался.

Непобедимый первый принц плакал тихо, почти беззвучно, но горько и безнадежно.

Сквозь поволоку слез он видел картины их прежнего беззаботного детства.

Он вспоминал, как радовался известию о скором появлении младших братьев. Веймин был сильно старше остальных: с Сяолуном его разделяли восемь лет, а с Лиминем — все одиннадцать. Но несмотря на это, в детстве они трое были не разлей вода.

Он помнил, как Сяолун завидовал ему, когда отец взял его на войну с мятежным кланом Фен. Лиминь тогда еще не понимал, что происходит: он был еще слишком мал. Сяолун же знал, что война — это где старший брат сразится с врагами и покроет себя славой.

Тогда этого было для него достаточно.

Оглядываясь назад, он часто думал о том, как сильно его рассказы об увиденном повлияли на младших братьев? Может быть, не повидай он войну и не передай этот образ им, и они были бы другими?

Может быть, тогда все не пришло бы к тому, что есть сейчас?

Он вспоминал, как Лиминь, тогда еще мелкий, как обезьянка, повадился брать книги из запретных секций Королевского Архива. Смешно. Младший брат с самого детства стремился к знаниям; даже то, что он был неспособен понять в силу возраста, вызывало у него жгучий интерес. Никакие запреты на него просто-напросто не действовали. Лиминь с легкостью обманывал наставников, но Веймину всегда признавался. Даже зная, что старший брат неизбежно заставит его вернуть украденное так же незаметно, как взял.

Он вспоминал, как они, все трое, обсуждали найденное Лиминем и сравнивали с тем, что преподали наставники самому Веймину. Они долго и азартно спорили. О том, почему в каждом из прошлых поколений борьба за титул наследного принца, борьба между родными братьями в итоге оборачивалась кровью.

Почему власть становилась для предков дороже братской любви.

И тогда решили они принести клятву на крови. Клятву, что ни один из них никогда не убьет родного брата. Что бы ни случилось. В те годы Веймин, не говоря уж об остальных, не владел техникой Клятвы Заклинателя; однако никто из них не сомневался, что их чести и их любви будет достаточно, чтобы их клятва была нерушима.

Когда же все изменилось?

Может быть, через два года, когда Сяолун получил дворец Хуаджу, — и с этих пор никто из принцев больше не жил под одной крышей? Или еще через четыре, когда в учебном поединке неожиданно выяснилось, что Сяолун не только так и не сумел освоить Дыхание Жизни, но и не исцеляется, когда Дыхание Жизни использует на нем кто-то другой?

Что рана, нанесенная ему Лиминем, будет отравлять ему жизнь вечно?

А может быть, еще позже? В какой-то момент, который Веймин пропустил, — пропустил, ведь разъехавшись по своим дворцам, братья больше не были под его надзором и его опекой? Он мог даже не знать, что произошло во дворцах Хуаджу и Чиньжу, что подтолкнуло братьев нарушить их клятву.

А может быть, какого-то конкретного события и не было? Быть может, все менялось постепенно, и никто из них сам не заметил, как братоубийство стало лишь ходом в игре?

Жажда власти — это порог, что переступаешь единожды? Или же это червь, что неустанно прогрызает себе дорогу в твое сердце?

— А может быть, Лиминь сказал правду?

Безумная надежда, наивное желание верить в лучшее всколыхнулось в первом принце, когда он вслух произнес эти слова. Сяолуна не вернуть. Даже будь он жив, он дал Миншенгу меч Шехунгуая, и это невозможно было трактовать двояко. Среднего брата Веймин потерял, и это можно было только признать.

Но может быть, у него остался хотя бы младший?

Конечно же, это был бред. Других кандидатов в убийцы просто не было. Сейчас в столице было лишь семь магов, что могли справиться с Сяолуном, и кроме Лиминя, никто из них не стоял на пути Воды. Но что, если...

Что «если», Веймин не знал. Не было у него версии, способной объяснить это. Не было варианта, при котором Лиминь был невиновен.

Но вместе с тем, он чувствовал, что хочет, чтобы младший брат был невиновен.

Неужели его желания совсем не имеют значения?..

Первый принц дал себе зарок перепроверить все еще раз. Завтра. На свежую голову. Вдруг завтра он сможет увидеть нечто такое, что покажется ему очевидным, — и что ускользает от его разума сейчас?..

А пока что нужно заснуть. Это будет тяжело. Но нужно. Не бывает свежей головы у того, кто проплакал всю ночь. А способ избавиться от мрачных мыслей был давно известен.

Крепленое красное вино напоминало кровь. Сейчас, после событий последнего дня, этот образ казался зловещим. Но ничто не изгоняло мысли лучше. Забыться проще, чем забыть. Это то, что ему сейчас нужно.

Потянувшись к кувшину с вином в намерении налить себе выпить, Веймин в неосознанности задел ладонью рукоять меча. Как так получилось? Он и сам не знал. Но сомкнув пальцы на рукояти, первый принц вдруг понял, что совсем не хочет пить. После пьяного забытья всегда наступает похмелье, а ему понадобится ясная голова.

Только так он сможет придумать, как наказать брата за его предательство.

Глава 12. Фигуры

Вечером в покоях третьего принца собралась целая толпа народу.

Сам хозяин помещения возлежал на своей постели, выздоравливая после ран. Его правая рука покоилась на перевязи, грудь стягивала тугая повязка, а по всему телу были воткнуты тонкие иглы. Именно они раздражали его сильнее всего. Не потому что причиняли боль, совсем нет: лекарь Бо прекрасно знал свое дело, и иглы втыкал так, что Даниил не всегда даже это чувствовал. Однако из-за них лежать приходилось в одной позе, а все движения тщательно просчитывать. Малейший неправильный жест, малейшая попытка перевернуться, и одна из игл смещалась, поворачивалась или вовсе выпадала, после чего врачу приходилось втыкать её заново.

Делал он это с подобающим почтением на лице, хотя мысленно, Дан был уверен, костерил на все лады неугомонного пациента, неспособного лежать спокойно.

Помимо лекаря, присматривавшего за получившейся ежикоподобной конструкцией, в покоях находились участники «военного совета». Возглавлял их, естественно, внук Вон, как всегда деловитый, сосредоточенный и в этот раз даже с какой-то папкой под мышкой. Была здесь и шаманка Панчён, а с ней — все те, кто сопровождал Дана во дворце Хуаджу. Юноша не слишком рассчитывал, что они смогут сказать что-то полезное, но даже стремящуюся к нулю вероятность стоило принимать в расчет.

«Информационный отдел» представляла служанка Ликин. Она тоже прижимала к груди свиток бумаги — донесения от Куана. Обработать толком полученную информацию она не успела: с агрессией от первого принца события стали развиваться слишком стремительно.

Последней участницей была служанка Лю. Особого толку на совете от неё не было, но Дану просто было приятно её присутствие. Так что он решил, что пусть будет.

— Давайте начинать, — говорить длинные речи с иголками по всему телу было очень неудобно, но Даниил счел, что ему нужно дать хотя бы небольшую вводную, — Итак, у нас появился новый противник. Кто он, мы не знаем. Откуда он взялся, мы не знаем. Чего ему нужно, мы не знаем. Знаем мы следующее. Он напал этой ночью на дворец Хуаджу, напустил демонов на слуг, победил Сяолуна в магическом поединке, связал его магией Воды и убил, пронзив духовное ядро ритуальным ножом. Связывающее заклинание он оставил и после убийства — явно намеренно, чтобы подставить меня; это означает, что он враждебен всем принцам Шэнь. По словам принца Веймина, он победил за счет личных сил заклинателя, а не какой-нибудь реликвии вроде черного клинка. Информация нуждается в уточнении, но если это правда, это резко сужает круг подозреваемых.

Сказав это, он перевел взгляд на шаманку Панчён:

— Есть что добавить с места происшествия?

Рыжеволосая пару раз быстро кивнула:

— Тот, кто напал на второго принца, подчинил своей воле четырех злых духов. Имена всех четверых мне известны. Первым он бросил в атаку Лувейшу, демона-жабу, пожирающего путешественников, заходящих в топь. Этого духа второй принц смог развоплотить и отправить в Преисподнюю, используя технику Священного Древа. Однако следом за ним явилась Байгу-цзин, Дух Белой Кости. Она выпила жизненные силы шестидесяти четырех четырех, после чего освободилась. Оставшиеся слуги обратились в бегство. Маогуй и двухтельный Тао-Тие преследовали их, пока не сожрали всех. После этого

они вернулись к своему хозяину.

— Есть возможность отследить, куда именно они вернулись? — задал самый животрепещущий вопрос Дан.

— Была бы, если бы мы явились на место первыми, — ответила шаманка, — Сейчас личные энергии десятков людей размыли следы. Возможно, первый принц успел отследить их, но если нет, то они потеряны навсегда.

— Судя по тому, что он был уверен, что Сяолуна убил я, ничего он не отследил, — раздраженно поморщился Дан, — Так, ладно. Ты сказала, что двое из них вернулись к своему хозяину. А вот Байгу-цзин освободилась.

— Верно, — подтвердила девушка, — Байгу-цзин слишком могущественна. Даже если подчинить её колдовством, она может вырваться в любой момент. Поэтому её хозяин заключил с ней договор на четыре раза по четыре раза по четыре жертвы.

Однако не это было тем, что интересовало юношу.

— Что произошло после того, как она освободилась? Она вернулась в Преисподнюю? Или она все еще где-то здесь?

— Она все еще где-то здесь, — откликнулась Панчён.

И заметив его взгляд, пояснила:

— Я имею в виду, в Срединном мире, в царстве людей. Но скорее всего, уже где-то далеко от этих мест. Вряд ли она осталась в Тьянконджичене. Здесь слишком много сильных заклинателей, способных, при должной подготовке, пленить её или изгнать в Преисподнюю.

— Это подводит нас к следующему вопросу, — отметил Дан, оставляя уточнение деталей на потом, — Кто сейчас в столице из сильных заклинателей. Евнух Вон?

Главный слуга кивнул, раскрывая папку:

— Все заклинатели выше третьего ранга в королевстве Шэнь наперечет, и в Тьянконджичене их на данный момент всего семеро...

— Прошу прощения, поправлю, — вдруг подала голос служанка Ликин, — В столице их восемь. Куану удалось узнать, что вчера вечером, без охраны и свиты, в город прибыла Лаошу Айминь, дочь главы клана Лаошу и будущая участница Отбора.

«Совпадение? Вряд ли», — подумал Даниил.

Однако как ни хотелось ему для начала спросить о ней, он предпочел все-таки действовать по порядку.

— Расскажите обо всех восьмерых в порядке убывания сил. Евнух Вон?

Главный слуга поклонился:

— Да, Ваше Высочество. Сильнейший маг не только в Тьянконджичене, но и во всем мире — это несомненно Его Величество. Его Величество — заклинатель шестнадцатого ранга, стоящий на пути Земли. Никто из живущих не знает пределов его могущества.

— То есть, теоретически он может владеть и техниками пути Воды? — уточнил Дан.

Евнух Вон улыбнулся неуверенно:

— Ваше Высочество, немислимо говорить о том, чтобы Его Величеству было что-либо неподвластно. Однако... Никто и никогда не слышал о заклинателе, которому хватило бы целой жизни, чтобы овладеть путями двух разных первичных стихий.

Не сказать чтобы этот ответ удовлетворил Дана, однако он понял, что ничего лучшего не добьется. Поэтому он кивнул:

— Ладно. Продолжай.

— Следующий по силе после Его Величества — первый принц Веймин, заклинатель

девятого ранга, стоящий на пути Огня. О нем, полагаю, вам известно больше, чем кому бы то ни было.

Даниил поморщился:

— У меня будут о нем кое-какие вопросы, которые стоит уточнить теперь, когда наше соперничество переросло в открытую вражду. Но Сяолуна убил не он, я уверен. Дальше. За ним я?

Главный слуга чуть улыбнулся:

— Да, Ваше Высочество, за ним вы. Переходить к следующему?

— Переходи.

— Сильнейшим из заклинателей Шести Кланов, кто сейчас находится в столице, слывет Лунь Танзин, доверенное лицо Его Величества. Он заклинатель седьмого ранга, стоящий на пути Металла; хотя ходят слухи, что его подлинные возможности выше официальных. Он выполняет для Его Величества различного рода деликатные поручения. Умеет призывать, изгонять и подчинять демонов и отводить глаза. Непревзойденный мастер пути Истины и пути Грез. Создатель нескольких могущественных реликвий и умелый воин, проигравший в поединке лишь Цзао Тенгфею. Кроме того, о заклинании, вложенном в его личный талисман, ничего не известно.

— Подозрительно, — задумчиво заметил Дан.

Мог ли личный талисман дяди как-то компенсировать несоответствие стихии? Кто бы объяснил. Шаманке Панчён явно не хватало магических знаний, чтобы как-то это прокомментировать: у нее самой личного талисмана даже не было. Об остальных и говорить нечего: никто из них не был магом.

Остро нужен был настоящий наставник. Но где его взять, так, чтобы не выдать, что принц-то ненастоящий?

— Другим сильным заклинателем во дворце, — продолжил Вон, — Является правый советник Цзао Гуанли, стоящий на пути Дерева и имеющий седьмой ранг. Хотя он возглавляет клан Цзао, известный как великие воины, защищающие нашу страну от нападений варваров, но сам он более известен как администратор и бюрократ. Именно он управляет работой королевского двора. Он же оставался в роли регента, когда Его Величество покидал столицу, — но в последний раз подобное случалось более десяти лет назад. В землях Цзао и в военных походах его чаще замещает его младший брат, Цзао Тенгфей, одерживавший над ним верх и в поединках.

— Где сейчас этот Тенгфей? — уточнил Дан.

Беспокоило его, что папу Сюин настойчиво пиарят как одного из самых опасных заклинателей.

Суровый Отец Девы страшен даже без этого.

— Сейчас он управляет землями Цзао, пока советник Цзао служит при дворе Его Величества, — успокоил его Вон, — Он не приезжал в столицу, это достоверно. Иначе об этом стало бы известно.

— Ладно, в таком случае о Тенгфее ты мне расскажешь потом, — ответил Даниил, — Сейчас это не к месту. Кто следующий?

— Левый советник Чжи Чонглин, молодой господин, — ответил евнух, — Наследник клана Чжи, обучавшийся лично у Его Величества. Он молод для своей должности и полон амбиций. Заклинатель шестого ранга, стоящий на пути Земли и прозванный Хабуб за мастерство управления песком. Он близок с обоими вашими братьями; вел торговые дела с

принцем Сяолуном и участвовал вместе с принцем Веймином в походе против мятежного клана Фен, в котором покрыл себя неувядающей славой.

«И заодно кого-нибудь изнасиловал», — мысленно прокомментировал Даниил.

— Кроме того, он активно практикует призыв демонов, и даже в личном талисмানে у него заклинание Сдерживающего Круга. Однако магия Воды не просто недоступна ему: он её искренне ненавидит.

— Что не значит, что он не мог работать вместе с магом воды, — задумчиво заметил юноша, — Ладно, дальше.

— О наследнице Фен вы меня недавно уже спрашивали, — отметил евнух Вон, — Желаете, чтобы я повторил сказанное?

— Не желаю. О той, кого назвала Ликин, у тебя сведения есть?

— Да, господин, — подтвердил главный слуга, листая папку, — Как и обо всех участницах грядущего Отбора. Лаошу Айминь — третье дитя главы клана Лаошу. Ей пятнадцать лет, и она самая младшая из участников Отбора. Но несмотря на юный возраст, она уже имеет пятый ранг заклинателя... и стоит на пути Воды.

«Вот оно», — подумал Дан, чувствуя, как его охватывает охотничий азарт.

Они нашли, нашли единственного возможного подозреваемого в убийстве...

На этом его мысль резко затормозила.

«Веймин ведь наверняка думал так же».

Нужно было все тщательно проверить, прежде чем предпринимать решительные шаги.

— Что еще ты можешь о ней сказать?

— Юная Айминь сумасбродна и недисциплинирована, — сообщил Вон, — Она часто нарушает указания старших и предпринимает рискованные действия по собственной инициативе. Несмотря на её юную свежесть, я не рекомендовал бы вам способствовать её победе на Отборе и становлению невестой наследного принца.

Дан раздраженно закатил глаза:

— Я про её способности как заклинателя! Могла она подчинить себе демонов и победить Сяолуна?

— Я не смею судить об этом, — скромно ответил главный слуга, — Мои знания о совершенствовании, как и знания любого простолюдина, недостаточны. Однако мало кто из заклинателей способен одолеть противника на три ранга выше. О том, чтобы Лаошу Айминь занималась призывом демонов, также никто не слышал. Однако она носит заклинание Ледяных Стрел в своем личном талисмানে, что может дать ей преимущество в бою.

— ...но не такое уж сильное, — задумчиво закончил Дан.

— Ладно. Если это все, то вот приказ. Служанка Ликин. В следующий раз передай Куану, что меня в особенности интересует Лаошу Айминь. Мне нужно знать как можно больше о ее деятельности в столице. Не будем пока вступать в контакт, просто понаблюдаем. Самое главное — я должен знать, если она или другие представители клана Лаошу встретятся с представителями кланов Чжи и Лунь.

— Я сделаю, как вы желаете, молодой господин, — с придыханием пообещала Ликин.

Даниил сделал вид, что не заметил намеков. Странно, но в случаях с бывшей певичкой держать либидо в узде было гораздо проще, чем со служанкой Лю или наследницей Фен. Хоть она и была красива, но не было в ней чего-то такого, что сводило с ума.

— Далее. Евнух Вон. Я хочу, чтобы во всех городах и деревнях королевства Шэнь стало известно о моем желании и моем кредо. Я верю в то, что став наследным принцем, а

впоследствии королем, обязан буду защищать всех своих подданных от потусторонних сил. Недавнее поражение от рук Веймина и смерть Сяолуна заставили меня задуматься о том, смогу ли я исполнить этот долг. Посему уже сейчас я ищу битвы с демонами, угрожающими простым людям. В любом краю королевства, если жители будут страдать от демонов, они могут послать весточку во дворец Чиньчжу, и может быть, я явлюсь им на помощь.

Он перевел взгляд на шаманку Панчён:

— Я ведь верно понимаю, что если Байгу-цзин освободилась, она не сможет сидеть тихо и никому не мешать?..

Рыжеволосая несколько раз кивнула:

— Да, господин. Она будет охотиться на людей и пожирать их жизненные силы. Понемногу. Байгу-цзин осторожна; после полудюжины жертв она будет искать новые охотничьи угодья и едва ли задержится где-то дольше, чем на сезон.

— Значит, рано или поздно мы нападём на её след, — кивнул Дан.

Он прикрыл глаза — довольно, но вместе с тем устало. Все тело болело, и вторую часть совещания, посвященную войне с Веймином, он решил отложить на потом.

— Рано или поздно мы найдем её. И тогда я выясню, кто убил моего брата.

Этой ночью ему снился сон.

Даниил шел по коридорам дворца. Знакомым и в то же время незнакомым. Они были похожи на его дворец.

Но это не был его дворец.

Вооруженные слуги, незнакомые ему, смотрели сквозь него, будто не замечая. Никто не пытался остановить незваного гостя.

Никто не пытался защитить своего хозяина.

Дан подошел к дверям покоев; он помнил, что здесь его покои, но дверь была незнакомой. Никто не обратил внимания, как она открылась, пропуская его внутрь.

Обстановка покоев была совершенно незнакомой. Светлые ширмы, роспись на которых едва различалась в лиловом мраке, делили их на четыре небольших «комнаты», и из самой дальней доносился богатырский храп. Там кто-то спал, и этот факт лучше любых деталей обстановки говорил, что сейчас Дан находился не в своем дворце.

Этот факт отстраненно отметила какая-то крошечная часть его сознания. Спящий человек не интересовал его, — почему-то не интересовал. Даниил видел перед собой цель.

И не видел препятствий.

Целая комната была отведена под мини-оружейную. Были там тугой композитный лук, какой едва ли хватило бы сил натянуть обычному человеку; были огромный золоченый молот и нечто вроде алебарды с мечевидным клинком.

И мечи. Пять великолепных изогнутых мечей, в которых, даже не будучи специалистом в кузнечном деле, легко было распознать избранные шедевры лучших оружейников королевства Шэнь.

Однако Дана интересовал лишь один из них. Матово-черный клинок с семью символами, вырезанными на лезвии.

«Возьми меч... Прими меня...»

Голос, казалось, доносился внутри черепашки. В неосознанности Даниил протянул руку к рукояти, но все же заколебался.

— Шехунгуай... — тихо, чтобы не разбудить старшего брата, произнес он, — Это ведь

ты?

Ответом ему был язвительный смех.

«Ты боишься?»

— Боюсь, — легко согласился Дан, — Это странно?

«Веймин не боится. Веймин самоуверен. И скоро от него не останется ничего...»

— Поэтому тебе нужен новый носитель, — сделал вывод юноша, — Которого ты сведешь с ума и пожрешь.

Огромным усилием воли он все же смог восстановить контроль над телом, удерживаясь от рокового шага. Медленно отвел руку от рукояти меча.

«Я нужен тебе больше, чем ты мне», — ответил голос в голове, — «Один... Ты один в чужом мире. В мире, где твои ценности, твои идеалы ничего не стоят».

— Что ты знаешь о моих ценностях, — поморщился Дан.

Ему не хотелось вообще ввязываться в дискуссию с демоном, но казалось, чего-то другого в этом сне быть попросту не может.

«Я знаю о тебе больше, чем кто бы то ни было, Даня»

Даниил Беронин всегда ненавидел, когда его так называли. В родном мире каждое знакомство он начинал с просьбой называть его Дан, но не Даня. Только мало кто и вправду это делал, мало кто прислушивался к его желанию. Казалось, одно-единственное слово вернуло то чувство собственной второсортности, незначимости, что сопровождало его в прошлой жизни.

«С самого рождения ты в моей паутине. С самого рождения ты МОЙ. И вот теперь, ты в чужом мире. Один. Совершенно один. Тебе никому довериться, кроме меня!»

— Я не настолько выжил из ума, чтобы доверять демону, — откликнулся юноша.

Он слегка успокоился, вернув себе трезвость рассуждений. Если Веймин вчера обращался к нему как к брату, значит, даже узнав его секрет, Шехунгуай не выдал его. У демона были свои планы, и сейчас главное было — не попасться на них.

Вот только почему так гулко билось сердце?

Почему во сне оно так болело, как будто он вновь оказался в родном теле?

Почему над головой как будто снова тикали незримые часы?

«Кому же ты собираешься довериться? Служанке Лю, что ублажает тебя ради покровительства принца и предаст, как только увидит, что ты не принц? Евнуху Вону, который рано или поздно поймет, что в теле его господина живет другой человек? Или может, Фен Сюин, что смеется над твоими идеалами?»

Смех демона, казалось, доносился со всех сторон.

«Взгляни правде в глаза. Этому миру не нужны твои идеалы. Ему не нужен ты. Рано или поздно он отвергнет тебя и раздавит... Если ты не раздавишь его первым. Я могу помочь тебе, Даня. Я могу стать твоим учителем. Я могу стать твоей силой. Просто возьми меч. Ты имеешь на это право. Ведь это ты победил его хозяина, а не Веймин. Возьми свое по праву, и я помогу тебе сделать этот мир таким, как ты хочешь!»

— Но что будет потом? — спросил Дан, — Я не такой дурак, Шехунгуай. И повидал достаточно мошенников, чтобы знать, чего стоят такие «заманчивые предложения».

Почему-то ему показалось, что меч пожал бы плечами, если бы у меча были плечи.

«Ты не понял простой вещи. Я не делаю тебе предложений. Я лишь уведомляю. Однажды ты достигнешь того отчаяния, когда готов будешь просить помощи у демона. Потому что кольцо сжимается, и срок твой отмерен. Незримые часы тикают над твоей

головой»

По спине юноши пробежала дрожь. А Шехунгуай продолжал свою речь:

«Однажды ты увидишь, что никто не может спасти тебя, кроме меня. И тогда... Ты обратишься к моей силе. Когда поймешь, что другого выхода у тебя нет»

«Поэтому — до свидания, Даня»

Из всех категорий населения, с кем доводилось иметь дело Веймину, наибольшую антипатию у него вызывали разбогатевшие простолюдины. Силясь подчеркнуть свое превосходство над равными себе, но при этом не имея свойственного кланам природного чувства превосходства, они как правило приобретали вид смешной, нелепой и при этом отвратительной. Вычурные наряды, безвкусные украшения, среди которых настоящих и фальшивых было поровну, и самое кощунственное — оружие, не предназначенное для реального боя.

Контрабандист Ливей, сведения о котором нашлись в тайных записях Сяолуна, соответствовал этому описанию в полной мере. Синий шелковый халат был украшен перьями расписного перепела по всей длине рукава. Тщедушную грудь обхватывало три цепи — золотая, серебряная и из выкрашенной под золото латуни. Голову контрабандиста украшала высокая шляпа со свисающими фальшивыми изумрудами. Довершал образ меч с рукоятью из слоновой кости.

А также выражение лица «надулся от собственной важности».

— Я не стану утверждать, что я никогда не вел дел со вторым принцем, — задумчиво изучая ногти, выкрашенные в насыщенно-пурпурный цвет, вещал Ливей, — Однако я также не стану говорить, что продал ему...

Однако если он рассчитывал, что первый принц станет играть с ним в словесные игры, то глубоко ошибся. Ничего не говоря, Веймин повел рукой, и столь раздражавшую его шляпу охватило фиолетовое пламя.

В мгновение ока пламя пожрало её, обратив в пепел — и не затронув плоти. В испуге контрабандист провел ладонью по открывшейся лысине, — и секунды спустя заговорил четко и по делу.

— Да, я достал для него меч, Ваше Высочество. Его Высочество сказал, что меч нельзя украсть, продать или подарить, поэтому нам пришлось пойти на хитрость. Второй принц заплатил мне за то, что я позволил его наемнику избить и ограбить меня. После этого меч признал его хозяином по праву победителя.

В подтверждение своих слов он продемонстрировал застарелый синяк под глазом. Веймин же презрительно усмехнулся:

— Ты думаешь, что мог бы что-то не позволить заклинателю?

Глаза контрабандиста расширились в ужасе. Понимая, что жизнь его висит на волоске, он рухнул на колени:

— Простите меня, Ваше Высочество! Я не это хотел сказать! Я лишь имел в виду, что взял меч, чтобы заклинатель мог забрать его у меня! До того он лежал в одном из схронов с товаром!

— Понятно, — ответил первый принц, не глядя на него. Ладонь сжалась на рукояти черного меча Шехунгуая.

— Дашь мне расположение схронов. Всех. Городская стража проведет обыск и изымет их содержимое. Скажешь все честно и быстро, и тогда я, так уж и быть, сохраню твою

жалкую жизнь.

Ливей чуть не взвыл от отчаяния.

— Ваше Высочество! Пожалуйста! Пощадите! Оставьте хоть что-нибудь! Не разорайте меня! Я... Я... Я могу быть вам полезен!

— Ты?..

Веймин обернулся, глядя на него сверху вниз. Символы на клинке начали разгораться голодным багряным огнем.

Шехунгуай жаждал пожрать душу этого ничтожества.

— Чем такой жалкий червяк, как ты, может быть полезен принцу Шэнь?!

— Может быть, я и жалкий червяк, — покладисто согласился Ливей, — Но ваш младший брат очень ценил услуги, что я ему предоставлял. Я могу многое найти. Его Высочество интересовал не только этот меч, мой господин. Пощадите меня, позвольте мне продолжать мое дело, и я помогу вам найти реликвии, которые он искал.

Подняв глаза, контрабандист заискивающе улыбнулся:

— Пощадите меня, и я найду вам реликвии, что помогут вам победить вашего брата.

Лента Феникса плавно слетела с шеи девушки, оборачиваясь огненной птицей. Трижды облетел дух-хранитель клана Фен вокруг ритуального зала столичного поместья, прежде чем удобно устроиться в пылающей жаровне. Языки пламени взметнулись выше, и в их переплетении проступило человеческое лицо.

— Матушка, — Сюин поклонилась, как подобало почтительной дочери.

Цзиньхуа окинула взглядом помещение, после чего в упор уставилась на наследницу.

— Я вижу, ты не пострадала. Это хорошо. Однако ты была неосмотрительна. До меня дошли сведения о твоей неудаче.

— Да, матушка, — послушно подтвердила Сюин, — Я была слишком самоуверенна. Второй принц...

— Оправдания меня не интересуют, — прервала её глава клана, — Ты не справилась. Но ты жива. Это все, что важно. Одна плохая новость и одна хорошая.

— Да, матушка.

Никаких оправданий. Важно лишь то, что ты можешь и чего не можешь. Эту истину Фен Сюин впитывала с детства. Вместе с еще одной.

Принести величие клану Фен — единственная цель твоего существования.

— Теперь я хочу услышать следующее, — продолжила Цзиньхуа, — Это ты убила Шэнь Сяолуна?

В этом вопросе на самом деле крылось два вопроса.

— Это была не я, — твердо ответила девушка, — И я вне подозрений.

— Хорошо, — кивнула матушка, — Но твой голос похолодел. В чем причина?

В умении читать скрытые подтексты равных ей не было.

— Кто бы ни был убийцей принца, я не скажу и слова осуждения, — ответила Сюин, — Принц Сяолун предал меня. Если бы его план увенчался успехом, я... оказалась бы под ударом.

Она выбрала наиболее нейтральную формулировку, и Цзиньхуа не стала уточнять.

— Это твоя ошибка. Ты потеряла бдительность и дала переиграть себя. Однако ты искупила ошибку тем, что в итоге осталась при своих. Я рада, что ты уцелела.

— Спасибо, матушка, — поклонилась наследница.

«Я рада, что ты уцелела», — в исполнении Фен Цзиньхуа это было самое теплое выражение заботы и привязанности.

С того самого момента, как её супруга, которого она искренне любила и которого Сюин порой называла отцом, убили на её глазах, пронзив живот ритуальным клинком и забрав все духовные силы.

— Какова ситуация теперь? — спросила Цзиньхуа, — Принц Сяолун мертв. Поскольку ты следовала моим указаниям, ты никак не привязана к нему.

Она не спрашивала, следовала ли дочь её указаниям.

Указания главы клана были непререкаемы.

— Так скажи мне. Это правда, что первый принц Веймин обвинил в убийстве третьего принца Лиминя, бросил ему вызов и одолел его в поединке?

Фен Сюин кивнула:

— Это правда. Однако третий принц невиновен в убийстве. Это достоверная информация.

— Это неважно, — покачала головой Цзиньхуа, — Важно то, что победитель определен. Когда власть находится в руках одного человека, истиной становится то, что желает видеть истиной он один. Со смертью второго принца и слабостью третьего никто не помешает принцу Веймину стать наследным принцем. Это значит, что со дня на день главы кланов поспешат направить своих дочерей в Тянконджичен. Ты должна опередить их. К тому времени, как Отбор начнется, принц Веймин должен не сомневаться, что именно ты будешь ему идеальной невестой.

Наследница Фен промедлила, прежде чем ответить.

— Матушка... Позволь своей дочери со всем подобающим почтением высказать свои соображения.

Ни один мускул не дрогнул на лице главы клана, однако Сюин почувствовала, что она очень удивлена.

— Говори.

Сюин вздохнула, мысленно готовясь к тому, что сейчас её суждение будет осмеяно, и матушка в ней разочаруется.

— Я полагаю, что это преждевременно. Состязание еще не завершилось. Нам не следует принимать ни одну из сторон. Пока что лучше выждать и наблюдать.

С минуту, наверное, Фен Цзиньхуа молчала.

— Ты следуешь интуиции? — спросила она наконец, — Или у тебя есть веские основания так считать?

— Не то чтобы веские...

Наследница смутилась, не зная, как сказать. Цзиньхуа, однако, приглашающе кивнула:

— Расскажи мне. Даже если твои причины окажутся глупыми, я не разгневаюсь.

— Чисто гипотетически, — ответила Сюин, — Что бы ты подумала, если бы услышала такую историю? Кто-то уличил заклинательницу одного из Шести Великих Кланов в том, что она злоумышляла против него и королевской семьи. Уличив её, он заманил её в ловушку и пленил. После чего... выпорол, как нерадивую служанку, и отпустил невредимой.

Долго длилось молчание, когда глава клана Фен так и эдак рассматривала нарисованную дочь картину.

— Чисто гипотетически, — сказала она наконец, — Моей первой мыслью было бы, что он безумец и ищет смерти. Только безумец рискнет оскорбить великий клан, не подкрепив

это демонстрацией силы вроде той, что устроил Шэнь Юшенг восемнадцать лет назад. Он не может не понимать, что после этого клан уничтожит его. Чисто гипотетически.

Последнее она явно повторила намеренно.

— Однако так как твой вопрос явно с подвохом, я могу рассмотреть и иной вариант. Возможно, он настолько уверен в своих силах, что не нуждается в их демонстрации. Говорят, что слабость кричит, а сила молчит. В этом случае это по-настоящему опасный человек.

Фен Сюин кивнула:

— Поэтому я и предложила бы выждать и понаблюдать. Чисто гипотетически.

Под небесами множество чудес, скрытых от глаз обычного человека. Даже не сомневаясь в их существовании, обычный крестьянин или горожанин едва ли мог бы помыслить о том, чтобы встретить однажды девятихвостую лису хули-цзин, или царя зверей цилиня, а уж прыгающего упыря цзяньши — и вовсе только в кошмарных снах.

Однако если бы кто-то смог заглянуть в ту ночь в дворцовую усыпальницу, он несомненно признал бы и хули-цзин, и цилиня, и цзяньши явлениями совершенно обычными и ничем не примечательными, в сравнении с тем, что он увидел бы здесь.

По суровому, будто выкованному из металла лицу Лунь Танзина стекали слезы. Тихо, беззвучно, один из опаснейших людей королевства Шэнь — плакал.

Он стоял на коленях перед поминальной табличкой королевской супруги Лунь, и ритуальные дары сгорали в жаровне перед ним. Танзин не отрываясь смотрел на портрет, — портрет, художник которого был столь искусен, что смог передать неуловимое чувство постоянного движения, всегда исходившее от его сестры.

Из-за чего даже нарисованная, она, казалось, вот-вот оживет.

Жаль, что это впечатление лишь кажущееся.

— Сегодня шестой год с твоей смерти, Сянцзян, — негромко произнес Танзин, — Ровно шесть лет, как ты покинула этот мир. И никто из них не пришел почтить твою память. Ни твой муж. Ни твои сыновья. Никто, кроме меня.

На пару секунд он прикрыл глаза, что было для него сильнейшим выражением гнева.

— Они все так заняты борьбой за власть. Как будто кроме нее на свете больше ничего не имеет значение. Когда-то Юшенг казался мне другим. Ты ведь тоже считала так, разве нет? Потому ты и просила меня помочь тебе победить в Отборе, что полюбила его еще до того. Полюбила того, кем он казался.

Танзин перевел дух.

— Я виноват перед тобой, сестренка. Я так виноват перед тобой. Если бы я тогда не стал действовать... Не помог тебе победить... Не возвел его на престол...

Он опустил голову, стараясь не смотреть на портрет. Видеть её было невыносимо.

— ...если бы не все это, ты была бы жива.

На портрете Лунь Сянцзян слегка улыбалась — хитрой, лукавой улыбкой, передавшей её среднему и младшему сыновьям.

Сыновьям, которые в конечном счете забыли завет матери.

Сыновьям, которых постигло проклятие клана Шэнь.

— Все было бесполезно с самого начала. Сянцзян... Ты говорила, что твои сыновья смогут разорвать порочный круг. Но они не смогли. Они лишь вышли на новый виток. И принцы Шэнь сражаются ради власти, как делали это их отец и дяди. А до них все поколения клана Шэнь.

Лунь Танзин заставил себя посмотреть в голубые глаза сестры.

— Ты ошиблась. Твоя надежда обернулась прахом. Поэтому я начал действовать так, как я сам считаю правильным... Даже если это будет значить, что там, за Гранью, ты отвернешься от меня в отвращении. Даже если это будет значить, что мне суждено лежать в проклятой могиле, я не прощу никого из тех, кто повинен в твоей смерти.

Взяв в руки меч, он возложил его перед памятной табличкой покойной королевы.

— Даже если это будет стоить мне всего, я уничтожу клан Шэнь.

Закон королевства Шэнь гласил, что единственный допустимый вариант обращения к королю — это «Ваше Величество» и никак иначе. Формально исключений из этого правила не существовало. На практике, для принцев было определенное послабление: они могли в особых случаях обращаться к нему «отец». Говорили также, что покойная королева Сянцзян наедине обращалась к супругу по имени, — но так как свидетелей этому не было, точно знать, правда это или нет, мог лишь сам король.

Еще один человек, кому иногда дозволялось нарушать этот закон, переступил порог королевских покоев — и опустился на одно колено.

— Учитель, я сделал, как вы велели.

Хотя ему было уже почти сорок, никто и никогда не подумал бы на его реальный возраст. Чжи Чонглин на вид казался двадцатилетним юношей, а на контрасте со старым королем вполне мог быть принят за подростка.

— Встань, Чонглин, и подойди ко мне, — откликнулся король, — Остальные, оставьте нас.

В последние годы неофициальных гостей Его Величество всегда принимал, лежа в постели. И вообще, проводил в таком положении большую часть своего дня, перебираясь на трон лишь ради обрядов и церемоний. Однако разум его был все также ясен, а магические силы все так же велики. Именно благодаря им с самого его вступления на престол земля королевства Шэнь была плодороднее втрое против обычного.

— Поведай же мне. Что говорят люди о происшедшем?

— Никто не знает точно, что произошло, — ответил Чонглин, — Одни говорят, что убийцей был принц Лиминь. Другие — что принц Веймин. Третьи — что кто-то из кланов жаждет поднять восстание, как некогда сделал это клан Фен. А четвертые — что мы имеем дело с угрозой из-за Великой Стены.

— Они думают, что за Великой Стеной могли родиться заклинатели?

Его Величество рассмеялся болезненным, каркающим смехом.

— Это просто смешно. Неужели они забыли, что Одинокая Хэнъэ пролила лишь семь слез?

— Простонародье невежественно, Учитель, — откликнулся ученик, — Даже в столице из двадцати человек лишь один умеет читать.

— О, не надо этой высокомерной усмешки, мой мальчик, — улыбнулся король, — Не стоит недооценивать неграмотных людей. То, что мы с тобой прочитаем в книгах, они передают из уст в уста. Особенно это касается легенд. Сказки всегда более живучи, чем истина.

— Мудрость ваша безгранична, Ваше Величество, — поклонился Чонглин.

Король искоса глянул на него.

— Ты научился льстить, мой мальчик? Не стоит. Тебе не идет. Лучше расскажи о моих

сыновьях. Они уже начали действовать?

— Да, Учитель, — откликнулся он, — Первый принц Веймин и... второй принц Лиминь готовятся к войне друг против друга.

— Полагаю, это несколько преждевременно. Если их противостояние сейчас обернется генеральным сражением, это будет ненужной растратой потенциала. Вот что. Передай Веймину, что я запрещаю ему карать Лиминя за убийство Сяолуна, пока у него не будет неопровержимых доказательств, — или пока тот сам не нападет на него. А затем намекни Лиминю, что у него будет время для того, чтобы оправиться и восстановить силы.

— Да, Учитель, — вновь поклонился Чонглин.

— Эта война должна стать для обоих источником развития, — отметил король, — Мне не нужны слабые сыновья. Мне нужно, чтобы один из них достиг своей вершины, — прежде чем уничтожить другого.

В том ведь и был весь смысл. Говорили, что принцы Шэнь каждое поколение превращали состязание за титул наследного принца в войну на уничтожение. Но это была ложь.

Состязание за титул наследного принца с самого начала было войной на уничтожение по своей природе.

— Тебя мучает какой-то вопрос, мой мальчик, — Его Величество перевел взгляд на собеседника.

— Да, Учитель, — ответил Чонглин, — Вы говорите о том, что один из них достигнет вершины, обретет силу и уничтожит другого... Но что, если эта сила выйдет из-под контроля? Что, если опьяненный ею, он решит уничтожить и вас тоже?

Неожиданно Шэнь Юшенг расхохотался:

— Зачем мне беспокоиться об этом? Почему сила моих сыновей должна меня пугать, когда я чувствую, как пересыпаются последние песчинки в моих Незримых Часах?..

Больше книг на сайте - Knigoed.net